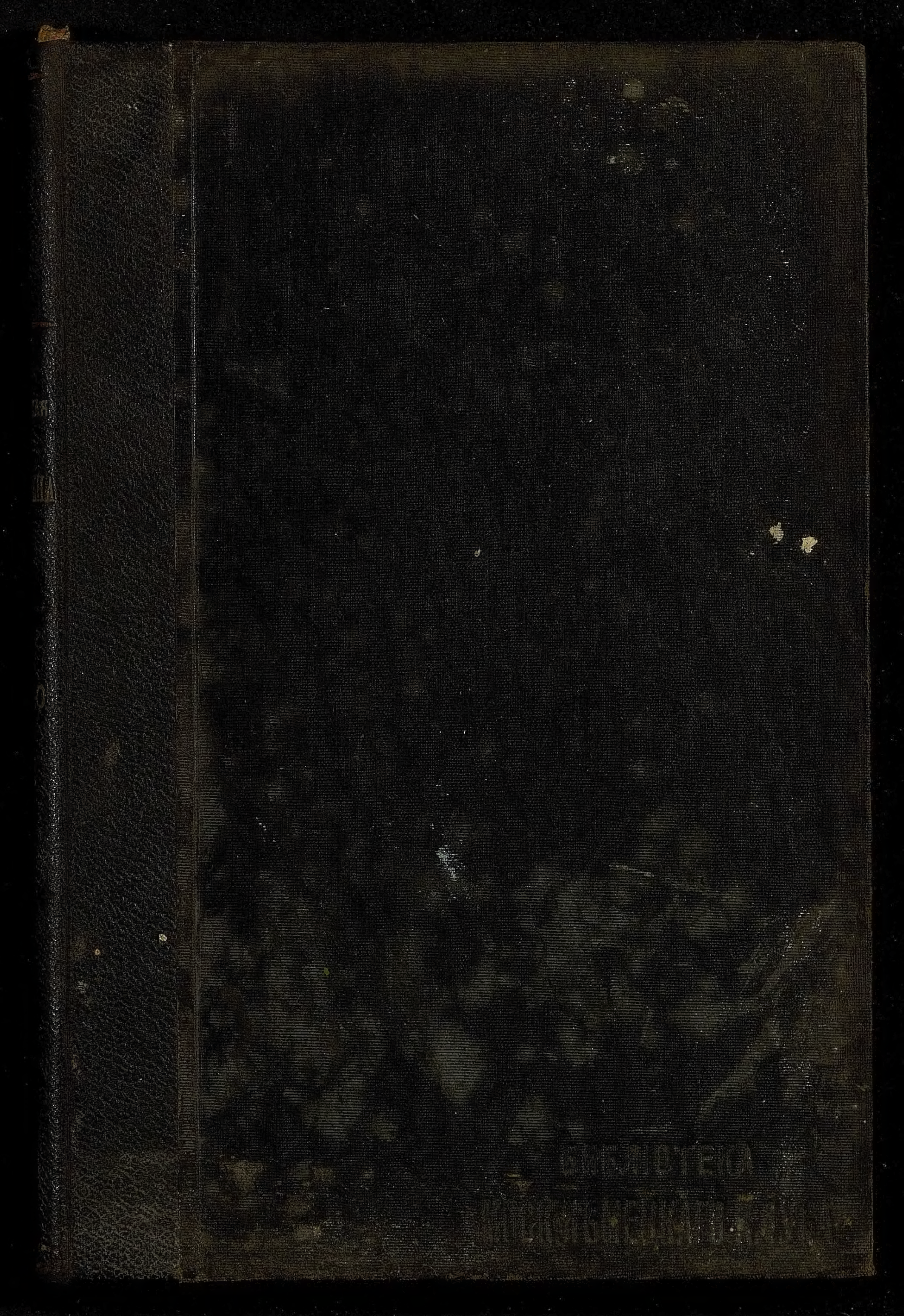
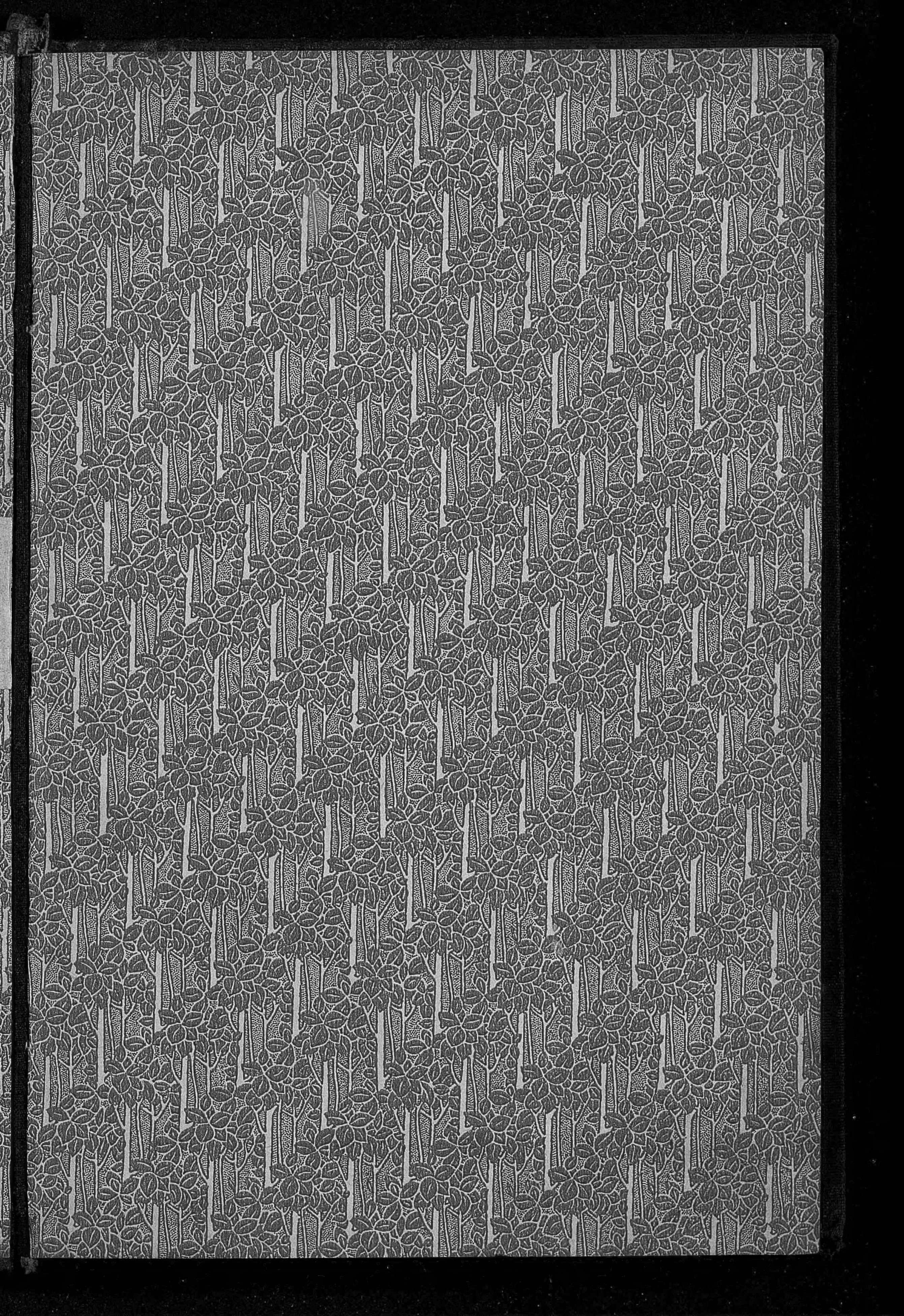

БИБЛИОТЕКА

А. С. ЧЕРЕНКОВЪ.
ПЕРЕПЛЕТНАЯ.
МОСКВА, Б. Бронная, В. Ко-
зихинскій пер., д. Чебышова,
кв. № 35.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. ІЮНЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: Портретъ Мелхиседека Значко-Яворскаго (Дороженко).

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1910.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Подъ редакціей А. Л. Волынскаго, при сотрудничествѣ Н. Г. Молоствова и П. А. Сергѣенко и при завѣдываніи художественной частью Е. П. Самокишъ-Судковской и М. В. Добужинскаго. Изданіе книгоизд—ва П. П. Сойкина. Спб. Выпуски I и II.

Популярная и въ то же время весьма обстоятельная біографія нашего величайшаго современника пишется по богатому матеріалу, который далеко еще не весь изданъ въ свѣтъ (напр., дневники и письма родителей Толстого), и даже не безъ нѣкотораго участія самого Льва Николаевича, просматривающаго корректуры, что служитъ значительнымъ ручательствомъ за фактическую точность сообщеній. Отъ подробнаго сужденія о книгѣ мы воздержимся до окончанія работы (всѣхъ выпусковъ обѣщано двѣнадцать). Скажемъ пока только, что здѣсь есть что читать и чѣмъ любоваться. Печатается изданіе роскошно и иллюстрируется очень богато — портретами, видами, снимками. Однихъ изображеній Льва Николаевича будетъ двѣсти. Хотѣлось бы только видѣть побольше единства и строгости въ этомъ отдѣлѣ и поменьше небрежныхъ виньетокъ и ненужныхъ фіоритуръ, поменьше фантастическихъ портретовъ. Тутъ самый сюжетъ, такъ сказать, „не терпитъ суеты, прекрасное должно быть величаво".

Н. Л.

М. Х. Рейтернъ. Біографическій очеркъ. Составленъ А. Н. Куломзинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ — бар. Нолькенъ. Съ приложеніями посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна. 1910.

Несмотря на то значеніе, какое имѣлъ стоявшій такъ долго во главѣ финансоваго управленія М. Х. Рейтернъ, его дѣятельность государственная, какъ министра финансовъ и личность до сихъ поръ мало выяснены въ нашей экономической литературѣ. Этотъ пробѣлъ, въ извѣстной степени, восполняется изданіемъ, тепло написаннаго г.г. Рейтернъ и близко знакомымъ съ дѣятельностью Р. въ старомъ комитетѣ министровъ, авторомъ многихъ историко-экономическихъ сочиненій А. Н. Куломзинымъ, біографическаго очерка.

Приложенныя къ очерку посмертныя записки Р., въ которыхъ онъ выяснилъ основныя начала экономической и финансовой системы своей эпохи и высказываетъ взгляды на готовность Р. къ войнѣ 1877—78 гг. и будущія экономическія и финансовыя ея послѣдствія, а равно мастерски изложенныя наблюденія надъ измѣненіями взглядовъ въ высшихъ придворныхъ кругахъ, читаются съ захватывающимъ интересомъ. *В. С.*

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей „Два мѣсяца въ Прагѣ" и „Вячеславъ Ганка". Подъ редакціей В. А. Ляцкой. М. 1910.

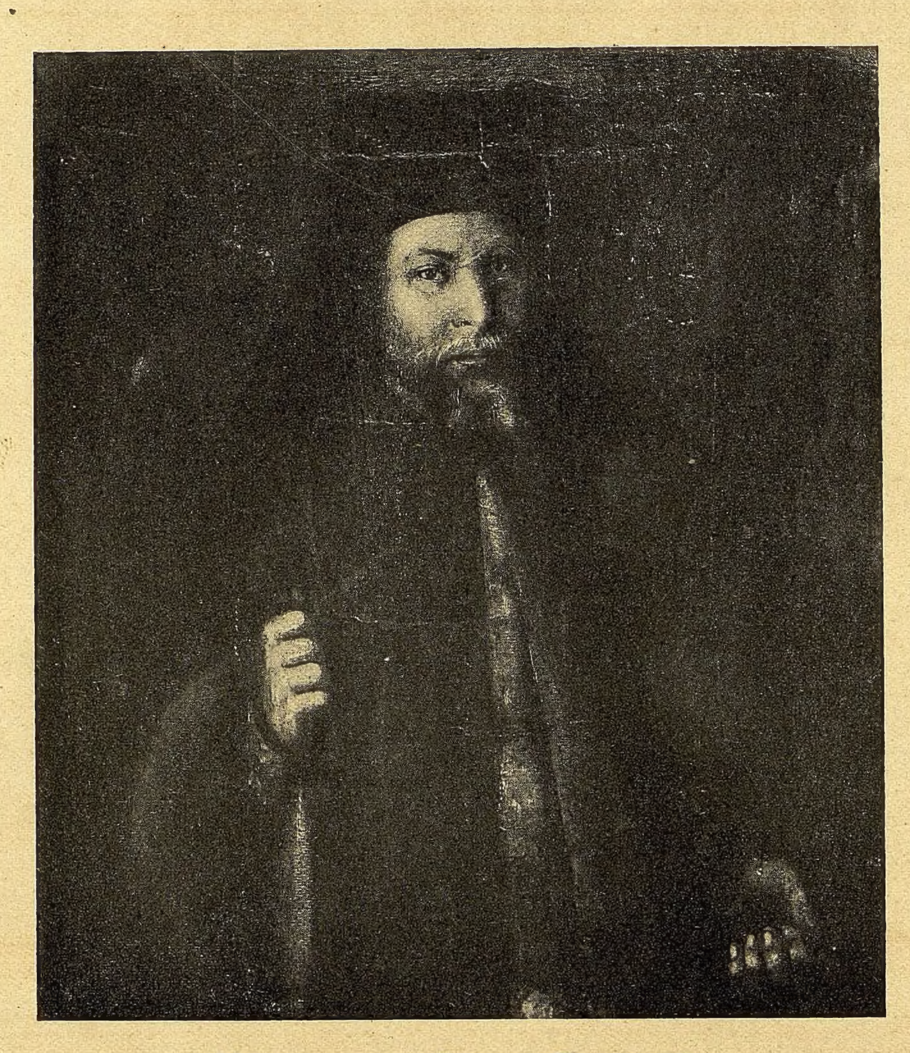
Издатель справедливо находитъ, что „біографія и характеристика А. Н. Пыпина еще ждутъ своего изслѣдователя, которому предстоитъ благодарная задача возсоздать умственный и нравственный обликъ знаменитѣйшаго изъ историковъ русской литературы не только по біографическимъ даннымъ, но и по отраженію его въ богатомъ литературномъ наслѣдствѣ". Задача дѣйствительно интересная, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нелегкая. Благородный и скромный ученый очень мало написалъ о себѣ самомъ; литературные и научные интересы поглощали его всего. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые много занимаются собою и видятъ въ этомъ „предметъ достойный: ничего любезнѣй вѣрно нѣтъ его". Біографія Пыпина — въ значительной степени исторія русской науки, и онъ самъ, видно, невольно подусознавалъ это, когда въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, задумавъ, послѣ усиленныхъ просьбъ близкихъ, разсказать о себѣ самомъ, быстро растекся мыслію по древу своей эпохи и куда-то далеко, далеко спряталъ свою личную исторію. И все-таки его внутренній обликъ проступаетъ четко. Замѣтки, какъ и спеціально-научные труды Пыпина, рисуютъ живую, на многое отзывчивую душу, многое любившую, вмѣщавшую много широкихъ сочувствій. Мелкопомѣстная дворянская семья и гимназія 40-хъ годовъ, петрашевцы, казанскій и петербургскій университеты, крымская кампанія, Добролюбовъ, Чернышевскій, русскіе и германскіе ученые 50—60-хъ годовъ, дѣятели чешскаго возрожденія—вотъ содержаніе этой интересной книги. Мало въ ней обычныхъ мемуарныхъ мелочей и интимностей, но зато отлично представлена эпоха, которой Пыпинъ былъ виднымъ научнымъ дѣятелемъ и типическимъ представителемъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно интересенъ приложенный къ книгѣ портретъ Пыпина, портретъ настоящаго шестидесятника.

Н. Л.

Изъ записной книжки артиста Василія Васильевича Безекирскаго. 1850—1910.

Воспоминанія извѣстнаго скрипача, бывшаго солиста московской оперы, носятъ нѣсколько отрывочный характеръ; передъ читателемъ проходитъ масса лицъ, но хорошо запоминающихся портретовъ нѣтъ, одни лишь наброски. Фактовъ тоже много, и они не лишены извѣстнаго интереса. Записки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, сколько выдержки и настойчивости нужно было проявить, чтобы оградить достоинство русскаго артиста и просто человѣка во времена полнаго произвола со стороны театральной администраціи. Достаточно сказать, что нашъ Императорскій оркестръ состоялъ преимущественно изъ нѣмцевъ, которые получали пенсію за десятилѣтнюю службу ту же, какую русскіе получали за двадцать лѣтъ.—Искренность и правдивость тона усиливаютъ впечатлѣніе отъ книги.

В. Я.

Мелхисидекъ Значко-Яворскій
(Дороженко).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

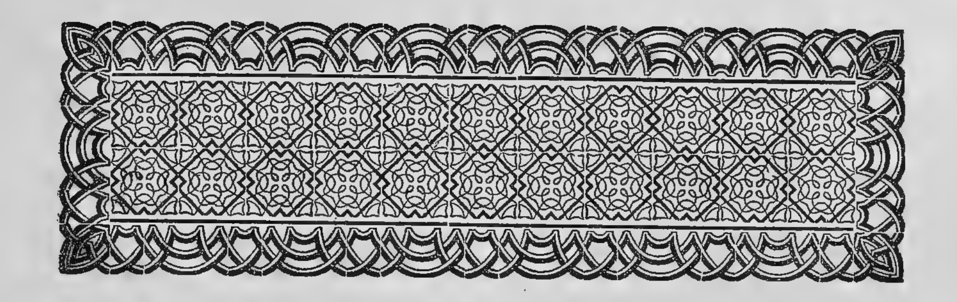
Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля". — „Житейскія встрѣчи". **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами".—„Поѣздка въ Самборъ". **П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ". Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.", при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни" **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи". Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ". **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя". **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка". **А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея."—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову". **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину". **М. И. Кіановскій**—„Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина". **Н. К. Полевой**—Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной**—„Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г." **Ю. Д. Татищевъ**—„Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки". „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ". **Г. Т. Синюхаевъ**—„Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ". **Н—ъ**—„Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ". **Б. М. Колюбакинъ**—„Воспоминанія графа Бенкендорфа". О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей". **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.". **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка". **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство" (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—„Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ". Воспоминанія Д. Санглена, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Наброски изъ моей жизни[1].

По 1-го января 1863 года газета „Русскій Инвалидъ" находилась въ арендномъ содержаніи у полковника генеральнаго штаба Н. Г. Писаревскаго. Какія были условія при заключеніи контракта, и что послужило причиною его нарушенія, мнѣ неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какой убытокъ понесло военное министерство при расторженіи контракта.

19-го ноября 1862 года циркуляромъ инспекторскаго департамента было объявлено, что съ 1-го января 1863 года изданіе газеты въ хозяйственномъ отношеніи переходитъ въ завѣдываніе военнаго министерства. Далѣе было сказано, что „Русскій Инвалидъ" составляетъ оффиціальный органъ военнаго министерства только по своей оффиціальной части; по всѣмъ же прочимъ отдѣламъ, которые войдутъ въ составъ газеты, согласно новой объявленной для нея программѣ, изданію предоставлена самостоятельность съ отвѣтственностью за статьи, помѣщаемыя въ неоффиціальной части, самихъ редакторовъ; но при этомъ отъ надзора общей цензуры газета будетъ уже освобождена.

Первыми редакторами были: генеральнаго штаба полковникъ Романовскій и профессоръ университета А. Н. Бекетовъ. Послѣдній впрочемъ оставался очень недолго. Съ удаленіемъ его мнѣ пришлось быть ближайшимъ сотрудникомъ Д. И. Романовскаго, что продолжалось до 1865 года, когда я самъ сдѣлался редакторомъ.

---

1) См. „Русская Старина" май 1910 г.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я имѣлъ возможность близко узнать Д. А. Милютина. Бывая часто у него со статьями своими или чужими, требовавшими предварительнаго доклада, я имѣлъ возможность замѣтить его взглядъ на тотъ или другой общественный или политическій фактъ, что давало мнѣ возможность оріентироваться въ направленіи газеты.

Въ новой редакціи газеты постоянными сотрудниками были слѣдующія лица: Андрей Николаевичъ Бекетовъ, Артуръ Богдановичъ Бушенъ, Викторъ Петровичъ Буренинъ, Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, Андрей Парфенычъ Заболоцкій, Михаилъ Іосифовичъ Кояловичъ, Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ, князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, Владиміръ Ивановичъ Ламанскій, Н. А. Милютинъ, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ и Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ. Кромѣ того, редакція озаботилась привлеченіемъ къ изданію заграничныхъ корреспондентовъ, въ Германіи, въ Австріи, Италіи и въ Парижѣ, въ числѣ коихъ были: баронъ Торнау, Калошинъ и Боборыкинъ.

Механизмъ редакціонной работы состоялъ въ томъ, что передовая статья, трактующая внѣшнюю политику, обязательно должна была быть прочитанной министру, для чего я ежедневно вечеромъ къ нему и ѣздилъ. Вѣроятно, Дмитрій Алексѣевичъ опасался, что какая-нибудь неосторожность со стороны редакціи подастъ поводъ для претензій со стороны князя Горчакова. Поэтому передовыя статьи по иностранной политикѣ были жиже воды и во все время моего редакторства ни одной поправки, сдѣланной министромъ, я не помню.

Что касается до внутренней политики, то здѣсь редактору была дана извѣстная свобода, при чемъ, однако, весьма часто собственное благоразуміе редактора останавливало его и заставляло обращаться за санкціею къ министру. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что министръ постоянно инспирировалъ редакцію; напротивъ, редакція, слѣдя за общественными явленіями и событіями, смотря по важности, докладывала о нѣкоторыхъ изъ нихъ министру и, смотря по обстоятельствамъ, отзывалась о нихъ въ газетѣ.

Какъ ни ничтожны были передовыя статьи объ иностранной политикѣ въ газетѣ, тѣмъ не менѣе одна изъ нихъ надѣлала большого шума въ нашемъ муравейникѣ. При одномъ изъ вечернихъ докладовъ министръ спросилъ меня:

— Скажите, Сергѣй Павловичъ, что у насъ было въ „Инвалидѣ“ о баронѣ Брунновѣ, я что-то совсѣмъ не помню.

— Я хорошо помню, что фамилія барона не фигурировала въ газетѣ.

— Справьтесь и скажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Слушаю, а что же случилось?

— Государь мнѣ сегодня сказалъ, что ему жаловался баронъ на то, что Инвалидъ ведетъ свою политику и мѣшаетъ ему.

Какъ ни смѣшны мнѣ были слова барона Бруннова, придававшаго такую важность газетѣ съ жидкими статьями политическаго содержанія, тѣмъ не менѣе, однако, я былъ встревоженъ и отвѣчалъ:

— Слушаю, завтра же перерою газету за цѣлый мѣсяцъ и доложу о результатѣ.

И вотъ, на другой день дѣйствительно вся редакція начала перечитывать всѣ передовыя статьи и ничего не нашла подобнаго тому, о чемъ говорилъ мнѣ министръ.

Впослѣдствіи это объяснилось, и какъ кажется справедливо, слѣдующимъ образомъ. Писавшій передовыя статьи, получавшій иногда свѣдѣнія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ хорошъ съ двумя сателлитами князя Горчакова, Катакази и Гамбургеромъ, которые, вѣроятно въ угоду князю Горчакову, и подсунули фразу, смыслъ которой долженъ былъ понять никто другой, какъ только баронъ Брунновъ и князь Горчаковъ.

Въ дальнѣйшемъ, впрочемъ, вскорѣ все это было забыто.

Съ преобразованіемъ „Русскаго Инвалида“ совершенно измѣнилась его роль. Бывъ прежде исключительно военнымъ органомъ, онъ теперь дѣлался серьезною политическою газетою, съ которою за короткое время ея существованія приходилось считаться не только русской прессѣ, но и заграничнымъ органамъ печати. Въ особенности роль „Инвалида“ за границею возрасла съ 1864 года, когда при газетѣ сталъ издаваться на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ литографированный листокъ „Correspondanse Russe“, о чемъ будетъ сказано ниже.

Газета, дотолѣ печатавшая приказы да обрывки изъ „Journal de S.-Pétersbourg“, вдругъ, благодаря своимъ даровитымъ сотрудникамъ, заговорила смѣлымъ и неподкупнымъ языкомъ о внутренней политикѣ, о торговлѣ и промышленности, о желѣзныхъ дорогахъ, о литературѣ. Русское общество скоро замѣтило направленіе безпристрастной газеты, и уже въ 1864 году я получилъ изъ Харькова слѣдующую телеграмму:

„Харьковское общество всѣхъ сословій, въ числѣ 360 человѣкъ: дворянъ, купцовъ, ученыхъ, военныхъ, мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ по поводу судебной реформы, шлетъ вамъ благодарность свою за поддержаніе вашею газетою мысли о проведеніи велико-торгово-промышленной

южной желѣзной дороги изъ Москвы, черезъ Харьковъ, къ Черному морю.

Г. Данилевскій.
Н. Нельговскій.
Городской голова Скрыпниковъ".

Выше уже упоминалось о Земскомъ собраніи въ Петербургѣ, въ томъ же году состоялось и дворянское собраніе. О предстоящемъ собраніи говорили уже заранѣе, при чемъ вмѣстѣ съ собраніемъ упоминалось и имя царскосельскаго предводителя г. Платонова. Всѣ чего-то ждали отъ него и говорили о какой-то его запискѣ, которая будетъ имъ прочитана.

Собраніе было открыто необыкновенно торжественно. Болѣе двухсотъ человѣкъ дворянъ, засѣдавшихъ въ собраніи въ своихъ разнообразныхъ блестящихъ мундирахъ съ разнообразными физіономіями, составляли блестящую живописную картину. Сѣдовласые генералы, увѣшанные орденами, рядомъ съ юными корнетами и прапорщиками въ блестящихъ гусарскихъ доломанахъ и простыхъ армейскихъ мундирахъ, скромные дворянскіе мундиры подлѣ золотыхъ камергергскихъ и камеръ-юнкерскихъ, и все это освѣщалось яркимъ солнцемъ.

Въ первую недѣлю засѣданій публика на хорахъ была весьма не многочисленна, едва первыя скамейки одной стороны были заняты. Но съ каждымъ днемъ число любопытныхъ возрастало, и подъ конецъ засѣданій не только всѣ скамейки со всѣхъ сторонъ были заняты, но трудно было найти мѣстечко, чтобы видѣть и слышать, что дѣлается и говорится въ залѣ. Особенно много было дамъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ высшему кругу потому, что только слышалась отъ нихъ бойкая французская рѣчь, такъ что можно было забыть, что находишься въ русскомъ собраніи, а не во французской палатѣ. Надо впрочемъ отдать справедливость многимъ изъ нашихъ дамъ, что, несмотря на свой чисто парижскій діалектъ, онѣ сильно интересовались происходившими преніями о чисто русскихъ жизненныхъ вопросахъ и внимательно по цѣлымъ часамъ прислушивались къ нимъ.

16 марта, наконецъ, читалась записка г. Платонова. Въ этотъ день публика была особенно многочисленна. Тутъ были и чиновники, и военные, и профессора, и помѣщики, а дамъ было еще больше, и еще громче раздавались французскія фразы. Во время же чтенія столь давно и столь многими ожидаемой записки царствовала мертвая тишина. „Великое народное событіе—уничтоженіе крѣпостного права—поставило какъ сословіе дворянъ, такъ и другія сословія въ новыя отношенія, требующія совершеннаго возрожденія нашего зем-

скаго быта и упроченія за нимъ самостоятельнаго управленія“. Такъ началъ чтеніе г. Платоновъ.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ говорилъ, что при разноправности сословій можно было помѣщикамъ довольствоваться коекакими прежними порядками, ибо, и не участвуя въ земскихъ дѣлахъ, они были обезпечены въ своихъ интересахъ и безъ хлопотъ получали опредѣленные доходы съ имѣній. Оттого дворянство, отдѣлясь отъ остальнаго земства, болѣе и болѣе примыкало къ бюрократіи, и выборное начало, подавляемое администраціею, было безплодно. Теперь не то, самые интересы помѣщиковъ требуютъ соединенія сословій и общаго участія въ дѣлахъ земства; вмѣсто крѣпостного права, является потребность въ равноправности для охраненія личности и собственности каждаго отъ произвола; является настоятельная нужда въ томъ, чтобы лучшіе избранные люди, русской земли, принимали бы участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Такова была безупречная, повидимому, тема, развитая г. Платоновымъ; но для болѣе ясной оцѣнки всего содержанія ея во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, оказывалось нѣсколько, такъ сказать, исключительно дворянскихъ тенденцій, о чемъ тотчасъ же и заявилъ свое мнѣніе „Русскій Инвалидъ“.

Мнѣніе это газета изложила въ слѣдующей заключительной о собраніи статьѣ:

„Лѣтопись наша окончена. Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о духѣ и результатахъ труда почтеннаго собранія. Еще въ первой статьѣ своей мы откровенно высказали, что дворянство можетъ и желаетъ принять дѣятельное участіе въ обсужденіи отечественныхъ вопросовъ и въ содѣйствіи правительству къ усиленному ихъ рѣшенію. Мы и теперь остаемся при томъ же мнѣніи. Что же касается до безпристрастія въ рѣшеніи вопросовъ, то мы, къ сожалѣнію, въ немъ сомнѣваемся. Много разсуждали въ собраніи о равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ, о равноправности; но въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ ясно обнаружились сословные предразсудки, которыми проникнуто большинство; ясно высказались сословныя стремленія къ защитѣ во что бы то ни стало дворянскихъ привилегій. И это впрочемъ понятно и естественно: вѣковыя привычки и стремленія не могутъ потерять своей силы въ нѣсколько лѣтъ. Такъ было въ исторіи почти всѣхъ европейскихъ дворянствъ, начиная съ римскихъ патриціевъ до нѣмецкаго юнкерства и англійской аристократіи; медленно, шагъ за шагомъ, уступали они свои привилегіи и только послѣ болѣе или менѣе упорной и продолжительной борьбы равнялись передъ законами съ другими сословіями. Такъ будетъ и у насъ, хотя, къ счастію, борьба

съ нашимъ слабымъ искусственнымъ аристократизмомъ не можетъ быть ни упорна, ни продолжительна. Насъ обвиняютъ въ демократизмѣ напрасно: мы не противъ дворянства доступнаго всѣмъ сословіямъ, какъ наше, и можетъ быть, какъ элементъ, выработанный нашей исторіей, оно необходимо для дальнѣйшаго развитія нашего общества;—не даромъ же оно болѣе двухъ вѣковъ питалось трудомъ народа, выростало на его согнутой спинѣ. Но, развиваясь и преуспѣвая, пусть же дворянство не мѣшаетъ общему развитію и преуспѣванію, присвоивая себѣ права на предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ, право на непосредственное ходатайство передъ верховной властью и т. п. Ревниво оберегая и защищая эти устарѣлыя привилегіи, оно подражаетъ отсталымъ нѣмецкимъ феодаламъ, а не либеральнымъ англійскимъ джентльменамъ, и само произноситъ надъ собою приговоръ. Дворянскія тенденціи проглядываютъ даже въ лучшихъ людяхъ, даже, повидимому, въ безкорыстныхъ предложеніяхъ. За примѣромъ ходить не далеко. Записка г. Платонова, которую мы частью изложили, и которой во многомъ сочувствуемъ, начинается и кончается дворянскими выгодами; хотя въ ней безпрестанно повторяется мысль объ уравненіи и соединеніи всѣхъ сословій. При крѣпостномъ правѣ намъ было выгодно,—мы молчали, теперь не то, и мы заговорили. Къ счастью русскаго народа, правительство наше гораздо либеральнѣе дворянства".

Такая оцѣнка проекта г. Платонова подняла на ноги всѣхъ тѣхъ, которые никакъ не могли помириться съ уничтоженіемъ крѣпостного права. Главнымъ органомъ крѣпостнической партіи была въ это время газета „Вѣсть", издававшаяся г. Скарятинымъ и Юматовымъ. Она съ пѣною у рта обрушилась на „Русскій Инвалидъ", обвиняя его въ радикализмѣ и подчеркивая все, что только могло возбудить вниманіе начальствующихъ лицъ; она это дѣлала тѣмъ запальчивѣе, что за ея спиною стояли покровители, занимавшіе властные посты въ лицѣ Валуева, Тимашева, Потапова и др.

Съ этой минуты рѣдкій номеръ газеты „Вѣсть" появлялся безъ самыхъ желчныхъ нападокъ на „Инвалидъ" и на редакцію. Болѣе всего возмущалась она тѣмъ, что не могла прямо назвать по имени того истинно государственнаго человѣка, который, сочувствуя благимъ начинаніямъ Александра II, до конца своего служебнаго поприща стоялъ за государственные интересы Россіи, тогда какъ редакція „Вѣсть" съ яростью стояла за крѣпостничество, за баронскія притязанія остзейцевъ, за безумныя мечты польскихъ магнатовъ.

Она въ этомъ случаѣ по русской поговоркѣ била „не по коню, такъ по оглоблямъ".

А могла ли редакція „Инвалида" равнодушно относиться къ за-

тѣямъ тѣхъ администраторовъ, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, продавали самые дорогіе интересы Россіи, служа ей вѣроломно. Въ потаповское время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ редакція получала массу писемъ, въ которыхъ шагъ за шагомъ описывались всѣ коварныя дѣйствія тамошней администраціи, клонившіяся постоянно къ тому, чтобы выжить оттуда русскихъ людей и замѣнить ихъ поляками, или такими русскими, для которыхъ государственные интересы ничего не стоили.

Я приведу здѣсь одно изъ сохранившихся у меня писемъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь.

„Съ марта мѣсяца въ нашемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ Вамъ вѣроятно уже отчасти извѣстно, происходятъ новые порядки, или иначе говоря, для обрусенія края приспособляется программа „Новаго Времени“ [1]); газеты „Вѣсть“ и „Новое Время“ постоянно проповѣдывали, что здѣшніе крестьяне надѣлены русскими мировыми посредниками большимъ количествомъ земли, чѣмъ бы слѣдовало, хотя это совершенно несправедливо. Значитъ, по понятію этихъ газетъ для возстановленія законности, порядка, правосудія, правъ собственности и даже самаго спокойствія слѣдуетъ перепровѣрить дѣйствія повѣрочныхъ комиссій. Но, такъ какъ для этой цѣли не годятся, конечно, прежніе мировые посредники, то генералъ-губернаторъ Потаповъ въ первые же два мѣсяца своего управленія краемъ уже успѣлъ смѣнить болѣе сорока человѣкъ посредниковъ, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ было предписано даже немедленно и вовсе оставить край. Прежніе губернаторы, утверждавшіе дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, а равно и другіе начальники отдѣльныхъ частей также не были пригодны для этой цѣли, а потому почти всѣ поголовно и были смѣнены.

Слѣдовало, затѣмъ, уничтожить самую гласность, чтобы никто отсюда не смѣлъ писать, что творится, въ видахъ правосудія, однимъ словомъ, чтобы насталъ прежній мракъ для Россіи по дѣламъ здѣшняго края. Для этого редактору „Новаго Времени“ Киркору, какъ распространяющему ложь о здѣшнихъ дѣлахъ, вопреки рѣшенія Государственнаго Совѣта было выдано Потаповымъ 4.000 руб., а корреспондентовъ „Голоса“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ рѣшено выгнать со службы и даже выслать изъ края. Такъ г. Антропову, который писалъ въ защиту Главацкаго и который объявилъ Потапову, что дѣйствительно онъ писалъ предъявленную ему статью въ „Голосъ“, было приказано подать въ отставку. Ксендзъ Козловскій,

---

[1]) Говорится о газетѣ, которая издавалась въ то время Киркоромъ.

принявшій православіе, былъ лишенъ прихода, жалованья и, писавшій статьи о принадлежности Остробрамской иконы православнымъ, долженъ былъ прекратить свои изысканія, такъ какъ Потаповъ прямо объявилъ ему, что ежели онъ будетъ продолжать писать, то онъ его сошлетъ въ Вятку. Мнѣ тоже лично объявлено, что вышлетъ изъ края. Затѣмъ послѣдовательно одно за другимъ, отмѣнены всѣ прежнія Муравьевскія распоряженія. Въ то же время польскимъ литографіямъ и типографіямъ возвращали залоги, полякамъ дозволили имѣть ружья, брать порохъ изъ казенныхъ складовъ...

Городскимъ головою въ Вильнѣ Потаповъ назначаетъ графа Тышкевича, а между тѣмъ поляки не зѣваютъ и, кажется, задумываютъ опять устроить свое собственное сѣверо-западное войско. По крайней мѣрѣ въ казармахъ, занимаемыхъ Троицкимъ полкомъ, нашли прокламаціи, зазывающія офицеровъ и солдатъ въ польскія войска, гдѣ имъ будетъ лучше, и гдѣ имъ будутъ платить жалованья больше.

Такимъ образомъ, достаточно и этихъ нѣсколькихъ строкъ, чтобы хотя отчасти понять печальное положеніе здѣшнихъ русскихъ въ настоящее время, тѣхъ русскихъ, которые служатъ здѣсь Государю и Отечеству, перенося всѣ тяжести жизни, всѣ оскорбленія съ истино рыцарскимъ самопожертвованіемъ".

Понятно, что письмо это не могло быть помѣщено въ газетѣ, но оно было мною прочитано военному министру. Точно также я доложилъ ему и не менѣе характерное письмо слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь.

„Дней десять тому назадъ, на возвратномъ пути изъ своего заграничнаго путешествія, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Вильну редакторъ „Вѣсти" г. Скарятинъ. Разговоры его при посѣщеніи нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь живущихъ, оказались весьма занимательными, а потому я рѣшился сообщить ихъ Вамъ. Кромѣ Г. и Р. онъ былъ въ комиссіи по церковнымъ дѣламъ, которой завѣдуетъ г. Никитинъ, также онъ былъ въ комиссіи, гдѣ предсѣдательствуетъ Главацкій. Главацкому онъ доказывалъ между прочимъ, что самый надежный оплотъ Россіи остается только въ аристократіи; все остальное гниль, угрожающая государству анархіей. Къ числу аристократовъ, составляющихъ оплотъ Россіи, кромѣ Валуева, Шувалова, Суворова, Потапова, онъ представляетъ конечно и себя.

Съ Г. онъ былъ еще откровеннѣе. Онъ говорилъ ему, что съ возвращеніемъ Государя изъ-за границы въ Варшавѣ рѣшится окончательно вопросъ о либерально-гуманной политикѣ Россіи относительно внутреннихъ ея вопросовъ, и навсегда покончится счетъ

съ старорусскою партіей, т. е. съ военнымъ министромъ и его безобразною партіей. Цинизмъ его откровенія дошелъ наконецъ до того, что онъ прямо увѣрялъ, что у нихъ, у этихъ защитниковъ польскихъ и нѣмецкихъ интересовъ въ Россіи, есть вѣрное средство всегда остановить Государя отъ исполненія совѣтовъ этой безобразной партіи: стоитъ только напомнить о Каракозовѣ. Вотъ какими средствами эти гуманисты дѣйствуютъ на великодушнаго монарха, такъ доселѣ славно ведущаго по мирному пути прогресса. Вотъ такихъ людей слѣдуетъ высылать изъ края, а между тѣмъ теперь они у насъ пользуются почетомъ: даже Киркоръ обѣдалъ у Потапова, а губернаторъ Шестаковъ поспѣшилъ отдать ему визитъ. Сегодня опять ждутъ сюда Скарятина, который, кажется, хочетъ вмѣстѣ съ Потаповымъ отправиться въ Варшаву, гдѣ будетъ Совѣтъ Министровъ.

О подвигахъ настоящаго нашего генералъ-губернатора Вы уже достаточно, конечно, знаете изъ газетъ. Выславъ изъ края самыхъ лучшихъ мировыхъ посредниковъ болѣе ненавистныхъ полякамъ, выславъ всѣхъ корреспондентовъ газетъ, съ патріотическимъ направленіемъ,—корреспонденты „Вѣсти“ и „Новаго Времени“ въ особенномъ почетѣ,—Потаповъ взялся выслать и русскихъ священниковъ. Участь Смарагда, сказавшаго проповѣдь 14-го апрѣля, Вамъ конечно извѣстна. Теперь Потаповъ написалъ епископу Александру, назначенному въ Минскъ, предложивъ немедленно удалить отъ должности пять священниковъ его новой епархіи; въ случаѣ же, если онъ замедлитъ исполненіемъ этого его распоряженія, то, на основаніи военнаго положенія, онъ ихъ вовсе вышлетъ изъ края. Добавлять къ подобнымъ фактамъ, кажется, нечего“.

А вотъ свѣдѣнія о происходившемъ въ то же время въ юго-западномъ краѣ.

Милостивый Государь.

„Нѣтъ сомнѣнія, что, читая въ „Кіевлянинѣ“ описаніе первой поѣздки генерала-губернатора Безака по Кіевской губерніи для ревизіи, Вы, ежели не имѣли частныхъ свѣдѣній болѣе вѣрныхъ, то повѣрили благотворному вліянію этого путешествія для поднятія вообще русскаго духа въ этомъ краѣ; но Вы, можетъ быть, не знаете, что „Кіевлянинъ“ получаетъ отъ мѣстнаго начальства субсидію, что онъ помѣщаетъ то, что ему сообщено отъ оффиціальныхъ корреспондентовъ восторженниковъ по заказу, а не то, что въ сущности происходитъ. Но на все есть предѣлъ, и въ „Кіевлянинѣ“ на столько, кажется, хватило совѣсти, чтобы не восхвалять дальнѣйшихъ поступковъ г. Безака, представляя ихъ въ розовомъ цвѣтѣ, потому что это было бы просто измѣною всѣмъ роднымъ интересамъ, вводя

такимъ образомъ русское общество въ заблужденіе на счетъ дѣйствительности происходящаго. Мы уже не говоримъ о дѣйствіяхъ Анненкова, коего поступки и побужденія болѣе всего зависѣли отъ всякой встрѣчной польской юбки; его карьера къ нашему общему благополучію кончена, но видно этому юго-западному краю уже такъ на роду написано подвергаться испытаніямъ одно другого хуже. За Анненковымъ слѣдуетъ Безакъ, вотъ о его подвигахъ мы и намѣрены Вамъ повѣдать, изложивъ путешествіе его по Волынской губерніи. Утромъ 12-го августа его высокопревосходительство изволили выѣхать изъ Кіева и на 65 верстѣ, и на станціи Ставища, вкусно обѣдать у поляка князя Гедройца, представившагося ему въ мундирѣ папскихъ войскъ. Далѣе продолжая путешествіе, онъ не ночевалъ съ 13 на 14, какъ предполагалось по печатному маршруту въ г. Овручѣ, гдѣ ждалъ его волынскій губернаторъ, два дня, не доѣзжая до него одну станцію. Прибывъ въ Овручъ, онъ отказался отъ обѣда, приготовленнаго ему губернаторомъ, вѣроятно желая высказать ему личное неудовольствіе, до котораго намъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла и которое предъ поляками выказывать уже никакъ не слѣдуетъ. Далѣе, онъ отправился въ городъ Заславль; здѣсь также, какъ и въ Овручѣ и вообще вездѣ, посмотрѣлъ на стѣны присутственныхъ мѣстъ,—онѣ всѣ были выбѣлены—и отправился въ Острогъ на обѣдъ къ ясновельможному пану князю Яблоновскому. Надо Вамъ знать, что князь Яблоновскій въ 1863 году угощалъ обѣдами также и повстанцевъ въ своихъ деревняхъ: Плужномъ и Мякотахъ, за что экономы этихъ деревень, сильныя орудія его воли, сидятъ въ тюрьмѣ, а онъ, какъ и всегда бываетъ съ богатыми панами, на свободѣ. Объ этомъ зналъ предварительно и оффиціально и г. Безакъ; поэтому можно и даже должно было ожидать, какъ и ожидали, совершенно другого результата относительно князя Яблоновскаго и другихъ вѣдомыхъ всѣмъ инсургентовъ: г.г. Іодки, графа Иллинскаго, въ обществѣ которыхъ онъ обѣдалъ. Затѣмъ, послѣ обѣда онъ отправился въ м. Межиричи, и тутъ-то произошла сцена съ мужиками совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, чѣмъ за обѣдомъ съ милыми поляками. Мужики эти уклоняются отъ взыска оброка; слѣдовательно, не слушаются. До начала, когда имъ была объявлена свобода, въ 1861 году, ихъ торопили съ грамотами: кто послушается, говорили, тотъ скорѣе будетъ собственникомъ. Нѣкоторые дѣйствительно послушались: паны получили выкупную сумму, и послушные мужики выплачиваютъ теперь почти двойную сумму противъ тѣхъ, кои не послушались, такъ какъ теперь идетъ новая переоцѣнка земли и повѣрка грамотъ русскими мировыми посредниками. Но пока идетъ эта повѣрка, съ нихъ требуютъ взноса

оброка по первоначальной оцѣнкѣ. Естественно, что мужики ждутъ переоцѣнки, чрезъ что и самый оброкъ уменьшится почти вдвое, и хотя ихъ увѣряютъ, что лишнее количество денегъ, теперь ими вносимое панамъ, будетъ зачтено на будущее время, но они не довѣряютъ, видя примѣръ на своихъ послушныхъ сосѣдяхъ, поторопившихся выкупомъ земель и вносящихъ за свое послушаніе двойную цѣну, за землю, такъ какъ помѣщики уже получили слѣдующую имъ сумму и возвратить отданнаго нельзя. И вотъ Безакъ вмѣсто того, чтобы войти по-христіански и по-русски въ положеніе этого несчастнаго люда, столько разъ сбитаго съ толку, этими безконечными варіаціями крестьянскаго вопроса и по милости измѣнниковъ пановъ, поставившихъ крестьянъ въ двухсмысленное положеніе къ правительству, бросается сначала на одного мужика, хватаетъ его за волосы, другихъ ругаетъ самыми площадными словами, на утѣшеніе поляковъ, бабъ ставитъ на колѣни и восемь человѣкъ отправляетъ въ Кіевскую крѣпость. . . . .

. . . .

. . . .

Далѣе, въ г. Дубно, онъ опять обѣдалъ у князя Любомірскаго. Такимъ образомъ его путешествіе есть собственно путешествіе по польскимъ обѣдамъ пановъ, отъ которыхъ даже мы грѣшные отказываемся, зная очень хорошо, что эти обѣды не что иное, какъ желаніе показать передъ народомъ свою дружбу съ высшими властями, поставить въ тупикъ и насмѣяться надъ тѣмъ же народомъ, который недавно этихъ бунтовщиковъ вязалъ, а теперь ихъ же самихъ дерутъ и сажаютъ въ крѣпость.

Въ Житомірскомъ уѣздѣ крестьянину, подавшему жалобу на помѣщицу графиню Грохольскую, не дающую крестьянину слѣдующей ему земли, оставилъ безъ вниманія и отвѣчалъ на нее угрозами. Только болѣе добросовѣстный составъ мирового съѣзда, къ которому обратился мужикъ, удовлетворилъ его просьбу, такъ какъ она имѣла вполнѣ законное основаніе. Теперь члены этого мирового съѣзда ждутъ, не выругаетъ ли ихъ Безакъ за самоуправство.

Но довольно печальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что г. Базакъ такъ смѣло и открыто идетъ на перекоръ всѣмъ ожиданіямъ и національнымъ интересамъ, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ.

Грустно на душѣ. Неужели въ Россіи нѣтъ больше людей кромѣ Муравьева, готовыхъ посвятить себя всецѣло интересамъ и служенію своей родинѣ въ это трудное для нея переходное время. Мнѣ кажется, нужно только оставить въ покоѣ всѣ эти испорченныя съ корнемъ развалины прошлаго столѣтія и поискать людей болѣе свѣжихъ и болѣе проникнутыхъ своимъ долгомъ передъ об-

ществомъ или уже по крайней мѣрѣ честныхъ, хотя бы въ частномъ значеніи этого слова.

. . . .

. . . .

Да, земля наша велика и обильна . . . . всякими мерзостями и поляками, и нѣмцами и евреями, только русскихъ въ ней еще до сихъ поръ почти не видно".

Здѣсь кстати припомнить одинъ интересный случай по поводу доклада моего министру полученнаго мною письма. Въ одинъ прекрасный день или вечеръ въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ явилась блестящая мысль о безполезности ружейныхъ заводовъ въ казенныхъ рукахъ и о необыкновенной выгодѣ имѣть ихъ въ частныхъ рукахъ. Я ничего не могу сказать о томъ, какъ это совершилось, и на какихъ основаніяхъ, потому что мнѣ это вовсе неизвѣстно; знаю только, что всѣ ружейные заводы очутились въ частныхъ рукахъ начальниковъ этихъ заводовъ, въ скоромъ времени пріобрѣтшихъ огромные капиталы, движимые и недвижимые.

Съ теченіемъ времени въ редакцію начали появляться письма объ этихъ заводахъ. Однажды я съ такимъ письмомъ былъ вечеромъ у министра и уже почти кончилъ читать, какъ фельдъегерь, войдя въ кабинетъ, провозгласилъ: генералъ Баранцевъ.

Полагая, что мнѣ придется ожидать окончанія доклада Баранцева, я взялся за портфель, думая выйти изъ кабинета, но былъ удержанъ министромъ.

— Нѣтъ, погодите, сказалъ онъ, это очень кстати.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ и Баранцевъ.

— Вотъ послушайте, Александръ Алексѣевичъ, какое письмо получилъ Сергѣй Павловичъ по поводу нашихъ ружейныхъ заводовъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте меня, Дмитрій Алексѣевичъ; я не могу вѣрить всякому пасквилю, горячо возразилъ Баранцевъ.

— Да я и не вѣрю; но не лучше ли было бы, если опровергнуть это фактами, посредствомъ печати и разъ навсегда положить этому конецъ.

— Да развѣ можно имѣть дѣло съ нашими газетчиками; съ ними безъ перчатокъ и говорить-то нельзя.

— Обстоятельное опроверженіе заставило бы замолчать печать, тѣмъ бы дѣло и кончилось.

— Не могу я, Дмитрій Алексѣевичъ, вступать въ полемику со всякимъ сбродомъ.

— Ну какъ знаете, отвѣтилъ министръ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: Вы кончили?

Такъ какъ большая часть письма была уже прочитана, то я

отвѣчалъ, что кончилъ, и уѣхалъ домой. Что происходило между А. А. Баранцевымъ и министромъ, я не знаю, но убѣжденъ, что разговоръ на заданную письмомъ тему продолжался.

Неизвѣстно, выгодно ли было казнѣ отъ этихъ арендъ, но арендаторовъ эта система обогатила, и они пріобрѣли большіе капиталы.

Все кратковременное свое существованіе въ видѣ политической газеты „Русскій Инвалидъ" провелъ въ полемикѣ съ газетою „Вѣсть" по поводу ея стремленій создать крупное дворянство съ замаскированнымъ видомъ крѣпостничества, съ петербургскою нѣмецкою прессою, стоявшею за устарѣлые феодальные порядки, царившіе въ Остзейскомъ краѣ, и не желавшею примириться съ русскими учрежденіями, клонившимися къ улучшенію быта батраковъ, находившихся подъ тяжелою опекою мѣстныхъ бароновъ, наконецъ, въ борьбѣ съ польскимъ возстаніемъ.

Полемика съ газетою „Вѣсть" приняла одно время такой ожесточенный характеръ, что самъ Валуевъ однажны обратился къ Дмитрію Алексѣевичу съ вопросомъ, не находитъ ли онъ своевременнымъ, чтобы приняты были мѣры для обузданія газеты Скарятина, на что военный министръ отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не считаетъ это нужнымъ. Можно подумать, что это былъ со стороны Валуева неудачный подвохъ.

Особенно раздражительно на „Вѣсть" подѣйствовала одна редакціонная статья, въ которой говорилось:

„При всякой важной реформѣ, какъ бы благодѣтельна и велика она ни была, всегда найдутся люди, которые не сумѣютъ ее оцѣнить по достоинству. Таковъ уже общій удѣлъ всякаго человѣческаго дѣянія. Говорить противъ этихъ людей, если они не въ состояніи обнять реформы, совершенно напрасно; но нельзя не возражать имъ, если они, вслѣдствіе нежеланія понять, преднамѣренно представляютъ эту реформу совершенно въ превратномъ видѣ, придаютъ ей совершенно не тотъ смыслъ, какой имѣлъ въ виду законодатель, уменьшаютъ ея цѣну и значеніе и непремѣнно хотятъ видѣть въ ней интересъ только односторонній, а не общее благо, которымъ руководилось правительство.

Такому узкому толкованію подвергается нѣкоторыми даже въ русской печати и тотъ великій вопросъ, счастливымъ рѣшеніемъ котораго Россія имѣетъ полное право гордиться. Читатели, конечно, понимаютъ, что мы говоримъ о крестьянскомъ вопросѣ, рѣшенномъ 19 февраля 1861 года, о которомъ мы и считаемъ нужнымъ сказать сегодня нѣсколько словъ.

Отмѣна крѣпостного права провела рѣзкую черту между старымъ и новымъ бытомъ нашего народа. Не мѣсто здѣсь и не намъ по-

вторять тѣ истины, которыя на вѣки осудили старый порядокъ, порядокъ, при которомъ у насъ, правда, существовалъ особый классъ людей, обезпеченныхъ достаточными доходами, но за то существовала и масса народа, не обезпеченная ничѣмъ, масса, обреченная на экономическую и нравственную неволю. Только при крѣпостномъ правѣ, при правѣ обезпеченія себя принудительнымъ трудомъ, дворянство наше, классъ людей служилыхъ, могъ образовать нѣчто похожее на сословіе въ смыслѣ дворянства западнаго, получившаго свое начало въ феодализмѣ и въ безсиліи власти верховной. Не будь крѣпостного права, тогда отличія дворянскія оставались бы тѣмъ, чѣмъ они должны быть вездѣ, чѣмъ они были искони—почетнымъ отличіемъ вѣрной службы Царю и Отечеству.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правительство впервые приняло мѣры къ измѣненію существовавшаго порядка вещей, сказавшагося длиннымъ застоемъ производительности, когда появилось положеніе 19 февраля 1861 года, тогда не было въ цѣлой Россіи за исключеніемъ, можетъ быть, немногихъ лицъ, заинтересованныхъ и видѣвшихъ въ ограниченіи своего произвола паденіе мнимыхъ коренныхъ дворянскихъ вольностей, никого, кто бы не съ радостью привѣтствовалъ новую эру и первый рѣшительный шагъ къ улучшенію государственнаго и гражданскаго быта Россіи. Что шагъ этотъ былъ вызванъ необходимостью, что онъ былъ не дѣломъ увлеченія или фантазіи, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія. Пятьдесятъ лѣтъ правительство занято было этою мыслью, пятьдесятъ лѣтъ взвѣшивало оно всѣ стороны ея осуществленія, пятьдесятъ лѣтъ оно переносило всѣ упреки Западной Европы и терпѣло вредъ отъ послѣдствій матеріальнаго и нравственнаго гнета, сковывавшаго производительныя силы народа и страны. Не необдуманно приступило правительство къ осуществленію мысли, завѣщанной нынѣшнему Государю его предшественниками. Положенія 19 февраля мѣра неодносторонняя и не частная, направленная исключительно на пользу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или отзывающаяся только на нихъ и на помѣщикахъ. Интересы обоихъ классовъ тѣсно связаны съ интересами всего населенія. Положенія 19 февраля возвратили оба класса въ массу народа, въ общее право, изъ котораго оба они были изъяты благодаря крѣпостной зависимости крестьянъ. Связь эту съ общимъ населеніемъ немедленно скрѣпили послѣдующія реформы, равно благодѣтельныя, не только для огражденія правъ только что освобожденнаго крестьянства, но и вообще для огражденія всякихъ законныхъ и гражданскихъ правъ. Земскія учрежденія и судебная реформа довершили отмѣну крѣпостного права и установили впервые въ Россіи, что каждый гражданинъ и всѣ классы

общества равнымъ образомъ обезпечены въ своихъ правахъ, и что нѣтъ болѣе класса безправныхъ или отрицающихъ права другихъ. Въ этомъ отношеніи выиграло все населеніе, весь народъ и болѣе всего дворянство. Понялъ это и народъ, и дворянство, и только весьма не многіе не хотятъ признать истину, что кто хочетъ, чтобы уважали его права, долженъ показать, что онъ самъ уважаетъ понятіе о правѣ и права другихъ.

Послѣднія реформы и предстоящее въ будущемъ постоянное развитіе ихъ ведутъ народъ русскій неукоснительно къ полнѣйшему обезпеченію правъ всѣхъ и каждаго. Во главѣ этого движенія стало само правительство и стало по своей волѣ, по своему убѣжденію. Правительство стало выше партій, выше сословій, и этимъ самымъ обезпечило мирный ходъ дѣла. Только тамъ, гдѣ правительство, законодательная и исполнительная власть въ рукахъ партіи или сословія, гдѣ правительство смотритъ на интересы извѣстнаго класса или сословія, какъ на свои интересы, гдѣ на него смотрятъ не какъ на воплощеніе правды, а какъ на временное преобладаніе частныхъ интересовъ, тамъ сила замѣняетъ справедливость, и гражданская свобода двигается впередъ не тихо и мирно, но урывками и насильными переворотами. Аристократизмъ, олигархія, ультрамонтанство и демагогія одинаково ведутъ къ революціямъ, и революціи эти кровавыми письменами занесены въ лѣтописяхъ многихъ государствъ и народовъ. Рѣдки тѣ случаи, когда правительства успѣвали во-время предупредить антагонизмъ партій и сословій и не допускать столкновенія интересовъ сословныхъ, когда ему удавалось быть дѣйствительно правительствомъ и стоять выше воззрѣній сословныхъ и частныхъ. Если у насъ, въ Россіи, въ настоящее время положеніе правительства такое, то этому Россія обязана болѣе всего тому, что ея не коснулся феодализмъ съ своими послѣдствіями, съ глубокимъ разрывомъ между сословіями, съ замкнутостью сословныхъ частей народнаго организма, съ сословною ненавистью и междуусобною борьбою народныхъ элементовъ, со всѣми тѣми язвами, отъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ излѣчиться западное общество, и которыя пытались въ прошедшемъ столѣтіи занести и въ Россію въ угоду западу, отъ котораго мы заимствовали внѣшнія формы нашей цивилизаціи. Въ русскомъ быту, даже при самыхъ грубыхъ понятіяхъ, при отсутствіи цивилизаціи, народъ всегда вѣрилъ правительству, считалъ его своимъ, уважалъ обстановку верховной власти, какова бы она ни была, и хранилъ свою заповѣдь: мы единъ народъ и Царь единъ владыка народа.

Тѣмъ не менѣе есть попытки возстать противъ этого двойного

единства и внести въ русскій общественный бытъ разладъ между сословными его частями. Попытки эти являются робко и тихо, потому что чуютъ, что ихъ встрѣтятъ недружелюбно, но тѣмъ не менѣе, являются подъ маскою стремленія къ общественному благу и справедливости. Современное движеніе Россіи выставляется демократизаціею, является явное стремленіе затормозить его и остановить правительство, вызвавшее это движеніе своими реформами и встрѣтившее всеобщее сочувствіе и содѣйствіе во всѣхъ классахъ народа, не исключая и дворянства, на пути дальнѣйшаго развитія начатаго дѣла. Оппозиція эта является въ небольшихъ кружкахъ, скорбѣющихъ объ утратѣ того внѣшняго призрака политическаго перевѣса, который часть (именно не болѣе какъ часть) дворянства извлекала изъ крѣпостного права, изъ обезпеченныхъ доходовъ и изъ злоупотребленій крупной собственности и высказывается все настойчивѣе. Кружки эти и ихъ представители стремятся создать изъ класса крупныхъ помѣщиковъ какую-то западную аристократію, т. е. классъ привилегированный съ обозначенными доходами отъ земли, достаточными для того, чтобы имъ исключительно заниматься общественными дѣлами и управленіемъ, чтобы исключительно быть тѣломъ политическимъ и получить пока преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ Россіи нѣтъ старой прочно сидящей, крѣпко организованной аристократіи, которая, захвативъ власть въ руки и будучи поддерживаема и закономъ, и обычаемъ, и экономическимъ положеніемъ страны — переступаетъ предѣлы своего назначенія, становится тормозомъ и душитъ всякое движеніе впередъ (мы говоримъ словами самихъ противниковъ демократизаціи, какъ они имѣютъ привычку называть послѣднія правительственныя реформы), и вслѣдствіе этого требуется настойчиво, чтобы правительство посвятило особенную заботливость и уходъ сохраненію этого небывалаго въ Россіи элемента или, лучше сказать, созданію его, такъ какъ сами поборники его сознаются, что его нѣтъ. И такъ, вмѣсто разумнаго и здраваго развитія народнаго единства и свободы, вмѣсто обезпеченія гражданскаго общества, вырабатываемаго самимъ народомъ, требуется созданіе усиліями правительства такой среды, которая могла бы захватить власть въ руки и, будучи поддерживаема закономъ и обычаемъ и экономическимъ положеніемъ страны, могла бы преступить предѣлы назначенія, стать тормозомъ и останавливать всякое движеніе впередъ. Матеріаломъ къ созданію подобнаго нововведенія предлагаются этими лицами элементы прежняго крѣпостничества, крупная помѣщичья собственность, и та часть дворянства, которая не заразилась еще демократическимъ духомъ и теоріями, не служитъ, и главное не занимается литера-

турою. Кто занимается подобнымъ дѣломъ, кто не обезпеченъ достаточными доходами отъ имѣнія, кто живетъ своимъ трудомъ, тотъ, по мнѣнію этихъ людей, не можетъ быть надежнымъ матеріаломъ для государственнаго блага, тотъ, по словамъ лицъ, называющихъ великую реформу демократизаціею, никуда не годится, и сюда, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ всѣ поддонки дворянства. Для начала имѣющая быть созданной, при тщательномъ уходѣ правительства, аристократія требуетъ для крупной поземельной собственности факультативные голоса въ земскихъ учрежденіяхъ, отмѣну существующаго закона о наслѣдствахъ, установленіе маіоратовъ, и пр.

Подобныя стремленія, само собою, могутъ возбудить только негодованіе во всѣхъ просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людяхъ. Мы въ нихъ не можемъ видѣть желанія той пользы народу, которую имѣло въ виду наше правительство, совершивъ крестьянскую реформу. Намъ нечего обращаться въ этомъ случаѣ къ исторіи и къ примѣру западныхъ государствъ, до сихъ поръ еще страдающихъ отъ злоупотребленій феодальности и привилегированной аристократіи. Мы видѣли и до сихъ поръ видимъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, принявшихъ съ европейскою цивилизаціею и всѣ дурныя стороны ея, всѣ предразсудки феодализма. Мы видимъ вытекающіе отсюда разладъ между населеніемъ, борьбу массы противъ сословій и трудность провести, какое бы то ни было, существенное улучшеніе, какія бы то ни было идеи справедливости. Достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ совершенной безсмысленности предложенія ввести въ русскомъ народѣ тотъ же разладъ, ту же борьбу, вызвать, вмѣстѣ съ искусственно созданнымъ на западно-европейскій манеръ аристократизмомъ, неизбѣжный протестъ противъ него, т. е. именно демократію въ крайнихъ ея проявленіяхъ. Еще менѣе мы видимъ въ подобныхъ стремленіяхъ то уваженіе къ собственности, во имя котораго выставляется необходимость создать въ Россіи особенное привилегированное положеніе крупной поземельной собственности. Кто уважаетъ принципъ собственности, тотъ равнымъ образомъ уважаетъ этотъ принципъ во всѣхъ его проявленіяхъ, во всѣхъ его формахъ, тотъ не будетъ стремиться къ ограниченію его значенія, ради предоставленія извѣстныхъ выгодъ и политическихъ преимуществъ одной крупной поземельной собственности. Какое юридическое различіе можетъ существовать между доходомъ съ земли и доходомъ съ труда или капитала? Чѣмъ одинъ доходъ лучше другого? Или развѣ мелкая собственность менѣе достойна уваженія, чѣмъ крупная? Развѣ крупные собственники честнѣе или умнѣе мелкихъ или даже людей, не имѣющихъ никакой собственности, живущихъ своимъ трудомъ?

*

Развѣ весьма и весьма ограниченное примѣненіе маіоратнаго права въ Россіи не вполнѣ доказываетъ, что отъ крупной собственности весьма мало экономической пользы, и что въ Россіи развѣ только насильно можно навязать порядокъ, лишающій членовъ одного семейства, дѣтей одного отца, равенства и дозволяющій дѣлать въ пользу одного сына въ уваженіи къ пустому принципу—пять, шесть пролетаріями, аристократами-нищими, аристократами именно безъ обезпеченнаго дохода съ имѣній? Мы наконецъ съ негодованіемъ отворачиваемся отъ предположенія, что только крупная собственность есть охранительный элементъ въ государствѣ отъ нечестной инсинуаціи, что русскій народъ не привязанъ къ своему Государю. Нечего пугать правительство, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ. И Стенька Разинъ и Пугачевъ увлекали народъ именемъ Царя, хотя и мнимаго, и безъ этого имени они не сдѣлали бы и шагу. Народъ шелъ за Пугачевымъ, думая защищать идею верховной власти въ лицѣ своего Государя. Но не съ этой идеею дѣйствовала западная аристократія противъ верховной власти, напримѣръ, въ Польшѣ, когда вступала въ разладъ и въ борьбу съ ней. Не съ этой идеею аристократія и шляхта гнала польскихъ королей. Вотъ такую-то охрану, напоминающую пословицу: point d'argent pas de suisse, обѣщаютъ правительству, если оно само нарушитъ вѣковое единство съ нимъ русскаго народа и выстроитъ между обоими непроходимую стѣну изъ отживающихъ на западѣ аристократическихъ предразсудковъ. Не нужно русскому Государю, самому ведущему свой народъ по дорогѣ къ совершенствованію, никакой искусственной охраны. Онъ и безъ охраны увѣренъ въ своемъ народѣ, въ привязанности и вѣрноподданности всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ народа, точно такъ же, какъ весь народъ увѣренъ въ немъ".

Когда я прочелъ эту статью министру, онъ заставилъ меня повторить еще нѣкоторыя мѣста и затѣмъ сказалъ: „Прикажите набрать корректурный оттискъ я прежде покажу Государю".

При первомъ докладѣ Государь отдалъ наборъ министру, написавъ карандашомъ на корректурѣ „можно" [1]).

Упоминаніе въ статьѣ именъ Пугачева и Стеньки Разина дало газетѣ Скарятина хорошій предлогъ для того, чтобы, играя этими именами, обвинять „Русскій Инвалидъ" въ революціонномъ направленіи. Во всѣхъ статьяхъ съ большими или меньшими полунамеками газета хлестала по оглоблямъ, не рѣшаясь бить по коню.

Послѣднею статьею „Русскаго Инвалида" передъ преобразованіемъ

[1]) Корректура эта съ отмѣткою сохраняется у меня.

въ чисто военную газету, такъ сказать, прощальною рѣчью, была слѣдующая отповѣдь газетѣ „Вѣсть“.

„Кто хоть мало знакомъ съ пріемами знаменитой газеты „Вѣсть“, съ ея антирусскимъ направленіемъ и тою беззастѣнчивостью, съ которою она прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, того, повидимому, не должна бы удивлять никакая выходка, какъ бы безцеремонна она ни была. Всѣмъ извѣстны ея ярыя проклятія русскимъ дѣятелямъ, которые интересы Россіи ставятъ выше интересовъ и эгоизма польской шляхты; всѣ знаютъ ея симпатіи и никого не изумятъ тѣ пріемы, которые она употребляетъ для очерненія ненавистныхъ ей учрежденій. Но помѣщенная вчера въ номерѣ 121 этой газеты статья по поводу книги г. Фадѣева [1]) и касающаяся нашей арміи превосходитъ все, что только можно было представить себѣ со стороны даже такого органа, какъ газета „Вѣсть“.

Въ защитѣ польскаго дѣла въ ущербъ Россіи, этотъ органъ Рѣчи Посполитой надѣваетъ, по крайней мѣрѣ, маску русскаго и хулы свои прикрываетъ ловкими фразами, которыя иныхъ простаковъ могутъ ввести, пожалуй, въ заблужденіе на счетъ истиннаго смысла ихъ. Въ названной же нами статьѣ ничего подобнаго нѣтъ. Здѣсь газета „Вѣсть“ съ явнымъ умысломъ набросить черную тѣнь на всѣ произведенныя въ арміи реформы, мрачными красками описываетъ ихъ результаты и говоритъ о нашемъ военномъ положеніи такъ, какъ могъ бы отозваться о немъ злѣйшій врагъ Россіи съ прямою цѣлью повредить ей какъ можно болѣе во мнѣніи Европы.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы вести по этому поводу полемику. Читатели наши знаютъ, съ какою неохотою мы всегда вступали въ споръ съ „Вѣстью“, полемическіе пріемы которой слишкомъ отличаются отъ общепринятыхъ въ прессѣ. Мы предоставляемъ каждому истинно-русскому органу рѣшить, на сколько съ нашей стороны было бы политично вступать на этомъ полѣ въ споръ и числовыми данными и фактами доказывать всю глубину нелѣпости и невѣжества въ этомъ дѣлѣ „Вѣсти“.

Мы можемъ увѣрить русскую публику, что, несмотря на созданный „Вѣстью“ авторитетъ въ лицѣ г. Фадѣева—все сказанное въ означенной статьѣ газеты „Вѣсть“—отъ перваго до послѣдняго слова—чистѣйшая выдумка, не имѣющая ни малѣйшаго основанія и способная появиться только на страницахъ такихъ журналовъ, какъ „Вѣсть“ и др. подобныхъ ей не русскихъ органовъ, ежедневно ругающихъ и проклинающихъ Россію, которой они искренно желаютъ всякаго зла и униженія“.

---

[1]) Объ этомъ будетъ ниже.

Не менѣе живую полемику приходилось „Русскому Инвалиду“ вести и съ нѣмецкою Петербургскою газетою, которая, будучи недовольна вновь вводимыми въ краѣ реформами, начала печатать, какъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ, такъ и въ фельетонахъ самыя возмутительныя вещи противъ Россіи и русскихъ, нападая въ то же время на всѣ русскія реформы. Уже видя, какія реформы Россія произвела въ Царствѣ Польскомъ, нѣмецкая пресса заволновалась, догадываясь, что реформы по крестьянскому и судебнымъ вопросамъ въ Россіи неизбѣжно должны будутъ коснуться и остзейскихъ губерній, живущихъ на средневѣковыхъ, феодальныхъ началахъ. Видя живую дѣятельность и непреклонную энергію Н. А. Милютина, одинъ изъ остзейскихъ бароновъ однажды обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что вы будете дѣлать по окончаніи польскаго вопроса?

— По всей вѣроятности займемся остзейскимъ, въ видѣ шутки отвѣчалъ Николай Алексѣевичъ.

— Но тамъ нѣтъ никакого вопроса, отвѣчалъ баронъ; тамъ полный порядокъ.

Дѣйствительно, въ краѣ былъ порядокъ, но такой, который былъ очень выгоденъ для нѣмецкихъ феодаловъ-помѣщиковъ, и крайне невыгоденъ для всѣхъ другихъ народностей, обитающихъ въ краѣ, не исключая и русской. А такъ какъ почти всегда въ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ преобладалъ нѣмецкій элементъ, то какъ только вопросъ касался какихъ-либо преобразованій въ Остзейскомъ краѣ, то всѣ мѣры правительства, клонившіяся къ упорядоченію тамошнихъ дѣлъ, такъ сказать, проваливались и все шло по-старому. Даже въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, мнѣ говорили, что въ Государственномъ Совѣтѣ есть членъ, обязанность котораго состоитъ исключительно только въ отстаиваніи стараго порядка въ краѣ.

Въ виду такого положенія дѣлъ и крайней безцеремонности „S.-Petersburger Zeitung“, я рѣшилъ доложить все это Д. А. Милютину и представить ему тѣ статьи, гдѣ съ особенною рѣзкостью были высказаны обидные и несправедливые для русскихъ упреки. Чтобы онъ могъ судить о дѣлѣ подробно, я представилъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„Въ послѣднее время въ Остзейскомъ краѣ были высказаны въ публичныхъ рѣчахъ и въ прессѣ тенденціи, обратившія на себя вниманіе русской журналистики. Въ статьяхъ нѣмецкихъ газетъ и въ рѣчахъ (напримѣръ, при открытіи Лифляндскаго ландтага) указывалось на тѣсную связь трехъ балтійскихъ провинцій съ Германіею, говорилось о необходимости обособить этотъ край въ полити-

ческомъ отношеніи и высказано было явное стремленіе и желаніе подчинить порядкамъ, существующимъ въ мѣстномъ законодательствѣ, тѣ коренныя и основныя реформы, которыя были предприняты въ послѣднее время правительствомъ, и возбудили всеобщее сочувствіе и надежды $^9/_{10}$ населенія края, состоящаго изъ финновъ, латышей и русскихъ.

„Русскій Инвалидъ" долгое время оставался молчаливымъ зрителемъ среди полемики, возбужденной въ русской журналистикѣ тенденціями остзейской прессы.

Въ скоромъ времени однако въ балтійскихъ губерніяхъ начались разсужденія по поводу судебной реформы и преобразованія городского устройства. Такъ какъ въ этихъ вопросахъ остзейская пресса продолжала съ прежнею силою высказываться въ пользу совершенно отдѣльнаго устройства городского хозяйства и суда, такъ какъ она постоянно высказывала желаніе и твердое намѣреніе имѣть особое учрежденіе, которое, сосредоточивъ въ себѣ дѣло всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, по возможности было бы самостоятельно и независимо отъ центральныхъ учрежденій для цѣлой Россіи, то полемика не только не прекращалась, но усиливалась еще болѣе.

Русское общество, которое въ то время было свидѣтелемъ едва только прекратившихся безпорядковъ въ Западномъ краѣ, и переживъ тяжелое время испытанія для своего патріотизма, вѣроятно, полагая, что всѣ эти заявленія дѣлаются не безъ вѣдома высшей администраціи, начало безпокоиться, и безпокойство это не могло не проявиться въ русской журналистикѣ, насколько это возможно было при существованіи цензурныхъ правилъ.

Редакція газеты „Русскій Инвалидъ" начала въ то же время получать изъ Остзейскаго края заявленія и статьи, въ которыхъ весьма рѣзко выставлялись разнаго рода стѣсненія небольшого замкнутаго кружка, въ рукахъ котораго исключительно сосредоточивались всѣ дѣла, какъ городского хозяйства, такъ и суда и расправы въ Остзейскомъ краѣ. Въ статьяхъ этихъ, писанныхъ какъ русскими, такъ и латышами, высказаны были въ самыхъ рѣзкихъ формахъ тѣ стѣсненія, которымъ подвергаются русскіе, финны и латыши, и приводились примѣры оскорбленія русской національности, которая постоянно, какъ въ силу мѣстнаго законодательства, такъ въ особенности по образу примѣненія этого законодательства, почти исключалась изъ всякаго участія въ дѣлѣ городского хозяйства и суда. Сначала редакція не только что не печатала ни одной изъ полученныхъ статей, но постоянно уничтожала получаемыя письма. Но такъ какъ по тону получаемыхъ заявленій видно было, что все, происходящее въ Остзейскомъ краѣ, относилось прямо къ

правительству, то редакція не считала возможнымъ долѣе уклоняться отъ этихъ вопросовъ, и въ концѣ года въ разное время напечатала три статьи: „О ходѣ крестьянскаго вопроса", „О преобразованіи судебнаго устройства" и „О преобразованіи городского устройства въ Остзейскомъ краѣ".

Ставъ на историческую точку и прослѣдя тѣ преобразованія, которыя были сдѣланы въ краѣ въ разное время по этимъ предметамъ, редакція затѣмъ помѣстила заключительную статью, въ которой указала, что во всѣхъ проявленіяхъ и тенденціяхъ остзейской прессы, нужно видѣть не столько сепаратизмъ, какъ это полагали нѣкоторые журналы, а просто борьбу небольшого замкнутаго кружка за свои привилегіи, которыя клонились къ ущербу большинства населенія. При этомъ въ статьѣ было указано, что русское правительство во всѣ времена заботилось о равноправности и благоденствіи большинства населенія, и что если въ настоящее время въ краѣ сдѣланы улучшенія, то всѣмъ этимъ край обязанъ исключительно только одному правительству, которое проводило свои предначертанія, невзирая на продолжительную и упорную борьбу со всякаго рода препятствіями.

Едва только была высказана мысль, что не должно быть въ русскомъ государствѣ ни національности, ни сословія, которыя бы мѣшали всестороннему развитію тѣхъ началъ, которыя дарованы Высочайшею властію всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія ихъ по національностямъ, сословіямъ или вѣроисповѣданію, едва только высказала редакція, что въ силу такого принципа въ Остзейскомъ краѣ латышъ, финнъ, русскій и нѣмецъ должны пользоваться совершенно одинаково Высочайше дарованными правами, какъ въ нѣмецкой прессѣ, издающейся въ Россіи, начали появляться статьи противъ „Русскаго Инвалида".

Желая во что бы ни стало перенести споръ на болѣе выгодную для себя почву угнетенія національности, и не видя въ этомъ ни малѣйшаго успѣха, нѣмецкая пресса выставила цѣлый рядъ статей самыхъ рѣзкихъ. Въ статьяхъ этихъ господствовалъ оскорбительный тонъ не для одного только „Русскаго Инвалида", но вообще всего русскаго. Указаніемъ на частные случаи суда надъ офицерами и ссылкою на „Сенатскія Вѣдомости", гдѣ публикуются приговоры надъ офицерами, высказывается мысль, что драка, подлогъ, кража, злоупотребленіе казенными суммами—преступленія, встрѣчающіяся въ русской арміи—не мыслимы въ прусской. Такимъ образомъ частные случаи и исключительныя явленія, которые никоимъ образомъ не должны порочить массу офицеровъ и которые могутъ встрѣчаться вездѣ—возводятся въ характеристику русской арміи.

Въ фельетонѣ Петербургской нѣмецкой газеты отъ 7-го марта есть фраза, гдѣ говорится между прочимъ: „Мы положительно отвергаемъ, чтобы когда-либо мы именовали себя „мы русскіе“. Напротивъ, мы всегда съ особенною настойчивостью называли себя „мы нѣмцы“, и такъ много гордимся этимъ именемъ, такъ сильно проникнуты его значеніемъ и желаніемъ сохранить его для насъ во всей его чистотѣ, что оно составляетъ для насъ необходимое жизненное условіе, и намъ пришлось бы уничтожиться, если бы мы выдавали себя за что-либо иное. Если у насъ и встрѣчается выраженіе „мы“, то только въ смыслѣ гражданъ русскаго государства; но вѣдь это неизбѣжное послѣдствіе историческихъ событій, въ которыхъ мы нисколько не виноваты. Однако же, нѣмецкіе граждане Россіи, вообще, имѣютъ причины и здѣсь гордиться своимъ положеніемъ и дѣятельностью; ибо они вѣрно, какъ добросовѣстные подданные, трудились для блага государства“.

Конечно, смыслъ ея сглаженъ указаніемъ на исполненіе долга вѣрноподданства—но твердое отрицаніе названія этого вѣрноподданнаго—русскимъ и слова—что не мы виноваты въ томъ, что принадлежимъ Россіи—врядъ ли могутъ быть лестнымъ выраженіемъ для Россіи и русскихъ, о которыхъ въ статьѣ отъ 11-го апрѣля говорится, „что въ теченіе тысячелѣтняго существованія сдѣлано было только то, къ чему правительство формально принудило, и что даже земскія учрежденія составлены по иностранному образцу“.

„Русскій Инвалидъ“ во все это время ни разу не позволилъ себѣ вступить въ споръ на этой почвѣ. Вполнѣ сознавая, что подобнаго рода полемика могла только раздражить, „Русскій Инвалидъ“ почти въ каждой статьѣ оговаривалъ, что вопросъ о превосходствѣ той или другой національности не имѣетъ ровно никакого разумнаго значенія, что всѣ они одинаково имѣютъ право—какъ русскіе подданные на сію національность и на благодѣтельные результаты предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ. Тѣмъ не менѣе, однако нѣмецкая пресса постоянно сводитъ вопросъ на угнетеніе нѣмецкой національности, обвиняя въ раздраженіи всю русскую прессу, въ томъ числѣ и „Русскій Инвалидъ“. Послѣдняя статья, помѣщенная въ 76 №, съ цѣлью опровергнуть такой несправедливый доводъ, гдѣ опять было повторено, что недобросовѣстно ставить вопросъ, изъ какихъ бы то ни было видовъ, на почву угнетенія національности, вызвала отвѣтъ, который необходимо требуетъ возраженія. „Представляя при семъ Вашему Превосходительству въ корректурѣ отвѣтъ журналамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь доложить въ рукописи статью отъ редакціи, въ которой доказывается фактами постоянное стремленіе правительства къ водворенію

въ краѣ равноправности и справедливости, не взирая ни на какія препятствія и не стѣсняя ни мало свободы ни меньшинства нѣмцевъ, ни большинства финновъ, латышей, эстовъ и русскихъ, населяющихъ три балтійскихъ губерніи“.

Полковникъ Зыковъ.

17-го мая.
1865 г.

При запискѣ была приложена готовая статья подъ заглавіемъ: „Что такое остзейскій вопросъ?“ и вырѣзки какъ изъ петербургскихъ, такъ и другихъ нѣмецкихъ газетъ, особенно рѣзко порицающихъ русскіе порядки.

Такъ какъ въ этихъ двухъ статьяхъ были затронуты весьма важные политическіе вопросы, то, понятно, я не считалъ себя въ правѣ помѣстить статьи г. Бушена безъ прочтенія ихъ министру, хотя былъ убѣжденъ, что лично, какъ истинно государственный человѣкъ, онъ, строго оберегая русскіе интересы, одобритъ эти статьи.

Выслушавъ статьи, онъ дѣйствительно одобрилъ ихъ, но нашелъ необходимымъ сдѣлать поправки, которыя однако нисколько не измѣнили главнаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ прежде печатанія дать эти статьи для прочтенія Государю.

По поводу этихъ статей я, 2-го апрѣля, получилъ отъ министра слѣдующую записку:

„Статья г. Бушена о нѣмцахъ навела меня на нѣкоторыя размышленія, которыя я желалъ бы передать Вамъ, Сергѣй Павловичъ, или самому г. Бушену сегодня же, прежде чѣмъ статья будетъ отпечатана на бѣлой бумагѣ для представленія на Высочайшее усмотрѣніе.

Я буду дома цѣлый день“.

Д. Милютинъ.

По поводу тѣхъ же статей 11-го мая я получилъ другую записку.

„Завтра послѣ обѣда я ѣду въ Царское Село и тамъ ночую. Вы меня застанете не иначе, какъ передъ обѣдомъ. Въ какомъ положеніи статья объ Остзейскомъ краѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ при первомъ же докладѣ моемъ, въ четвергъ Государь заговоритъ со мною объ этомъ предметѣ. Желательно было бы къ этому времени уже имѣть какъ корректурные оттиски статей г. Бушена, такъ и №№ нѣмецкихъ газетъ, заключающіе въ себѣ самыя рѣзкія изъ статей противъ Россіи“.

Д. Милютинъ.

Статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, и которыя были представлены Государю прежде напечатанія, были слѣдующаго содержанія [1]).

„О чемъ спорятъ такъ горячо газеты, изъ-за чего нѣмцы пишутъ противъ русскихъ, русскіе—противъ нѣмцевъ, спрашиваютъ теперь многіе, читая статьи въ разныхъ газетахъ. Былъ у насъ вопросъ крестьянскій, былъ польскій, были разные другіе, но никогда не было вопроса остзейскаго. Кто же поднялъ этотъ вопросъ, въ чемъ онъ состоитъ и чѣмъ долженъ рѣшиться?

Многіе, конечно, не затруднятся отвѣтить на это, что остзейскій вопросъ выдуманъ зачѣмъ неизвѣстно, что въ Остзейскомъ краѣ все обстоитъ благополучно. Другіе къ этому еще прибавятъ, что „Русскій Инвалидъ", въ качествѣ русской газеты, весьма естественно не въ состояніи понять высокій смыслъ остзейскихъ порядковъ и потому не стоитъ обращать на него вниманія.

Общественное мнѣніе давно уже отвѣтило на достоинство этихъ обвиненій и этихъ фразъ. Правда, какъ бы ее ни затемняли и ни обставляли ложью, всегда выйдетъ наружу; вся Россія, вся Европа, не исключая даже Германіи, кромѣ развѣ партизановъ феодализма и цеховъ, уже отвернулась отъ балтійскаго застоя. Мы можемъ указать на сотни частныхъ и оффиціальныхъ отзывовъ, отдающихъ нашимъ мнѣніямъ полную справедливость. Отголосокъ ихъ проникъ уже въ нѣмецкую и англійскую прессу, и даже представители остзейской журналистики, споря съ нами, при всѣхъ стараніяхъ перетянуть споръ на другую почву, на тему угнетенія нѣмецкой національности, невольно высказали сознаніе, что давятъ остзейское населеніе—остзейскіе же порядки. Въ этомъ духѣ высказались всѣ газеты и журналы Остзейскаго края, а главные наши противники (Ревельская см. № 40 и Рижская № 20) придаютъ особенный вѣсъ тому, что они давно уже высказались противъ исключительнаго права дворянства на землевладѣніе, противъ исключенія курляндскихъ крестьянъ отъ возможности пріобрѣтать собственность, противъ привилегированнаго суда и расправы, противъ монополій магистрата и проч. и проч. Слѣдовательно, факты, приводимые „Русскимъ Инвалидомъ", вызвавшіе его статьи, существуютъ въ самомъ дѣлѣ, и о томъ свидѣтельствуютъ не только газеты и общественное мнѣніе, но и документы оффиціальные; отчеты генералъ-губернаторовъ (особенно маркиза Паулуччи и генерала Головина) свидѣтельствуютъ постоянныя жалобы населенія. Мало того объ этомъ свидѣтельствуетъ и само правительство, принимавшее неоднократно инипіативу къ отмѣнѣ разныхъ неспра-

---

[1]) Онѣ показываютъ взглядъ Государя на остзейскій вопросъ.

ведливостей, и еще въ настоящее время продолжающее свои работы объ улучшеніи и усовершенствованіи края въ духѣ либеральныхъ реформъ и обезпеченія массамъ справедливой доли свободы и равноправности.

Слѣдовательно, остзейскій вопросъ не есть вымыселъ „Русскаго Инвалида", но существуетъ на дѣлѣ, близко заинтересовывая остзейское населеніе финновъ, латышей, русскихъ, большинство нѣмцевъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто отъ измѣненія стараго порядка ждетъ гарантіи гражданскихъ правъ и равноправности. Вопросъ этотъ заинтересовываетъ русскую публику вообще, желающую блюсти интересы своей національности, искать обезпеченія ея въ предѣлахъ Руси, отъ стѣсненія другими племенами. Наконецъ, вопросъ этотъ интересуетъ въ особенности правительство какъ представителя русской національности, представителя идеи русскаго государства и главнаго двигателя гражданскаго развитія, гражданской свободы и гражданской равноправности. Убить этотъ вопросъ, пробуждавшійся неоднократно въ теченіе почти ста лѣтъ, желаютъ только тѣ, которые при рѣшеніи его теряютъ свою власть, свое право безусловно распоряжаться Остзейскимъ краемъ и его населеніемъ, и жертвуютъ свободою своихъ согражданъ своимъ узкимъ воззрѣніямъ. Вотъ эта-то партія и возбудила и поддерживаетъ остзейскій вопросъ, который, безъ ея постояннаго противодѣйствія, давно уже могъ быть рѣшенъ для блага остзейскаго населенія и для блага Россіи. Вотъ эта-то партія и скомпрометтировала нѣмецкую національность своими неумѣренными рѣчами [1]), своимъ явнымъ презрѣніемъ къ правамъ другихъ и ко всему русскому [2]), и тѣмъ, что она становится между правительствомъ и его народомъ.

Остзейскій вопросъ состоитъ въ отмѣнѣ вѣкового противорѣчія, существующаго въ Остзейскомъ краѣ, между огромнымъ большинствомъ остзейскаго населенія, состоящаго изъ двухъ почти милліо-

---

[1]) См. рѣчь епископа Вальтера, при открытіи лифляндскаго ландтага въ 1864 году.

[2]) См. протоколъ рижскаго ветгерихта отъ 24 го октября 1844 г., отказъ господину Грипвальду въ выдачѣ копіи по его тяжбѣ. См. наконецъ пренія, бывшія въ декабрѣ 1864 г. по поводу проекта новаго Рижскаго городского положенія, на которыхъ предсѣдатель объявилъ, что „въ Ригѣ нѣтъ русскихъ гражданъ, а есть только рижскіе". Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ очевидцами, которые за подписью своею объ этомъ подтверждаютъ (См. „Московскія Вѣдомости" № 95). Мы сожалѣемъ, что не можемъ дать подлинной ссылки объ отзывѣ магистрата о безполезности преподаванія русскаго языка, такъ какъ онъ отнимаетъ только время отъ полезныхъ предметовъ.

новъ латышей, финновъ, русскихъ, большинства нѣмцевъ, и привилегированнымъ меньшинствомъ, исключительно занимающимъ почти всѣ мѣстныя должности, исключительно имѣющимъ политическія права. Съ особенною силою поднялся этотъ вопросъ въ послѣдное время, въ виду реформъ русскаго правительства, въ виду того, что всѣ въ Россіи могутъ владѣть землей, безъ ограниченія мѣста, въ виду судебной реформы и равенства передъ закономъ, въ виду земскихъ учрежденій и свободы выборовъ въ общественныя должности. Къ прежнему неудовольствію на неудовлетворительность остзейскихъ порядковъ, высказавшемуся весьма сильно въ 1801, 1804, 1816, 1847 и 1859 годахъ, присоединился примѣръ Россіи, получившей, въ теченіе какихъ нибудь десяти лѣтъ, несравненно болѣе, чѣмъ прибалтійскія губерніи въ 60, и потому и нападки на старый порядокъ стали сильнѣе. Защита эта велась плохо; отвѣты отличались раздражительностью и желчью; общій характеръ ихъ—стремленіе сбить вопросъ на другую почву, превратить его въ споръ о преобладаніи національности и затереть споръ о политической равноправности. Вмѣшательство русской прессы дало къ этому удобный поводъ. Положительные доводы въ защиту остзейскихъ порядковъ высказываемы были рѣдко, и лучше всего резюмированы однимъ изъ корреспондентовъ газеты „Nord'a“, считавшей своею обязанностью въ виду разъясненія вопроса, сопоставить доводы и доказательства обѣихъ сторонъ. Не лишнимъ будетъ познакомить и нашихъ читателей съ этою защитою и разсмотрѣть вкратцѣ нравственное и логическое достоинства ея.

1) Первый наиболѣе часто повторяющійся доводъ, противъ измѣненій нынѣшняго остзейскаго порядка, состоитъ въ мѣстныхъ особенностяхъ края.

Мѣстныя особенности, конечно, могли бы обусловливать необходимость особеннаго устройства края, но никакъ не непремѣнное сохраненіе нынѣшняго порядка. Однако жъ и на такую уступку нельзя согласиться, если поближе разсмотрѣть эти особенности. Въ чемъ онѣ состоятъ? Въ особенномъ характерѣ населенія, въ особенномъ направленіи его дѣятельности, въ особенностяхъ свойства почвы, климата, произведеній?—Ничуть не бывало: Остзейскій край представляетъ всѣ тѣ же условія, какъ и окружающія его страны. Населеніе смѣшанное, но не въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ Европы и Россіи, не претендующихъ на обособленіе. Народная дѣятельность преимущественно земледѣльческая, какъ и въ остальной Россіи; почва, климатъ и произведенія тѣ же, что и въ Россіи. Да будетъ намъ дозволено сказать, что и особеннаго промышленнаго развитія не видно. Оно значительнѣе, чѣмъ

въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, но далеко не такъ сильно, чтобы претендовать на особенныя мѣры. Особенности Остзейскаго края не болѣе, какъ особенности его политическаго устройства. Отнимите особенности политическаго устройства, и никакихъ особенностей нельзя будетъ найти, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя существуютъ вездѣ, и въ виду которыхъ русское правительство устроило земскія учрежденія. Слѣдовательно, первое доказательство—мѣстныя особенности края не болѣе, какъ фраза, весьма неловкая и ничего не значущая.

2) Не менѣе сильно защитники остзейскихъ привилегій упираютъ на давность ихъ.

Правда, что давность эта очень глубока, такъ глубока, что инымъ привилегіямъ нельзя и отыскать начала. Остзейскій край, безспорно, имѣетъ свою исторію, свои преданія. Но спрашивается: что же не имѣетъ своей исторіи. Рабство тоже ее имѣетъ, крѣпостное право на Руси тоже ее имѣло.

Если давность балтійскихъ привилегій такъ глубока, что начало ихъ приходится искать въ глубокой древности, во времена феодальнаго и кулачнаго права, во времена Ганзы и проч., то можно ли отсюда вывести заключеніе, что они должны оставаться вѣчно безъ малѣйшаго измѣненія. Вѣдь и феодализмъ, и Ганза уже отжили свой вѣкъ, такъ же, какъ и многія другія средневѣковыя понятія, признанныя почти вездѣ вредными и вездѣ отмѣненныя. Исторія есть движеніе впередъ, усовершенствованіе, а не пребываніе безъ движенія въ старыхъ порядкахъ и отрицаніе въ живыхъ нуждахъ народнаго развитія.

3) Третье доказательство въ пользу сохраненія нынѣшняго устройства и противъ всякаго вмѣшательства въ ходъ событій въ Остзейскомъ краѣ,—это необходимость постепенности въ реформахъ и предоставленіи иниціативы самому краю.

Подъ этимъ разумѣется, конечно, иниціатива самаго незначительнаго меньшинства, потому что $^{9}/_{10}$ всего населенія не имѣютъ никакого права на иниціативу.

На этомъ пунктѣ приходится остановиться и посмотрѣть поближе, въ чемъ заключалась до сихъ поръ иниціатива края, т. е. меньшинства и постепенность производимыхъ реформъ.

Этою иниціативою многіе давно уже щеголяютъ передъ Европою и Россіею и преимущественно передъ правительствомъ, такъ что недурно будетъ прослѣдить ходъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ. Реформы эти, какъ извѣстно, всегда требовались по тремъ капитальнымъ вопросамъ: по освобожденію крестьянъ, по преобразованію городского устройства и ограниченія самоуправства магистрата,

и по улучшенію судебнаго устройства, находящагося въ полномъ распоряженіи у меньшинства. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ эти реформы, кто ихъ проводилъ и къ какому результату онѣ привели: а) по крестьянскому дѣлу реформы должны были начаться еще въ прошедшемъ столѣтіи. Въ 1739 году лифляндская ландратная коллегія (вся состоящая изъ помѣщиковъ) самовольно объявила крестьянскія службы и повинности неопредѣленными и зависящими отъ усмотрѣнія господъ. Вслѣдствіе этого еще въ 1763 году, въ бытность Екатерины II въ Лифляндіи, до нея дошло множество жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами. Генералъ-губернаторъ графъ Броунъ успокоилъ Государыню обѣщаніемъ, что само дворянство приметъ мѣры къ пресѣченію этихъ несправедливостей; но на сеймѣ 1765 года дворянство не согласилось, и только потомъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Екатерины II, признало право крестьянъ на движимую ихъ собственность. Изъ послѣдующаго видно, что часть дворянства не соображалась съ утвержденными мѣрами. Въ 1803 году лифляндское дворянство отвергло на сеймѣ (105 голосовъ противъ 40) предложеніе объ увольненіи крестьянъ и подало два протеста противъ всякаго ограниченія земледѣльческихъ правъ помѣщика. Только Императорскій рескриптъ, предъявленный генералъ-губернаторомъ и требовавшій, чтобы дворянство сообразило свои постановленія съ ожиданіями крестьянъ, заставилъ принять постановленія, въ которыхъ выразилось по крайней мѣрѣ желаніе обезпечить судьбу поселянъ. Противъ этого постановленія опять было множество протестовъ, и первый шагъ къ признанію политическаго существованія крестьянъ и права ихъ на движимую собственность сдѣланъ по докладу Высочайше утвержденнаго Комитета, состоявшаго изъ лицъ, избранныхъ самимъ Императоромъ. При всемъ томъ крестьяне оставались крѣпостными, и только повинности ихъ перестали быть произвольными. Дворянство не было довольно оцѣнкою земли, сдѣланной въ 1804 году; оно стало добиваться свободы соглашеній, и встревоженное тайною, соблюдавшеюся въ разсужденіяхъ Комитета лифляндскихъ дѣлъ, учрежденнаго для пересмотра Положеній, подало прошеніе о предоставленіи ему права образовать комиссіи для улучшенія быта крестьянъ. Комиссіи эти затягивали дѣло, и только энергическія рѣчи и твердость генералъ-губернатора маркиза Паулуччи, дѣйствовавшаго по инструкціи самого Императора, заставили, наконецъ, принять рѣшеніе. Результатомъ были Положенія 1816, 1817, 1819 годовъ, по которымъ крестьяне признаны свободными, но безъ всякаго права на землю. Имъ не дано право сдѣлаться собственниками, ограничено право отлучаться отъ мѣста,

смотря по обстоятельствамъ, и вполнѣ сохранена зависимость отъ вотчинной полиціи и помѣщичьяго суда. Курляндское дворянство на этой свободѣ и остановилось. Въ Лифляндіи вскорѣ появилось неудовольствіе между крестьянами, появились наконецъ и болѣе гуманные взгляды между частью дворянства, и съ трудомъ проведены были нѣкоторыя реформы, вынужденныя необходимостью обезпечить шаткое положеніе крестьянъ, которымъ часто отказывали въ участкахъ и которые, вслѣдствіе этого, стали выселяться. Кратковременность контрактовъ, превращавшая крестьянъ въ кочующую орду, заставила принять мѣры къ ограниченію произвола помѣщиковъ. Мѣры эти, принятыя въ 1845, 1849 г.г., опредѣлили, наконецъ, размѣры крестьянскаго пользованія и дали нѣкоторую возможность крестьянамъ выкупиться съ землею. За то имъ воспретили покупать дворянскія имѣнія и владѣть въ волости болѣе, чѣмъ однимъ гакомъ; ихъ заставляли продавать излишекъ, даже если излишекъ этотъ доставался по наслѣдству. Самый выкупъ поставленъ въ большія затрудненія. Эстляндія въ 1856 году приняла подобныя же мѣры.

Наконецъ, подъ вліяніемъ освобожденія русскихъ крестьянъ съ 1859 года приняты еще нѣкоторыя мѣры для облегченія выкупа и для болѣе раціональнаго устройства крестьянскихъ судовъ.

б) По городской реформѣ первая иниціатива принадлежитъ также Императрицѣ Екатеринѣ II, издавшей городовое положеніе и распространившей его на города остзейскіе. Черезъ десять лѣтъ привилегированныя сословія и магистраты добились возстановленія стараго порядка, при которомъ они были полными властелинами городскаго хозяйства. Въ 1802 году русскіе и многіе нѣмцы въ Ригѣ, не принадлежащіе къ братствамъ и магистрату, возбуждали вопросъ о новомъ введеніи городового положенія или о преобразованіи стараго. Магистратъ отказалъ. Русскіе въ русскомъ городѣ торговали на правахъ иностранныхъ купцовъ, ни русскіе, ни латыши не могли имѣть домовъ въ городѣ, не могли поступать ни въ гильдіи, ни въ братство, не имѣли ни представителей, ни голоса. Еще въ 1820, 1822 и 1824 годахъ русскихъ не допускали даже къ ремеслу. Въ 1826 году поступило множество жалобъ на притѣсненія магистрата и на худое хозяйство, и русскіе просили о сравненіи ихъ въ правахъ съ нѣмцами. Магистратъ возсталъ противъ этого и отказалъ. Вслѣдствіе жалобъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Блудовъ въ 1833 году внесъ въ Государственный Совѣтъ свои предположенія по преобразованію рижскаго городского устройства и засвидѣтельствовалъ, что управленіе, состоящее изъ 13 присутственныхъ мѣстъ, и дорого, и разорительно, и запутываетъ

городскія дѣла, и что болѣе половины всего населенія желаетъ введенія русскаго городового положенія. Государственный Совѣтъ призналъ необходимость преобразованія городского устройства, какъ несвоевременнаго, положительно вреднаго и стѣснительнаго для всѣхъ, и не взирая на противорѣчія магистрата и привилегированныхъ сословій до пересмотра всѣхъ вообще утвердилъ нѣкоторыя частныя улучшенія. Въ 1846 году послѣдовали новыя правила о поступленіи въ братство, гильдію и гражданство. Поступленіе въ братство (изъ котораго замѣщались всѣ должности) было особенно важно, и потому магистратъ ограничилъ его принятіемъ людей лютеранскаго исповѣданія и нѣмецкаго происхожденія. Правительство не приняло этихъ ограниченій; тѣмъ не менѣе скамья старшинъ и собранія братства 26-го января 1843 г. опредѣлила сохранить старый порядокъ. Вслѣдствіе этого въ братство не приняло ни одного русскаго, ни въ 1845, ни въ 1846, 1847 и 1848 г.г. Въ 1849 году изъ 8-ми просителей принято двое, послѣ продолжительной бури, закрытія засѣданія и увѣренія нѣкоторыхъ старшинъ, что противиться долѣе опасно. Въ 1849 году Сенатъ подтвердилъ, по жалобѣ не принятыхъ, чтобы порядокъ, утвержденный мѣстнымъ сводомъ, исполнялся въ точности. Въ томъ же 1849 г., такъ какъ жалобы на стѣсненія не только не прекращались, но росли, повелѣно было составить проектъ новаго городового устройства. Проектъ этотъ, до сихъ поръ не утвержденный, нѣсколько разъ передѣлывался, то въ Петербургѣ, то въ Ригѣ, гдѣ общественное мнѣніе 15 лѣтъ не можетъ осилить систематическое упорство магистрата и меньшинства. Пока старые порядки въ полной силѣ, и еще въ декабрѣ 1864 года всѣ были свидѣтелями неприличности выходокъ и упрямства рижскихъ олигарховъ.

в) По судебной реформѣ пересмотръ всего судебнаго устройства Остзейскаго края предпринятъ по иниціативѣ правительства въ 1863 году, и до сихъ поръ не далъ еще результатовъ. Лифляндскій ландтагъ высказалъ по-прежнему стремленіе удержать право дворянства на замѣщеніе судебныхъ должностей.

Изъ всего этого легко можно оцѣнить смыслъ постепенности балтійскихъ реформъ и достоинство иниціативы привилегированныхъ корпорацій. Корпораціи желаютъ сохранить свои преимущества и упорно борются съ иниціативою правительства, уступая ему только въ крайнихъ случаяхъ. Отсюда проистекаетъ постепенность реформъ, и не будь настойчивой иниціативы правительства, то не было бы и никакихъ реформъ. Результатъ сдѣланныхъ уступокъ, послѣ ста лѣтъ постоянныхъ побужденій со стороны правительства, до сихъ поръ ниже того, что Россія сдѣлала въ 10 лѣтъ. Впрочемъ

неизвѣстно, почему остзейское привилегированное сословіе требуетъ себѣ права иниціативы. Иниціатива по мѣстнымъ вопросамъ ему можетъ быть и принадлежитъ, но судебная реформа, политическое устройство края, права состояній, равенство передъ закономъ, не суть мѣстные вопросы и по русскимъ кореннымъ законамъ принадлежатъ исключительно иниціативѣ правительства: и мы рѣшительно не знаемъ, когда правительство уступило свои права въ этомъ отношеніи кому бы то ни было.

4. Рядомъ съ проповѣдью о прочности постепенныхъ реформъ и благодѣтельностью собственной иниціативы представляется доводъ непрочности и необдуманности русскихъ реформъ, намекается на демократическія начала, кроющіяся въ нихъ.

Доводъ этотъ не есть доказательство положительное, но скрытый упрекъ, обнаруживающій только недоброжелательство. Реформы въ Россіи, совершающіяся въ послѣднія 10 лѣтъ, всѣмъ народомъ приняты съ благодарностью, и уже теперь приносятъ плоды. Ближайшій результатъ ихъ сравнительно быстраго осуществленія и рѣшительности, съ которою онѣ предприняты, тотъ, что народъ вѣритъ правительству, крѣпко къ нему привязался и идетъ неразлучно съ нимъ. Результатъ постепенныхъ и обдуманныхъ реформъ, если такъ можно назвать мѣропріятія остзейскихъ иниціаторовъ,—тотъ, что огромное большинство съ завистью смотритъ на русскія реформы.

5. Въ связи съ предыдущимъ приводится необходимость и польза обезпеченнаго дворянскаго сословія и дѣлается при этомъ скрытый намекъ (относящійся, впрочемъ, спеціально къ „Русскому Инвалиду“), что возстающіе противъ балтійскихъ привилегій вѣроятно враги всякаго дворянства. Доводъ этотъ, да позволено намъ будетъ сказать, не имѣетъ смысла. Мы очень хорошо понимаемъ права, обязанности и пользу просвѣщеннаго дворянскаго сословія, но не понимаемъ никакъ правъ дворянства во вредъ народа. Французское и англійское дворянства, конечно, не менѣе доблестны и вѣрны государямъ своимъ, чѣмъ дворянство остзейское, а между тѣмъ они подчиняются общему суду и расправѣ, не претендуютъ на права остального населенія и не лишаютъ другихъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ Россіи существуетъ тоже многочисленное дворянство, въ вѣрности и патріотизмѣ котораго не посмѣетъ усумниться никто. Существуетъ же оно безъ исключительныхъ правъ и отказалось даже отъ крѣпостного права, не пощадивъ, для исполненія воли Государя, своихъ средствъ.

Вотъ смыслъ и содержаніе остзейской обороны. Пусть судятъ безпристрастные люди, каково достоинство этой обороны. На частныя возраженія, бывшія противъ приведенныхъ нами фактовъ, мы отвѣ-

чали уже прежде, а на послѣднее отвѣчаемъ ниже, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Отвѣты нашимъ противникамъ".

Три газеты недавно разомъ ополчились противъ „Русскаго Инвалида" и его передовой статьи въ № 76, въ которой мы, какъ можно яснѣе, изложили всю сущность справедливаго неудовольствія русской публики по поводу существующихъ въ Остзейскомъ краѣ порядковъ. С.-Петербургская Нѣмецкая газета напечатала въ № 86 (отъ 20 апрѣля) возраженіе подъ заглавіемъ: Fragen und Antworten an den Russischen Invaliden, въ которомъ она, по обыкновенію своему, предается увлеченію и своему природному задору. За С.-Петербургскою нѣмецкою газетою послѣдовали „С.-Петербургскія Вѣдомости", взявшія на себя защиту господина Н. Л., и подъ фирмою....й....е, воспроизводящія возраженія С.-Петербургской Нѣмецкой газеты. Мало того, насъ пожелали разбить не только на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но и на французскомъ, и для этого тѣ же доводы появились и въ „Nord", подъ видомъ безпристрастной корреспонденціи и съ весьма любопытнымъ добавленіемъ, характеризующимъ вполнѣ источники этой корреспонденціи. Да будетъ намъ позволено всѣ три возраженія считать за одно. Насъ очевидно желаютъ закидать шапками, но, къ сожалѣнію, шапки-то принадлежатъ столь же очевидно одному и тому же лицу, и нашъ противникъ напрасно старается умножить себя и разнообразить на трехъ языкахъ. Доводы его остаются столь же непонятно слабыми, сколь были сами по себѣ. Мы уже давно привыкли отъ нашихъ противниковъ получать поправки, въ которыхъ обращается вниманіе на частности, а сущность дѣла, вредно вліяющая на край, тщательно скрывается. Вся защита остзейскихъ привилегій, весь протестъ нѣмецкой прессы противъ требованія скорыхъ и радикальныхъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ вертится именно на подобныхъ доводахъ. Нынѣ противники наши, желая, вѣроятно, придать имъ особенную силу, подкрѣпляютъ ихъ цитатами изъ свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскаго края. Намъ эти узаконенія и способъ примѣненія ихъ въ Остзейскомъ краѣ давно извѣстны, и потому ни доводы, ни цитаты насъ не поколеблютъ. Да и не на насъ разсчитаны они, а только на большинство газетныхъ читателей, которыхъ пытаются озадачить невѣрнымъ толкованіемъ нашихъ словъ и недобросовѣстными ссылками на существующіе законы.

Мы имѣли бы, конечно, право не отвѣчать болѣе на подобные полемическіе пріемы; но не желая подражать С.-Петербургской нѣмецкой газетѣ въ веденіи борьбы и, подобно ей, скрывать отъ своихъ читателей опроверженія на наши сужденія (что она всегда дѣлала съ невозмутимымъ хладнокровіемъ), мы нисколько не боимся

передать ея вопросы и отвѣты „Русскому Инвалиду“. На вопросъ нашъ о томъ, можетъ ли русскій дворянинъ на тѣхъ же условіяхъ пріобрѣтать имѣнія въ Остзейскомъ краѣ, на какихъ остзейцы пріобрѣтаютъ имѣнія въ Россіи, она отвѣчаетъ нерѣшительно да, ссылаясь на 876 ст. свода мѣстныхъ узаконеній. Мы по-прежнему повторяемъ: нѣтъ, потому что 874 и 875 ст. дозволяютъ остзейскому коренному дворянину пріобрѣтать всякія имущества, движимыя и недвижимыя, во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, а русскимъ дворянамъ въ Остзейскомъ краѣ воспрещено покупать, въ Эстляндіи и Курляндіи и на островѣ Эзелѣ, всѣ имѣнія, именуемыя дворянскими (болѣе половины всего пространства); въ Лифляндіи же они могутъ владѣть дворянскими имѣніями только съ ограниченіями и безъ дворянскихъ правъ (876, 877 и 878). Все это вполнѣ доказываетъ, что въ предѣлахъ остзейскихъ губерній русское дворянство подвергается весьма чувствительнымъ ограниченіямъ, которыя, будь они установлены въ имперіи для остзейцевъ, давно бы заставили кричать ихъ объ угнетеніи и несправедливости.

На вопросъ нашъ о томъ, могутъ ли русскіе, даже проживающіе въ Остзейскомъ краѣ, пріобрѣтать на тѣхъ же условіяхъ собственность, какъ нѣмцы, противники наши отвѣчаютъ: да, извиняясь при этомъ, что въ остзейскихъ губерніяхъ вообще труднѣе пріобрѣтать собственность, даже для непривилегированныхъ нѣмцевъ. Мы уже неоднократно заявляли, что не дѣлаемъ разницы между непривилегированными нѣмцами, эстами, латышами и русскими. Всѣ права, внесенныя въ сводъ мѣстныхъ узаконеній и составляющія все его содержаніе, относятся къ остзейскимъ гражданамъ и только граждане ими пользуются. Цитировать сводъ мѣстныхъ узаконеній, когда дѣло идетъ о правахъ не гражданъ (т. е. непривилегированныхъ нѣмцевъ, русскихъ, эстовъ и латышей), можно только имѣя такой неисчерпаемый запасъ логики, какой С.-Петербургская нѣмецкая газета выказала уже неоднократно. Противники наши, конечно, не безъ умысла, позабыли цитировать 943 и 944 ст., которыя, гласятъ: „Въ каждомъ городѣ губерній остзейскихъ и въ Нарвѣ, тѣ городскіе обыватели, которые получили права мѣстнаго гражданства и означеннымъ ниже сего, для каждаго города въ особенности порядкомъ составляютъ особое общество гражданъ или такъ называемое гражданство. Права неполучившихъ правъ мѣстнаго гражданства опредѣляются общими законами имперіи, съ тѣми лишь ограниченіями, которыя суть послѣдствіе особыхъ мѣстнымъ гражданамъ дарованныхъ преимуществъ. „Кажется, ясно, что права гражданъ ограничиваютъ права прочихъ обывателей. Дѣло, значитъ, заключается въ томъ, чтобы доступъ въ гражданство и въ особенности

въ гильдіи и братство, исключительно пользующіяся политическими правами, былъ бы свободенъ для всѣхъ и каждаго. Что доступъ этотъ не свободенъ, даже вопреки своду мѣстныхъ узаконеній только вслѣдствіе духа исключительности привилегированныхъ гражданъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ все еще продолжающаяся борьба между магистратомъ и обывателями, весь пресловутый новый проектъ рижскаго городового устройства и самая остзейская пресса, восхваляющая этотъ проектъ, который не имѣлъ бы ровно никакого смысла, если все старое было бы хорошо.

На вопросъ нашъ, могутъ ли русскіе занимать мѣста общественнаго и городского управленія, намъ отвѣчаютъ торжественно: да, прибавляя, что всѣ должности выборныя и доступны русскимъ, если ихъ выберутъ. А мы опять говоримъ: нѣтъ, потому что выбираютъ не русскіе или другіе, а исключительно привилегированные нѣмцы магистрата, братства или гильдій, не допускающіе въ свою среду никого, кромѣ своихъ, даже если на то не имѣютъ права. Магистратъ выбираетъ ратсгерровъ, ратсгерры занимаютъ всѣ общественныя должности; бенефиціи (низшія городскія должности, сопряженныя съ доходомъ, нѣчто въ родѣ кормленія) принадлежатъ исключительно членамъ братства; въ братство принимаютъ только людей нѣмецкаго происхожденія, несмотря на то, что въ законѣ сказано, что всѣ могутъ поступать въ него; каждый годъ на это поступаетъ множество жалобъ и не признаютъ этихъ жалобъ только тѣ, противъ которыхъ онѣ направлены.

Далѣе, наконецъ, противники наши увѣряютъ, что русскіе могутъ участвовать въ судѣ, если имѣютъ необходимыя на то качества.

Главное качество состоитъ въ томъ, чтобы принадлежать къ привилегированнымъ сословіямъ; привилегированному дворянству принадлежатъ слѣдующія мѣста въ Лифляндіи: въ гофгерихтѣ—мѣста президента, вице-президента, двухъ ландратовъ и двухъ ассессоровъ (одинъ отъ эзельскаго дворянства), т. е. всѣ выборныя должности и три четверти состава всего суда (отъ правительства есть два совѣтника); въ крестьянскомъ отдѣленіи—мѣсто секретаря, въ ландгерихтахъ дворянству принадлежатъ всѣ мѣста (ландрихтеръ, два ассессора и секретарь). Въ уѣздныхъ крестьянскихъ судахъ мѣста предсѣдателя, дворянскихъ засѣдателей и секретарей. Сверхъ того дворянство выбираетъ приходскихъ судей и субститутовъ. Въ городахъ всѣ судебныя мѣста состоятъ изъ бургомистровъ и ратгерровъ, т. е. членовъ магистрата. Въ Эстляндіи оберъ-ландгерихтъ состоитъ изъ 12 членовъ ландратской коллегіи (всѣ изъ дворянъ). Самъ оберъ-ландгерихтъ замѣщаетъ всѣ должности въ немъ; нидеръ-ландгерихтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства

изъ трехъ манрихтеровъ и шести ассессоровъ мангерихтовъ и четырехъ гакенрихтеровъ. Секретарь нидеръ-ландгерихта, манрихтеры и гакенрихтеры всѣ отъ дворянства и исключительно изъ коренныхъ дворянъ. Въ Курляндіи дворянству принадлежатъ всѣ мѣста членовъ оберъ-гофгерихта. Чиновники опредѣляются самимъ судомъ. Оберъ-гауптманскіе суды состоятъ изъ предсѣдателей и ассессоровъ изъ дворянъ; секретари и прочіе чиновники избираются самимъ судомъ изъ дворянъ или литератовъ. Гауптманскіе суды состоятъ изъ одного гауптмана и двухъ ассессоровъ. Всѣ эти люди должны быть изъ коренныхъ дворянъ.—Въ крестьянскихъ судахъ дворянство замѣщаетъ предсѣдателей и ассессоровъ. Въ городахъ судъ и расправу творятъ магистраты. Гдѣ же тутъ, спрашивается, возможность непривилегированнымъ участвовать въ судѣ. Нужно, конечно, имѣть необыкновенное хладнокровіе, чтобы и здѣсь утверждать, что участіе въ судѣ доступно всѣмъ, а не въ рукахъ однихъ привилегированныхъ.

Однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ мы отвѣчали на самые простые вопросы: *нѣтъ*, С.-Петербургская нѣмецкая газета силится отвѣчать: *да*, но за каждымъ да у нея непремѣнно слѣдуетъ wenn.

Противники наши, ратующіе съ постояннымъ wenn и aber, задаютъ намъ, между прочимъ, вопросъ. Мы и здѣсь будемъ снисходительны и отвѣтимъ, хотя эти вопросы столь же благонамѣренны и логичны, какъ и предыдущія возраженія. Насъ спрашиваютъ, чего мы хотимъ,—требуютъ отъ насъ программы. Всякій, читавшій наши статьи, знаетъ, чего мы хотимъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто не желаетъ этого знать или находитъ удобнымъ находить въ нихъ, какъ напримѣръ либеральная и просвѣщенная Ревельская газета, находящая въ себѣ необыкновеннымъ достоинствомъ, что она живетъ душа въ душу, съ своими привилегированными нѣмецкими читателями. Русское общество желаетъ, чтобы въ Остзейскомъ краѣ не стѣсняли русскихъ. Оно желаетъ отмѣны безчисленныхъ wenn и aber, укрѣпляющихъ доводы нашихъ противниковъ и устанавливающихъ неравенство и, слѣдовательно, раздраженіе между племенами. Оно желаетъ, чтобы одна десятая балтійскаго населенія, состоящая изъ привилегированныхъ нѣмцевъ, перестала бы, наконецъ, дразнить остальныя девять десятыхъ и всю Россію и лжелиберальничать на фразахъ и обѣщаніяхъ, рисуясь предъ заграничною публикою и передъ русскимъ правительствомъ и обходя всякую попытку къ серьезному улучшенію. Вотъ программа, которой не сочувствуютъ развѣ только поборники феодализма и застоя, или люди, не понимающіе смысла постоянной агитаціи въ Остзейскомъ

краѣ, глухіе къ жалобамъ и потребностямъ народа, взывающаго давно уже къ Россіи о помощи.

Еще болѣе возмущало русскую прессу положеніе православныхъ въ Остзейскомъ краѣ. Тамъ происходили возмутительныя вещи на глазахъ русской администраціи, не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на дерзкія выходки лютеранъ.

Положеніе православныхъ въ Остзейскомъ краѣ было крайне тяжелое. Это народъ бѣдный, окруженный со всѣхъ сторонъ лютеранами, людьми богатыми и сильными: судьи, помѣщики, арендаторы, управляющіе, писаря всѣ почти лютеране. Эта многочисленная и сильная масса лютеранъ, среди которыхъ живутъ православные, не любитъ, даже ненавидитъ православныхъ. Главные противники православныхъ, разумѣется, пасторы, духовный и матеріальный интересъ которыхъ сильно страдаетъ отъ перехода прихожанъ въ православіе. Понятно, что пасторы всѣми мѣрами стараются не дать усиливаться православію. Они обыкновенно внушаютъ сильнымъ и вліятельнымъ лютеранамъ враждебный образъ дѣйствій относительно православія. Можно сказать, что вся масса лютеранъ тяжелымъ гнетомъ давитъ православныхъ. Здѣсь даже не называютъ православную вѣру православною, а только русскою. И не мало было возбуждено дѣлъ, но всегда нѣмцы оставались правы; самое слово русскій здѣсь считается униженіемъ.

Православную вѣру лютеране называютъ идолопоклонствомъ. Стоитъ только прочесть записки православнаго латыша Индрика Страумита, чтобы придти въ ужасъ отъ тѣхъ жестокостей, которыя употребляли помѣщики и пасторы, чтобы уничтожить стремленія латышей къ переходу въ православіе, начавшіяся въ 1840 годахъ. Увѣривъ правительство, что латыши бунтуютъ, они широко воспользовались русскою властью, которая давала имъ полномочія на всякаго рода экзекуціи.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, а между тѣмъ православные подвергаются по-прежнему всякаго рода оскорбленіямъ, и въ шестидесятыхъ годахъ происходили всякія безчинства. Но русскіе государственные дѣятели въ родѣ князя Суворова, Альбединскаго, Валуева, графа Шувалова, не только ничего не видали сами, но жестоко преслѣдовали русскую прессу, которая открывала имъ глаза на остзейскіе безпорядки, запрещая и закрывая газеты, отстаивавшія русскіе интересы. Только „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Инвалидъ“, находившіеся въ исключительномъ положеніи, позволяли себѣ указывать на остзейскіе порядки; всѣ же другія, какъ Петербургскія, такъ и Московскія газеты терпѣли всякія кары вплоть до закрытія“.

Между тѣмъ въ Венденѣ произошелъ возмутительный случай. Тамъ послѣ крещенскаго водосвятія лютеране выкачали на мостовую всю воду изъ колодца. По этому поводу въ газетѣ „Москва“, помимо разсказаннаго случая, было сказано о притѣсненіяхъ, которыя встрѣчаютъ православные, о поношеніи православной религіи съ церковныхъ каѳедръ и проч.

По этому поводу мнѣ пришлось бесѣдовать съ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ. Однажды при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ спросилъ меня, знаю ли я Валуева, и на отвѣтъ мой, что я знаю его только въ лицо, онъ прибавилъ:

— Ну, такъ вамъ придется познакомиться съ нимъ покороче.

— По какому же случаю?

— Весьма для васъ лестному. Онъ просилъ меня напечатать въ „Инвалидѣ“ возраженія на нѣкоторыя газетныя статьи по поводу остзейскихъ происшествій.

— Но почему же непремѣнно въ „Инвалидѣ“, а не въ „Сѣверной Почтѣ“?

— Я ему предложилъ тотъ же вопросъ, но онъ мнѣ сказалъ, что публика болѣе повѣритъ, если это будетъ напечатано въ „Инвалидѣ“. Вамъ необходимо съ нимъ повидаться и условиться на счетъ статьи; но имѣйте въ виду крайнюю осторожность, чтобы какими-либо неточностями не скомпрометтировать себя.

Получивъ такую инструкцію на счетъ осторожности, я предпочелъ помимо предстоящаго разговора запастись запискою, въ которой указалъ, что я желаю, для того, чтобы статья была напечатана въ газетѣ, и чтобы на всякое указаніе газеты „Москва“ было опроверженіе, основанное на фактахъ, а не на однихъ словахъ.

Содержаніе заготовленной мною записки для П. А. Валуева было слѣдующее:

„Главные доводы, на которые опираются разсужденія газеты „Москва“, суть слѣдующіе:

1. Когда въ 40-хъ годахъ между эстами и латышами возникло стремленіе къ православію, то правительство, введенное въ заблужденіе мѣстными властями, состоящими изъ помѣщиковъ-лютеранъ, употребило съ своей стороны самыя крутыя и жестокія мѣры, чтобы не только задержать это стремленіе, но совершенно его задушить.

2. Всякое стремленіе къ православію встрѣчаетъ со стороны мѣстныхъ властей самыя сильныя притѣсненія.

Какъ доказательство приводится въ газетѣ случай съ крестьяниномъ Бендерономъ, который за принятіе имъ православія будто бы былъ призываемъ къ суду, и хотя не обвиненъ, но судился за совращеніе въ православіе.

3. Православная религія поносится и въ печати и съ церковныхъ каѳедръ.

Въ доказательство приводится сочиненіе Кальценаускаго пастора Дебнера, который въ сочиненіи своемъ называетъ православную религію суевѣріемъ и невѣжествомъ.

4. Обряды православной религіи профанируются.

Въ доказательство приведенъ случай, бывшій въ городѣ Венденѣ, гдѣ тотчасъ же послѣ водосвятія при колодцѣ, въ присутствіи еще не разошедшейся толпы народа, была подвезена пожарная труба, посредствомъ которой только что освященная вода была выкачена изъ колодца на мостовую.

5. Всякое дѣйствіе, служащее къ поддержанію и распространенію православія, встрѣчаетъ со стороны правительства крайнее стѣсненіе.

Какъ доказательство того приводится то обстоятельство, что издававшійся при Рижской духовной православной семинаріи журналъ „Училище Благочестія" былъ отданъ подъ цензуру частнаго пристава лютеранина Шмидта.

Опровергать первый доводъ о крутыхъ мѣрахъ, принятыхъ противъ желавшихъ перейти въ православіе, врядъ ли было бы теперь удобно, если принять во вниманіе, что факты по этому дѣлу уже давно были напечатаны и оставались неопровергнутыми.

Точно также весьма осторожно можно говорить противъ 3-го пункта, поношенія православной религіи посредствомъ сочиненій и церковныхъ проповѣдей. Объ этомъ въ послѣднее время говорилось весьма много и горячо принималось русскою публикою. Печать представила много фактическихъ доказательствъ на этотъ счетъ, указавъ въ буквальномъ переводѣ подобныя проповѣди и сочиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатно же была доказана безнаказанность подобныхъ дѣйствій. Все это никѣмъ не было опровергнуто и потому въ глазахъ всей читающей публики получило характеръ безусловной истины.

Затѣмъ казалось бы необходимымъ, опровергнувъ фактически остальные доводы статьи, привести истинныя данныя, которыя бы ясно и неопровержимо доказали, что русское правительство не только никогда не тормозило дѣло распространенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ, но напротивъ всегда поддерживало его какъ нравственно, назначая въ край наиболѣе развитыхъ и дѣльныхъ священнослужителей, оказывая покровительство обращеннымъ, защищая ихъ отъ притѣсненій помѣщиковъ, пасторовъ и пр., такъ и матеріально устраивая приличныя православныя церкви, назначая обезпеченное денежное содержаніе священникамъ, учреждая духов-

ныя семинаріи, училища для новообращенныхъ, поддерживая и развивая церковныя братства и пр.“.

Подготовившись такимъ образомъ къ бесѣдѣ съ человѣкомъ, который, какъ всѣмъ было извѣстно, отличался, если не истиннымъ краснорѣчіемъ, то по крайней мѣрѣ напыщеннымъ щегольствомъ рѣчи, я отправился съ запискою въ карманѣ въ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ противъ Александринскаго театра. Въ нижнемъ этажѣ этого дома я нашелъ П. А. Валуева за длиннымъ письменнымъ столомъ. При входѣ моемъ онъ поднялся съ кресла и, величаво протянувъ руку, указалъ на стулъ, стоявшій противъ него. Я сѣлъ.

— Очень радъ, полковникъ, началъ П. А. Валуевъ, что Дмитрію Алексѣевичу угодно было познакомить меня въ вами. Можете быть увѣрены, что съ моей стороны вы встрѣтите полное содѣйствіе къ разъясненію фальшиво поднятаго вопроса объ Остзейскомъ краѣ.

— Но, Ваше Превосходительство, общественное мнѣніе, попробовалъ я скромно вставить свою фразу.

— Общественное мнѣніе, полковникъ, руководствуется у насъ прессою, а пресса есть орудіе обоюдуострое. Къ сожалѣнію, наша пресса вовсе не выражаетъ общественнаго мнѣнія, и напрасно она придаетъ себѣ слишкомъ большое значеніе. Вотъ, хотя бы въ данномъ вопросѣ объ Остзейскомъ краѣ. Чего только не наговорила русская пресса о порядкахъ въ томъ краѣ, чего она не прозрѣла въ тамошнихъ яко-бы попущеніяхъ русскаго правительства въ дѣлахъ управленія и въ дѣлахъ религіи. А между тѣмъ все это полнѣйшій вздоръ.

Такъ какъ, говоря это, онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, то я принялъ этотъ выговоръ русской прессѣ на свой счетъ, припоминая статьи „Русскаго Инвалида“ противъ остзейскихъ порядковъ, и въ то же время думалъ про себя. „А что бы Вы, Ваше Превосходительство, заговорили, если бы узнали, что статьи эти прочитаны Государемъ и одобрены для напечатанія въ газетѣ. Неужели по Вашему мнѣнію это тоже полнѣйшій вздоръ“.

— Выдумывать о какомъ-то сепаратизмѣ въ Остзейскомъ краѣ— продолжалъ П. А. Валуевъ,—можетъ только русская пресса, не понимая того, что Россія есть ядро гомогенное, окруженное ядрами гетерогенными и одаренная силою не центробѣжною, но центростремительною...

Выкинувъ такую фразу, онъ продолжалъ:

— И такъ, полковникъ, я къ вашимъ услугамъ. Что прикажете?

— Я бы желалъ, Ваше Превосходительство, получить нѣкоторые

документы, которые бы фактически опровергали напечатанныя свѣдѣнія въ газетѣ „Москва“.

При этихъ словахъ П. А. Валуевъ выдвинулъ изъ стола ящикъ, вынулъ оттуда связку ключей и, положивъ ихъ передо мною, сказалъ, указывая рукою на шкафы, стоящіе по стѣнамъ.

— Вотъ здѣсь, полковникъ, находятся секретныя дѣла министерства, они будутъ въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Это окончательно поразило меня. Почему, подумалъ я, этотъ безусловно умный человѣкъ играетъ такую странную роль передъ какимъ-то полковникомъ. Можетъ быть, никакихъ секретныхъ дѣлъ въ шкафахъ и нѣтъ, а это сказано просто для эффекта, наконецъ, онъ не могъ не знать, что я не позволю себѣ рыться въ чужомъ министерствѣ.

— Я очень благодаренъ Вашему Превосходительству за довѣріе, но считаю совершенно неудобнымъ пользоваться лично матеріалами. Я полагаю совершенно достаточнымъ, если Ваше Превосходительство поручите Вашему чиновнику отвѣтить на вопросы, изложенные въ этой запискѣ.

При этомъ я вынулъ изъ кармана вышеизложенную записку.

— Прекрасно,—сказалъ Валуевъ и началъ читать записку.

Прочитавъ, онъ сказалъ:—Благодарю васъ, полковникъ, все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

И мы разстались.

Черезъ нѣкоторое время я, дѣйствительно, получилъ свою записку обратно, при чемъ нашелъ на ней помѣтки Валуева. Такъ по поводу перваго пункта моей записки онъ написалъ: „Напрасно говорится о 40-хъ годахъ и умалчивается о 45-хъ, въ которыхъ все прекратилось“.

Но надо замѣтить, что прекратилось потому, что помѣщиками и пасторами были употреблены, при содѣйствіи русскаго правительства, такія мѣры, которыя напоминали герцога Альбу въ Нидерландахъ.

Противъ 3-го пункта Валуевъ помѣтилъ: „Ссылка не точна, и Дебнеръ отрѣшенъ отъ благочинія. Другія поношенія никогда не были терпимы правительствомъ“.

Противъ остальныхъ пунктовъ онъ потребовалъ справокъ.

Вслѣдъ затѣмъ я началъ получать фактическія доказательства на счетъ истиннаго положенія дѣлъ.

Прежде всего я получилъ маленькую записку отъ П. А. Валуева слѣдующаго содержанія:

„О происшествіи въ Венденѣ не имѣется никакого извѣстія въ

министерствѣ в. д. Архіепископъ, повидимому, не сообщилъ о немъ. Генералъ-губернаторъ спрошенъ.

„Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что нигдѣ не терпится и не было терпимо нарушеннаго неуваженія къ православію, и что стараніе обобщить Венденское приключеніе есть политическій пріемъ весьма не разборчивый въ такомъ дѣлѣ.

„Мнимая отдача подъ цензуру архіепископа заключается въ томъ, что, при незнаніи имъ мѣстныхъ нарѣчій, генералъ-губернаторъ находилъ неудобнымъ разрѣшить изданіе народнаго журнала на этихъ нарѣчіяхъ, внѣ общей цензуры, подъ цензурою однихъ православныхъ священниковъ. Съ этимъ согласились оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и министръ внутреннихъ дѣлъ".

Кромѣ того, П. А. Валуевымъ мнѣ были присланы двѣ записки лифляндскаго жандармскаго штабъ-офицера для прочтенія съ просьбою возвратить ихъ.

Въ то же время я получилъ письмо изъ департамента иностранныхъ исповѣданій слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

По порученію министра внутреннихъ дѣлъ имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ копію съ отношенія къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода по дѣлу пастора Дебнера, которая не была вамъ своевременно передана. Господинъ министръ полагаетъ, что сущность этой бумаги могла быть помѣщена въ „Русскомъ Инвалидѣ" въ формѣ простого извѣстія независимо отъ статьи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Аничковъ.

При письмѣ была приложена слѣдующая копія съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Вслѣдствіе соглашенія моего съ Вашимъ Сіятельствомъ по дѣлу объ изданіи пасторомъ Дебнеромъ сочиненія на латышскомъ языкѣ „Исторіи Христіанской вѣры" и неумѣстномъ объявленіи объ изданіи 3-й части сего сочиненія въ латышскомъ журналѣ Mapia Weesis № 50, отъ 12 декабря 1866 года предложено мною 8-го сего марта генеральной консисторіи: 1) Уволить пастора Дебнера отъ должности пробста и воспретить ему дальнѣйшее изданіе сочиненій религіознаго характера на народномъ латышскомъ или эстскомъ языкѣ;

2) сдѣлать Лифляндской консисторіи замѣчаніе за одобреніе къ печати вышеозначеннаго сочиненія, безъ обращенія вниманія на направленіе сего сочиненія и 3) независимо отъ общаго замѣчанія консисторіи подвергнуть выговору того изъ членовъ ея, на котораго было возложено разсмотрѣніе означеннаго сочиненія Дебнера и по докладу котораго оно одобрено къ печати.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено генеральной консисторіи учинить надлежащее распоряженіе къ представленію на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ двухъ кандидатовъ на вакансію пробста Венденскаго округа на мѣсто увольняемаго отъ сей должности пастора Дебнера.

Когда, такимъ образомъ, получены были всѣ справки и въ случаѣ неточности ихъ отвѣтственность не падала на „Русскій Инвалидъ", въ газетѣ была напечатана разъяснительная статья, послѣ чего я получилъ отъ П. А. Валуева слѣдующую записку:

„Въ статьяхъ разныхъ газетъ о православной церкви въ Лифляндіи часто упоминается о бѣдности мѣстныхъ храмовъ и т. п. Они дѣйствительно въ незавидномъ состояніи, но нельзя винить въ этомъ правительство. У насъ много говорятъ объ обществѣ, и много говоритъ само общество, но дѣлаетъ оно немного. Правительство израсходовало на Рижскую епархію со времени ея учрежденія 2.700.000 рублей и кромѣ того 600.000 рублей спеціально на разныя постройки. Эти цифры въ сравненіи съ общею суммою издержекъ по духовному вѣдомству на огромномъ пространствѣ Россіи весьма значительны.

„Считаю не лишнимъ сообщить Вамъ эту справку и пользуюсь случаемъ, чтобы выразить Вамъ мои чувства совершеннаго почтенія и преданности.

Валуевъ.

„П. П. То же явленіе повторяется и по дѣламъ римско-католической церкви. Послѣ 1831 года закрыто болѣе 360 монастырей, отобрано 5.160.000 рублей капиталовъ и недвижимыя имѣнія съ населеніемъ 115 тысячъ душъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, мы до сихъ поръ слышимъ прежніе отзывы о благолѣпіи римско-католическихъ храмовъ и бѣдности нашихъ.

П. П. 2. Прошу принять выраженіе всей моей благодарности за нынѣшній „entre filets" въ „Инвалидѣ".

Это было получено послѣ статьи, помѣщенной въ газетѣ и составленной на основаніи полученныхъ документовъ.

С. П. Зыковъ.

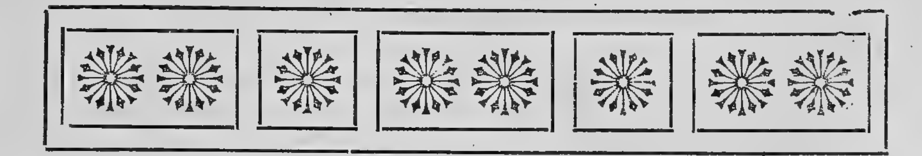
ВОИНСТВЕННЫЙ ИГУМЕНЪ.

(XVII в.).

Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологодцкому и Бѣлозерскому бьетъ челомъ нищей твоі богомолецъ Бѣлозерского уѣзда Надпоржскага стану Шухтовские волости Никольской попъ Петръ Ѳилимонов. Жалоба, государь, Корнильева монастыря на игумена Еѳрема: посланъ по твоему святительскому указу игумен Корнильева монастыря Еѳрем в Бѣлозерской уѣздъ в Надпоржской станъ в Шухтовскую волость к храму Николаю Чюдотворцу, вьходил во храм и осматривал и въ другой храм вышел и с ним вышел ево игуменов слушка и ухватил с престола евангилие нечинно у Георгия Страстотерпца и отдал мнѣ попу Петру и одежду и страчицу верхную долой с престола сняли и ко мнѣ нищему твоему богомольцу приметались, будто нет святаго антѣмиса, а святый антѣмис есть, а священа та церковь по старому болши тритцати лѣтъ, и онъ, игуменъ, вьзял меня драть за бороду и по щекам бил и пономаря бил, и взяв меня посадили в сани и привѣзли въ деревнишко мое и хотел он, игумен, бить меня плетми и я, нищей твой богомолецъ, убоялся увѣчья. И живу я въ попахъ сорокъ три лета и такова безчестья на себя не видалъ. И онъ, игуменъ, вьзялъ у меня два рубли да подьяку шесть алтын да слугам взял двѣ гривны и всех денег вьзял два рубли десять алтын, да полотна повознику своему взялъ десеть аршинъ. И я нищей твой богомолецъ плакался и въ ногахъ лежалъ. И онъ моего челобитья нѣ принял, денги и полотно взялъ. А вины, государь, я на себя не ведаю. А во храм Георгия Страстотерпца служить запрещалъ; какъ взялъ посулъ и после того, поехавъ з двора велелъ в той церквѣ служить. А я после ево не служу до твоего владычня указу. А престол весь цѣлъ. Великій господинъ преосвященный Симонъ архиепископъ Вологодцкій и Бѣлозерскій, пожалуй государь меня нищаго своего богомольца, учини, государь, указъ, что без вины бил меня и взял денги и полотно. Государь, смилуйся, пожалуй. *На оборотѣ*: К сеи челобитнои Шухтовские волости Текутова Раменья Рожества Богородицы поп Косма Ѳедоровъ вмѣсто тестя своево попа Петра Ѳилимонова потому что ево на Вологде не пригодись—устарелъ по ево веленью руку приложилъ.

Примѣчаніе. Въ описаніи Корниліева монастыря, изд. 5-е, 1904 года (Вологда) игуменъ Ефремъ указанъ между 1676 и 1679 годами.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Къ характеристикѣ доктора Ѳ. П. Гааза.

Посвящается Анатолію Ѳедоровичу Кони.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый біографическій очеркъ „Докторъ Ѳ. П. Гаазъ" былъ напечатанъ А. Ѳ. Кони въ 1897 году; затѣмъ въ 1903 году въ „Вѣстникѣ Европы" напечатана тѣмъ же авторомъ статья „Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ по новымъ матеріаламъ", а въ 1904 году появилось новое пополненное изданіе (4-е) біографіи Ѳ. П. Гааза. Съ тѣхъ поръ никакихъ новыхъ свѣдѣній о Ѳ. П. Гаазѣ опубликовано не было, кромѣ газетныхъ замѣтокъ и статей объ открытіи памятника Гаазу, которое состоялось въ 1909 году въ Александровской больницѣ, гдѣ я имѣю честь быть главнымъ докторомъ.

Готовясь къ этому торжеству, я лѣтомъ прошлаго года занимался въ Московскомъ Губернскомъ архивѣ, а также имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько дѣлъ Московскаго Тюремнаго Комитета временъ Гааза. Я надѣялся найти новые документы для характеристики Ѳ. П. Гааза, кромѣ разысканныхъ мною тамъ-же 17 лѣтъ тому назадъ, когда я имѣлъ счастье помогать А. Ѳ. Кони въ собираніи матеріаловъ для біографіи незабвеннаго основателя бывшей полицейской, а нынѣ Александровской больницы.

Къ крайнему сожалѣнію много важныхъ документовъ утрачено: богатый матеріалъ Тюремной больницы уничтоженъ пожаромъ, дѣла Медицинской Конторы о Гаазѣ затерялись; не сданы въ архивъ и неизвѣстно куда дѣвались дѣла о холерѣ 1848 года. Но все-таки мнѣ удалось разыскать нѣсколько интересныхъ документовъ, которые я нахожу нужнымъ опубликовать для пополненія біографическаго матеріала о Ѳ. П. Гаазѣ, а также подѣлиться свѣдѣніями о томъ, что сдѣлано для увѣковѣченія памяти о „святомъ старикѣ".

С. В. Пучковъ.

Широкая общественная дѣятельность Ѳ. П. Гааза начинается съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Можно съ увѣренностью сказать, что съ этого времени ни одно сколько-нибудь крупное дѣло по санитарно-врачебной части въ городѣ Москвѣ не обходилось безъ участія и, въ большинствѣ случаевъ очень активнаго и энергичнаго, доктора Гааза.

Въ началѣ 1825 года Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ приглашаетъ его для прекращенія свирѣпствовавшей въ Тюремномъ замкѣ эпидеміи тифа. Онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ проф. Полемъ дѣятельно ведетъ борьбу съ эпидеміей, для чего прежде всего устраиваетъ временную больницу въ Покровскихъ казармахъ, гдѣ изолируетъ заболѣвшихъ арестантовъ. Благодаря его трудамъ дальнѣйшее развитіе эпидеміи въ Тюремномъ замкѣ прекращается.

Въ томъ же 1825 году Ѳедоръ Петровичъ по настоянію князя Голицына назначается штадъ-физикомъ Медицинской конторы, несмотря на свой упорный отказъ занять эту должность, будучи, какъ онъ писалъ, „удерживаемъ мыслію о несовершенствахъ своихъ". Исполняя обязанности штадъ-физика при не только крайне недружелюбныхъ, но и враждебныхъ къ нему отношеніяхъ его ближайшаго сослуживца инспектора Добронравова, Гаазъ производитъ переустройство служебныхъ помѣщеній Медицинской конторы и представляетъ рядъ докладовъ и проектовъ по кореннымъ вопросамъ общественной медицины. Въ 1826 году онъ приглашается для борьбы съ чрезвычайно сильно развившейся въ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемической глазной болѣзнью и съ большимъ успѣхомъ исполняетъ возложенное на него порученіе. Вскорѣ послѣ этого князь Д. В. Голицынъ, озабочиваясь устройствомъ въ Москвѣ глазной больницы, обращается къ Гаазу съ просьбой быть членомъ Особаго подъ его предсѣдательствомъ Комитета по устройству означеннаго учрежденія. Въ письмѣ кн. Голицына, написанномъ по этому поводу Гаазу, между прочимъ сказано: „Увѣренность моя въ Вашихъ познаніяхъ и убѣжденіе въ отличныхъ качествахъ Вашего сердца, оправданныхъ во время Вашего многолѣтняго пребыванія въ сей столицѣ, обратились въ сильнѣйшее для меня побужденіе предложить Вамъ званіе члена вышеупомянутаго Комитета". Нужно ли говорить, что Гаазъ принялъ съ горячею готовностью предложеніе князя Голицына, тѣмъ болѣе, что въ числѣ членовъ образованнаго Комитета были два его друга и постоянные его сотрудники по общественной дѣятельности проф. Поль и докторъ Броссе. Работа въ Комитетѣ была настолько дружной и энергичной, что черезъ пять мѣсяцевъ новая больница была оборудована и открыта во времен-

номъ помѣщеніи. Гаазъ былъ назначенъ членомъ ея Совѣта и до самой своей смерти оставался въ этомъ званіи, помогая учрежденію своею опытностью и своими знаніями, а также собирая для него пожертвованія.

Изумительная по энергіи и продуктивности дѣятельность Гааза, какъ члена Тюремнаго Комитета, подробно и рельефно описана въ біографическомъ очеркѣ А. Ѳ. Кони. Въ этой книгѣ приведено много случаевъ ходатайствъ Гааза за арестантовъ; а какимъ людямъ приходилось въ тѣ мрачныя времена надѣвать арестантскіе халаты и кандалы, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ эпизодовъ изъ дѣятельности Гааза, найденныхъ мною въ архивахъ.

Въ 1836 году Ѳ. П. Гаазъ ходатайствуетъ за арестанта некрасовца Орлова, вина котораго, какъ видно изъ прошенія прокурору, написаннаго очевидно подъ диктовку Гааза, заключалась въ слѣдующемъ:

Въ 1828 году во время войны съ Турціей некрасовцы оказали большія услуги русскимъ войскамъ при переходѣ ими черезъ Дунай, вслѣдствіе чего Императоръ Николай I особымъ манифестомъ разрѣшилъ желающимъ вернуться въ Россію снова принять русское подданство, при чемъ было дано обѣщаніе, что возвратившіеся въ Россію некрасовцы не будутъ подвергнуты никакимъ взысканіямъ и могутъ избрать мѣсто жительства по своему желанію, вслѣдствіе чего Егоръ Орловъ вернулся въ Россію и хотѣлъ поселиться въ Калужской губерніи. По прибытіи его въ Калугу, мѣстное Губернское Правленіе, вмѣсто приведенія его въ подданство, отобрало выданный ему отъ градоначальства г. Измаила аттестатъ и препроводило какъ арестанта черезъ Москву на мѣсто его родины во Владимірскую губернію. Въ Москвѣ въ немъ принялъ участіе Гаазъ, положилъ его въ больницу и сталъ хлопотать объ его освобожденіи.

Въ 1843 году пересыльный арестантъ Станиславъ Ивановичъ Хлусевичъ десяти лѣтъ (!) ссылался за поджогъ въ каторгу на 3 года. Тюремный Комитетъ (Гаазъ) принимаетъ участіе въ судьбѣ несчастнаго ребенка и ходатайствуетъ о пересмотрѣ его дѣла. Общее Собраніе Сената пересмотрѣло дѣло и освободило мальчика отъ каторжныхъ работъ.

Въ 1830 году Гаазъ много потрудился въ дѣлѣ борьбы со страшнымъ общественнымъ бѣдствіемъ: въ этомъ году впервые въ Москвѣ появилась и сильно свирѣпствовала азіатская холера. По приглашенію кн. Голицынымъ Гаазъ былъ назначенъ членомъ временнаго Медицинскаго Совѣта, организованнаго для принятія по городу Москвѣ всѣхъ врачебно-санитарныхъ мѣръ по борьбѣ съ

эпидеміей. Дѣятельность Гааза въ холеру 30-го года по ея энергіи была просто изумительна. Временный Медицинскій Совѣтъ собирался въ домѣ генералъ-губернатора ежедневно въ 11 часовъ утра, „а когда надобность была, то и послѣ обѣда". Гаазъ независимо отъ этого состоялъ инспекторомъ одной изъ временныхъ холерныхъ больницъ и кромѣ того ему было поручено завѣдываніе всей регистраціей холерныхъ заболѣваній въ г. Москвѣ.

Въ 1840 году губернаторъ Сенявинъ предложилъ Гаазу занять мѣсто Главнаго доктора Екатерининской больницы. Ѳедоръ Петровичъ отклоняетъ это предложеніе, „чувствуя себя не въ состояніи оному удовлетворить". Затѣмъ съ тою же просьбой обратился къ нему московскій генералъ-губернаторъ кн. А. Г. Щербатовъ. По этому поводу Гаазъ пишетъ: „столь величайшая честь не могла преодолѣть глубокую сознательность о несовершенствахъ моихъ и мое твердое намѣреніе не увлекаться никакими земными похотѣніями". Однако Гаазъ долженъ былъ уступить настояніямъ кн. Щербатова. Занявъ мѣсто Главнаго доктора, онъ энергично принимается за переустройство этой, въ то время очень запущенной, больницы. Прежде всего онъ озабочивается устройствомъ въ этомъ учрежденіи водопровода. Окончивъ это сооруженіе, Гаазъ ходатайствуетъ передъ генералъ-губернаторомъ о возвратѣ 1.500 руб., израсходованныхъ имъ, при чемъ добавляетъ: „на это дѣло я употребилъ всѣ свои средства и мнѣ трудно далѣе заимствоваться деньгами у другихъ". Затѣмъ онъ производитъ ремонтныя работы и планировку двора больницы, за всѣми постройками слѣдя самъ и производя ихъ хозяйственнымъ способомъ. Желая устранить столь обычныя въ то время грандіозныя злоупотребленія при постройкахъ, онъ въ 1842 году ходатайствуетъ, чтобы предстоящія въ больницѣ постройки были отданы ему въ видѣ подрядчика, ибо, пишетъ Гаазъ, „я подчиняю себя всѣмъ обязанностямъ подрядчика". Желая формально обезпечить за собой право производить постройку, онъ проситъ въ 1843 году генерала-губернатора отдать перестройку деревяннаго барака ему и „съ пониженіемъ восьми рублей серебромъ противъ цѣны, заявленной подрядчиками при переторжкѣ". Этотъ ремонтъ былъ произведенъ Гаазомъ очень успѣшно. Имъ между прочимъ были устроены согласно современнымъ требованіямъ новыя ванны, шкафъ для сѣрныхъ ваннъ, души и дождевыя ванны.

Состоя Главнымъ докторомъ Екатерининской больницы, Ѳедоръ Петровичъ озабочивается устройствомъ особаго лѣчебнаго заведенія, въ коемъ могли бы найти пріютъ больные, не имѣющіе возможности по какимъ-либо причинамъ попасть въ другія больницы. Его хлопоты увѣнчиваются успѣхомъ: благодаря его заботамъ и стара-

ніямъ устраивается больница для безпріютныхъ, бывшая Полицейская, а нынѣ Александровская. Для этого учрежденія Гаазъ выхлопатываетъ находящійся въ вѣдѣніи московскаго генералъ-губернатора домъ въ Маломъ Казенномъ переулкѣ, въ которомъ до того времени помѣщался ортопедическій институтъ д-ра Менделини. Гаазъ собираетъ у разныхъ благотворителей пожертвованія на переустройство и приспособленіе этого дома для больницы, тратитъ на это дѣло свои въ то время уже оскудѣвшія средства. Съ особенной заботливостью онъ хлопочетъ о правильной постановкѣ водолѣченія въ новой больницѣ, согласно успѣхамъ, сдѣланнымъ въ этой области медицины въ его время въ больницахъ и клиникахъ Западной Европы. 2-го мая 1845 года больница для безпріютныхъ начинаетъ свою дѣятельность. Гаазъ назначается ея старшимъ врачемъ, занимаетъ въ этой больницѣ маленькую квартиру, и съ тѣхъ поръ до самой его смерти вся его дѣятельность неразрывно связана съ этимъ учрежденіемъ.

Обширная, разносторонняя и чрезвычайно энергичная общественная дѣятельность Гааза протекала среди крайне неблагопріятныхъ условій времени и окружающей его среды; тѣмъ болѣе эта дѣятельность заслуживаетъ нашего вниманія, нашего удивленія и нашего уваженія къ памяти покойнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ наше время многіе наши соотечественники находятъ оправданіе своей бездѣятельности, своему абсентеизму въ области общественныхъ интересовъ и дѣлъ, ссылаясь на невозможность работать при современномъ строѣ нашей общественной жизни, то, конечно, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, замкнувъ свою жизнь въ узкую сферу личныхъ интересовъ, имѣлъ бы несравненно болѣе правъ на такое самооправданіе — онъ вѣдь жилъ въ мрачныя времена первой половины прошлаго столѣтія, а Россія не была ему матерью, родиной.

Несмотря на всѣ терніи, неудачи, разочарованія и огорченія, которыя Гаазъ постоянно встрѣчалъ въ своей дѣятельности, онъ шелъ твердою стопою съ своему жизненному идеалу—самоотверженно служить людямъ, которымъ особенно тяжело живется на свѣтѣ. Въ стремленіи къ этому идеалу, въ постоянной борьбѣ съ неблагопріятными обстоятельствами, съ человѣческимъ безсердечіемъ, съ всеобщимъ равнодушіемъ, невѣжествомъ, неблагодарностью, онъ, не жалѣя себя, тратилъ массу физическихъ и моральныхъ силъ, но съ изумительнымъ терпѣніемъ и кротостью переносилъ свои неудачи, разочарованія и даже тяжкія обиды... Онъ часто шелъ по избранному имъ пути одинокимъ, никѣмъ непонимаемый... Изъ книги А. Ѳ. Кони мы узнаемъ, сколько при этомъ перенесли страданій добрая душа и

отзывчивое сердце Ѳедора Петровича. Позволю себѣ и я указать въ этомъ отношенiи на нѣкоторые новые факты изъ жизни Гааза.

Извѣстно, при какихъ неблагопрiятныхъ условiяхъ Гаазъ по настоянiю генералъ-губернатора долженъ былъ согласиться занять мѣсто штадъ-физика медицинской конторы. Молодой, широкообразованный, энергичный и строго неподкупной честности врачъ попалъ въ мутную среду канцелярской бюрократической трясины съ сомнительнымъ прошлымъ своихъ дѣятелей: Гаазъ замѣнилъ уволеннаго и отданнаго подъ судъ за злоупотребленiя по службѣ штадъ-физика Ц. Съ первыхъ шаговъ своей служебной дѣятельности онъ въ лицѣ инспектора медицинской конторы Добронравова нашелъ ярого и непримиримаго себѣ врага, способнаго на все.

Испытавъ всевозможныя средства борьбы съ своимъ противникомъ, инспекторъ Добронравовъ рѣшилъ наконецъ нанести ему, по его мнѣнiю, самый роковой ударъ: онъ подалъ жалобу на штадъфизика генералъ-губернатору, въ которой, указывая на постоянныя обиды, причиняемыя ему его врагомъ, заявляетъ, что „докторъ Гаазъ находится не въ здравомъ душевномъ состоянiи“ и проситъ принять мѣры, „дабы докторъ Гаазъ, имѣя обширную медицинскую практику, при такомъ разстройствѣ ума не могъ нанести вреда своимъ больнымъ“. Вѣроятно, убѣжденiе это у г. инспектора сложилось на основанiи непонятныхъ ему поступковъ Гааза въ родѣ слѣдующаго. Какъ видно изъ справки медицинской конторы 1830 года, посланный въ канцелярiю генералъ-губернатора, „докторъ Гаазъ во время исполненiя должности штадъ-физика 2.225 руб. жалованья и квартирныхъ не получалъ, но передавалъ оные удаленному отъ должности по производившемуся въ уголовной палатѣ дѣлу, бывшему штадъ-физику Ц.“.

Намъ трудно даже представить, при какихъ невѣроятно тяжелыхъ условiяхъ приходилось работать Ѳедору Петровичу на поприщѣ общественнаго служенiя. Позволяю себѣ указать для характеристики этого положенiя на два эпизода его дѣятельности во время борьбы съ холерной эпидемiей 1830 года. Въ наше время такъ часто слышатся жалобы, что общественное служенiе и связанная съ нимъ работа трудны особенно потому, что у насъ въ Россiи мало людей знающихъ, способныхъ и преданныхъ дѣлу, что человѣку, стоящему у какого-нибудь значительнаго общественнаго дѣла, трудно, а подъ часъ и невозможно, найти себѣ хорошихъ помощниковъ. Что же было въ этомъ отношенiи во времена Гааза, 80 лѣтъ тому назадъ? Вотъ примѣры. Во время холеры 30 года въ Москвѣ былъ организованъ „комитетъ для очищенiя (дезинфекцiи) товаровъ“. Предсѣдатель этого комитета 28-го октября во время самаго силь-

наго разгара эпидеміи, пишетъ московскому генералъ-губернатору: „Поступившіе членами въ сей комитетъ отъ купечества Павелъ Прохоровъ и Николай Осиповъ, первый изъ нихъ неграмотный, второй читать не умѣетъ, едва можетъ подписывать свое имя, при всемъ ихъ усердіи, не могутъ выполнять обязанностей по комитету и просятъ по сему быть уволенными“.

Во время эпидеміи 30 года Ѳеодоръ Петровичъ завѣдывалъ одной изъ временныхъ холерныхъ больницъ. Такъ какъ эта больница, несмотря на свою обширность, была переполнена холерными больными и двухъ врачей, помощниковъ Гаазу, было недостаточно, то въ его распоряженіе „были командированы 21-го іюля четыре студента: два медико-хирургической академіи и два университета, сверхъ того три ветеринарные врача, окончившіе курсъ въ сей академіи“. Вотъ съ какими помощниками приходилось Гаазу работать въ этой больницѣ, при чемъ нужно принять во вниманіе, что онъ ежедневно участвовалъ въ засѣданіяхъ Временнаго Медицинскаго Совѣта, а также неизмѣнно посѣщалъ засѣданія Тюремнаго комитета, не оставляя при томъ бывать въ мѣстахъ заключенія и постоянно присутствовать на Воробьевыхъ горахъ при отправкѣ арестантовъ въ Сибирь. Кромѣ того онъ завѣдывалъ регистраціей всѣхъ холерныхъ заболѣваній въ Москвѣ; число же этихъ заболѣваній доходило до 5.000 въ мѣсяцъ, какъ напримѣръ это было въ октябрѣ 1830 года. Работа эта была настолько громадна, что въ помощь Гаазу былъ назначенъ докторъ Кетчеръ.

Но помимо дѣла живого, спѣшнаго во время холерной эпидеміи, Гаазу нерѣдко приходилось считаться съ вопросами мелочного самолюбія, гордости, тщеславія и бездушнаго формализма людей, съ которыми сводила его судьба при совмѣстной работѣ. Во время холеры 30-го года во главѣ мѣстныхъ санитарныхъ организацій полицейскихъ частей города были поставлены особые начальники (санитарные попечители), а начальники эти были далеко не всегда столь просвѣщенные и воспитанные люди, какимъ былъ начальникъ тверской части Ѳ. В. Самаринъ. У Ѳеодора Петровича начальникъ былъ другого склада. Посѣтивъ однажды временную больницу и не найдя „въ правдивой книгѣ“ записей, онъ объявилъ Гаазу выговоръ, и на его объясненія не обратилъ никакого вниманія. Въ другой разъ онъ возмутился заявленіемъ Гааза, что врачъ является, по его мнѣнію, главнымъ распорядителемъ внутри больницы. Услыхавъ эти слова, начальникъ, какъ онъ самъ доноситъ генералъ-губернатору, „вынужденъ былъ возвысить голосъ, чтобы унять дерзость“ подчиненнаго ему врача. Въ заключеніе своего рапорта начальникъ проситъ генералъ-губернатора „объ избавленіи ввѣренной

ему части отъ д-ра Гааза и о замѣнѣ его другимъ врачемъ". Кн. Голицынъ, несмотря на все свое расположеніе къ Ѳедору Петровичу, вынужденъ былъ исполнить просьбу начальника, и Гаазъ былъ переведенъ въ другую часть. Но Ѳедору Петровичу приходилось иногда расходиться по нѣкоторымъ вопросамъ и со своими коллегами-врачами. Такъ по поводу проекта предохранительныхъ мѣръ противъ холеры, выработаннаго особой Комиссіей, Гаазъ оставался при мнѣніи, которое изложилъ въ дѣловой и очень корректной формѣ. Коллеги видимо обидѣлись, написали возраженіе, въ коемъ указывали, что мнѣніе Гааза, „силящагося доказать, что Совѣтъ не исполнилъ возложенныхъ на него обязанностей, несправедливо".

Много приходилось Ѳедору Петровичу перенести непріятностей, огорченій, хлопотъ и потратить не мало времени и труда на оправданіе своихъ дѣйствій по обвиненію въ передержкахъ по строительнымъ работамъ, которыя онъ въ постоянныхъ заботахъ о благоустройствѣ учрежденій, гдѣ ему приходилось служить, такъ любилъ. Дѣло въ томъ, что его оправдательные документы не всегда удовлетворяли строгимъ требованіямъ формальной отчетности. При возникавшихъ въ этомъ отношеніи недоразумѣніяхъ по представленнымъ имъ счетамъ, Гаазъ обычно писалъ въ такомъ родѣ: „я по чести полагаю, что эти деньги мнѣ слѣдуютъ, а буде оказалась бы въ семъ счетѣ какая-либо неаккуратность, то я обѣщаюсь возвратить, если то признано будетъ нужнымъ".

Кн. Д. В. Голицынъ и кн. Щербатовъ часто журили Гааза за его вольнодумное отношеніе къ требованіямъ казенной отчетности, но, зная его строгое отношеніе къ себѣ и къ интересамъ дѣла, а также его кристаллическую честность, обычно такія дѣла заканчивали къ удовольствію Гааза. Но не то было при графѣ Закревскомъ. Старику приходилось въ эти времена, скрѣпя сердце, удерживать свою страсть къ строительству, тѣмъ болѣе, что и возвращать, „что будетъ признано нужнымъ", Гаазу уже не было никакой возможности по неимѣнію средствъ.

Какія мытарства въ этомъ отношеніи долженъ былъ выносить бѣдный старикъ, можно усмотрѣть изъ справки по переустройству ретирадъ въ полицейской больницѣ.

Въ сентябрѣ 1845 года Гаазъ началъ хлопотать о передѣлкѣ въ полицейской больницѣ ретирадъ, устройство которыхъ, какъ сказано въ представленіи Гааза, неудобно до невѣроятности: „въ нижнемъ этажѣ 24 женщины и столько же служащихъ мужчинъ и женщинъ пользуются одной маленькой комнатой".

„Три года", пишетъ Гаазъ въ 1849 году „забочусь я объ устра-

неніи сего бѣдствія". Гаазъ представлялъ свой проектъ устройства ретирадъ по образцу устроеннаго имъ въ 1843 году въ Старо-Екатерининской больницѣ и оказавшагося очень хорошимъ. Проектъ Гааза однако не встрѣтилъ сочувствія въ лицѣ члена комитета и архитектора академика Быковскаго, о которомъ Гаазъ говоритъ: „раздѣляя со всей публикой почтеніе къ талантамъ г. Быковскаго, я долженъ полагать, что онъ имѣетъ отвращеніе входить въ сужденіе со мною по такимъ предметамъ". Въ 1851 году Гаазъ вновь ходатайствуетъ „объ устраненіи бѣдствія" въ своей больницѣ, при чемъ просить ознакомиться уполномоченнымъ отъ Комитета съ устроенной имъ моделью проектированной ретирады... Изъ дѣлъ не видно, чтобы эта ретирада была переустроена при жизни Гааза, т. е. до 1853 года.

Но не одно только начальство косилось на Гааза за его страсть къ строительству и всякимъ нововведеніямъ: его товарищи-врачи не всегда одобряли его „новшества и затѣи". Такъ при капитальномъ ремонтѣ деревяннаго барака Старо-Екатерининской больницы въ 1843 году, Гаазомъ былъ устроенъ между прочимъ шкафъ для сѣрныхъ ваннъ, а также души и дождевыя ванны. Преемникъ Гааза въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ на запросъ по поводу этого пишетъ: „Всѣ сіи вещи, необходимыя для сѣрныхъ и обыкновенныхъ ваннъ, коихъ устройство г. Гаазъ находилъ нужнымъ, при замѣщеніи зданій больницы больными изъ чернорабочаго класса людей, оказались лишними". Въ своемъ объясненіи по этому поводу Гаазъ между прочимъ говоритъ: „Мнѣ кажется, чернорабочая больница не можетъ тяготиться хранить такія вещи, ибо при другомъ размѣщеніи можетъ понадобиться устройство душъ и дождевыхъ ваннъ, столь прославленныхъ нынѣ вездѣ въ Европѣ". Но болѣе всего пришлось Ѳедору Петровичу перенести душевныхъ мукъ, огорченій и даже тяжкихъ обидъ при его постоянныхъ заботахъ объ арестантахъ и ссыльныхъ. Въ книгѣ А. Ѳ. Кони приведенъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ изъ жизни Гааза, полныхъ захватывающаго душу драматизма. Я позволяю привести здѣсь нѣсколько подобныхъ же случаевъ по дѣламъ, найденныхъ мною въ Губернскомъ архивѣ.

Въ 1850 году при отправкѣ этапа на Воробьевыхъ горахъ ссылаемый на поселеніе арестантъ, прибывшій изъ Тулы и закованный тамъ по его просьбѣ въ ножные кандалы вмѣсто ручныхъ, просилъ, чтобы его перековали снова въ ручные кандалы, такъ какъ по причинѣ опуханія ногъ ему трудно было идти въ ножныхъ кандалахъ. Начальникъ конвоя былъ согласенъ удовлетворить эту законную просьбу арестанта, но находившійся при отправкѣ этапа чиновникъ

по особымъ порученіямъ при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, Протасьевъ, отказался сдѣлать соотвѣтствующее исправленіе въ статейномъ спискѣ, т. е. написать вмѣсто словъ „слѣдуетъ въ ножныхъ кандалахъ"—„слѣдуетъ въ ручныхъ кандалахъ".—Тогда Гаазъ „подойдя къ кузнецу, готовящемуся ковать арестанта, отнялъ у него кандалы, несмотря на протестъ бывшихъ тутъ чиновниковъ, ихъ не отдалъ". Но Протасьевъ былъ неумолимъ; онъ потребовалъ другіе ножные кандалы и приказалъ заковать въ нихъ арестанта на глазахъ огорченнаго и страдающаго старика Гааза. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ терпѣніе добраго Гааза иногда истощалось. Какъ доносилъ старшій совѣтникъ губернскаго правленія Митусовъ, Гаазъ „громкимъ голосомъ упрекаетъ въ присутствіи арестантовъ чиновниковъ", что „они злодѣи, тираны, варвары, мучители". „При этомъ", пишетъ Митусовъ, „въ чертахъ лицъ арестантовъ можно видѣть явное негодованіе противъ всѣхъ гг. чиновниковъ". Вполнѣ естественно, что Митусовъ въ концѣ своего рапорта заявляетъ, что „присутствіе Гааза въ главномъ этапѣ и пересыльномъ замкѣ излишне и причиняетъ вредъ и замѣшательство въ службѣ".

Жалоба Гааза генералъ-губернатору гр. Закревскому на состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ г. Коптева:

„Въ прошлое воскресенье (25 сентября 1849 г.) четырехълѣтняя сирота, слѣдуя при своей теткѣ-крестной матери, сопровождающей добровольно своего мужа въ Сибирь, отъ ней была отторгнута, и такъ сказать передъ глазами Вашего Сіятельства и Высокопреосвященнаго Митрополита, крестная мать лишена своей питомки, а малолѣтняя сирота безчеловѣчно брошена на улицѣ. Въ совѣсти своей полагаю, что причины несчастій, кои ввѣренные намъ люди отъ такихъ приключеній претерпѣваютъ, состоятъ не въ Коптевѣ, но въ насъ, членахъ здѣшняго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, не наблюдающихъ между собою истину и миръ, безъ которыхъ, какъ пророкъ Захарія говоритъ, „угоднаго не сотворится", но хотя и не предвижу, когда сіе бѣдствіе будетъ удалено, однакожъ, когда дѣло доходитъ до ужаснаго, то вмѣняю себѣ въ обязанность представлять Вашему Сіятельству, чтобы участь пересыльныхъ арестантовъ не была предоставлена единственно на произволъ г. Коптева. Дѣвочка эта со слезами хотѣла броситься къ теткѣ, но тогда смотритель взялъ ее за ручку, и тетка даже не успѣла проститься съ ребенкомъ"... Коптевъ такъ поступилъ на томъ основаніи, что малютка не значилась въ статейномъ спискѣ.

Жалоба Гааза графомъ Закревскимъ признана не заслуживающей уваженія.

Вотъ еще документъ: изъ докладной записки Гааза 1850 года: „Въ засѣданіи Комитета 30 іюня с. г. я просилъ соизволенія у Его Сіятельства изъясниться о моемъ несчастіи, что по моимъ грѣхамъ бѣдные люди должны страдать, т. е., что по существующему обо мнѣ напрасному мнѣнію, будто бы я слишкомъ снисходительно съ этими людьми поступаю, нынѣ родилась особенная на счетъ ихъ строгость. Такое мое несчастіе усугубилось, черезъ мое въ комитетъ ходатайство отъ 20-го января сего года о предоставленіи арестантамъ права быть прикованными къ ручнымъ цѣпямъ, если данные имъ изъ милости ножные кандалы окажутся для нихъ обременительными. Въ этой запискѣ я доказывалъ, что всѣ затрудненія въ семъ дѣлѣ исчезнутъ, ежели начальству инвалидной команды дастся предписаніе снимать въ такихъ случаяхъ кандалы съ тѣмъ, чтобы арестанты берегли ихъ въ своихъ мѣшкахъ, подобно тому, какъ ссыльныя женщины имѣютъ при себѣ въ своихъ мѣшкахъ ручныя цѣпи, которыя имъ выдаются, но не налагаются. Сія моя записка, черезъ губернское правленіе, дошла до начальника здѣшней внутренней стражи, отъ коего и послѣдовалъ запросъ къ начальнику инвалидной команды на Воробьевыхъ горахъ: почему эти женщины носятъ ручные кандалы въ своихъ мѣшкахъ? Съ тѣхъ поръ при отправкѣ ссылаемыхъ въ Сибирь арестантокъ обильныя слезы стали течь отъ того, что начали ковать женщинъ въ ручные кандалы, которые, какъ очевидно изъ прилагаемаго при семъ образца, ужасно обременительны (ибо, приковывая руку къ рукѣ, не допускаютъ движенія оныхъ, много облегчающаго человѣка, идущаго пѣшкомъ, и сверхъ того при ходьбѣ по труднымъ дорогамъ и по грязи лишаютъ возможности, протягиваніемъ руки вверхъ, предотвратить случающееся иногда паденіе). При этомъ на Воробьевыхъ горахъ публично объявляется, что женщины сему мученію обязаны Гаазу и обязаны тѣмъ, что Гаазъ довелъ до свѣдѣнія правительства о напрасныхъ расходахъ на женскіе ручные кандалы, которые по обыкновенію не употреблялись, исключая рѣдкихъ случаевъ. При такомъ зрѣлищѣ, когда несчастныя плачутъ и при всѣхъ объявляютъ, что Гаазъ тому причиной, члены комитета и другіе чиновники улыбаются или прямо смѣются".

Но безпредѣльно добрый Гаазъ, когда это было нужно, выступалъ смѣло и рѣшительно.

Вотъ, какъ онъ писалъ въ 1843 году московскому губернатору Сенявину:

„Въ 1839 и 1840 годахъ часто случалось, что иногда (арестанты) дорогою продавали свою одежду, какъ признавались они, изъ крайности за недостаткомъ хлѣба. Хлѣбъ былъ тогда дорогой, по 10 коп.

(ассигнаціями) фунтъ, а тогда получали кормовыхъ денегъ по 12 только копеекъ. Даже бывали случаи, что и этихъ 12 коп. за нѣсколько дней на нѣкоторыхъ станціяхъ не получали. Не сдѣлалось извѣстнымъ, чтобы Губернское Правленіе распорядилось удовлетвореніемъ сихъ людей въ необходимомъ количествѣ хлѣба; однакожъ было извѣстно, что Губернское Правленіе распорядилось, чтобы люди, признавшіеся въ продажѣ одежды для пріобрѣтенія хлѣба, были наказаны. Позвольте мнѣ, какъ члену Тюремнаго комитета, передъ Вашимъ Превосходительствомъ, какъ первенствующимъ членомъ того же комитета, по сердцу признаться, что это было безчеловѣчно. Правительство не можетъ пріобрѣсти въ нѣдрахъ своихъ миръ, силу и славу, если всѣ его дѣйствія и отношенія не будутъ основаны на христіанскомъ благочестіи. Да не напрасно гласъ пророка Малахіи оканчивается сими грозными словами: „если не найдется въ людяхъ взаимныхъ сердечныхъ расположеній, то поразится земля въ конецъ“.

Такое отношеніе къ несчастнымъ заставляло добродушнаго Гааза иногда даже говорить съ ироніей.

„Губернское Правленіе“, пишетъ онъ, „столь неустанно намъ напоминаетъ о необходимости придерживаться закона, что при незнаніи подробностей закона слѣдуетъ только взирать на дѣйствія онаго Правленія и уповать, что, подражая ему, будешь обезпеченъ отъ всякаго сомнѣнія въ ошибкѣ и будешь правымъ“.

Заботы и труды Гааза по облегченію человѣческихъ страданій и несчастія не находили иногда живого отклика даже тамъ, гдѣ этого всего менѣе можно было ожидать.

Ѳеодоръ Петровичъ хорошо зналъ, что доброе, нѣжное сердце женщины болѣе отзывчиво къ горю и страданіямъ другихъ, чѣмъ сердце мужчины, влеченія котораго нерѣдко сдерживаются холодной волей разсудка. Не даромъ онъ обратился къ женщинамъ съ горячимъ, трогательнымъ призывомъ въ своей извѣстной книжкѣ: „Appel à femmes“. Въ кругу друзей и сподвижниковъ Гааза было не мало женщинъ, горячо ему сочувствующихъ, но и здѣсь бывали исключенія.

Позволю привести примѣръ:

Членъ дамскаго попечительства о тюрьмахъ комитета Наумова въ письмѣ къ графу Закревскому по поводу женской тюрьмы и арестантской больницы между прочимъ писала: „Гаазъ добрѣйшая слабая душа: ходитъ въ собственномъ устроенномъ мірѣ и балуетъ арестантовъ до невозможности: я своими ушами слышала, какъ говорила одна арестантка: „я сюда попала въ первый разъ, да дай Богъ, вѣкъ такъ прожить“.

Конечно, намъ неизвѣстно и сотой доли тѣхъ страданій, тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыя перенесъ и претерпѣлъ этотъ мужественный и неутомимый борецъ за правду, этотъ апостолъ любви и милосердія. Но и у Гааза были отрадные моменты въ жизни, были даже счастливые дни, которые воодушевляли его, давали ему новыя силы для дѣятельности и борьбы и окрыляли его надежду на торжество правды. Вѣдь его идеалъ счастія, какъ онъ писалъ своему воспитаннику Норшину, заключался не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать счастливыми другихъ, поэтому, представляя себѣ мысленно весь пройденный имъ жизненный путь, все сдѣланное имъ для людей, нельзя не придти къ заключенію, что Ѳедоръ Петровичъ былъ гораздо болѣе счастливъ, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда многимъ и особенно его современникамъ.

Но у Ѳедора Петровича были выдающіеся дни по счастью, къ числу которыхъ относится 8-е апрѣля 1829 года и 8-е мая 1845 года.

Въ первый изъ этихъ дней московскій генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ пріѣхалъ въ Покровскія казармы по докладу Ѳедора Петровича ознакомиться съ процедурой заковыванія арестантовъ на прутъ. Убѣдившись въ справедливости доводовъ Гааза, онъ распорядился отмѣнить этотъ способъ заковыванія, а взамѣнъ его употреблять ножные кандалы. „Происшествіе 8-го апрѣля", пишетъ Гаазъ, „почитаю важнѣйшимъ и счастливѣйшимъ въ моей жизни". 8-го мая 1845 года, исключительно благодаря заботамъ Гааза, открыта больница для безпріютныхъ. По этому поводу онъ пишетъ: „когда въ 1844 году родилась нужда перевести изъ Екатерининской больницы оставшихся тамъ безпріютныхъ больныхъ и найти прибѣжище на будущее время такого рода нуждающимся больнымъ, то оказалось чрезвычайно счастливо и какъ особенное провидѣніе Божіе приготовило сей случай, что сей домъ находился у начальника города и могъ быть назначенъ на сей предметъ". Несомнѣнно и день 8-го мая 1845 года былъ тоже одинъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни Ѳедора Петровича. Наконецъ, Ѳедоръ Петровичъ былъ счастливъ тѣмъ, что онъ не зналъ страха смерти и, слѣдуя во всемъ заповѣдямъ Христа, былъ всегда готовъ къ переходу въ вѣчную жизнь. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить трогательнаго эпизода изъ его жизни въ тотъ періодъ ея, когда онъ не имѣлъ не только дома, имѣнія и лошадей, но жилъ, не замѣчая этого, среди большихъ лишеній. Въ 1850 году въ Тюремномъ комитетѣ обсуждался проектъ новыхъ штатовъ тюремныхъ больницъ, по которому окладъ главному доктору увеличивался

до 1.000 руб. въ годъ, вмѣсто 514 руб. Гаазъ приложилъ къ журналу слѣдующее мнѣніе: „На счетъ прибавленія жалованья служащимъ въ больницахъ согласенъ, но не желаю самъ пользоваться имъ. Имѣю честь изъясниться, что размышляя о томъ, что мнѣ остается только мало срока жизни, рѣшился не безпокоить комитетъ никакими представленіями сего рода“.

Въ заключеніе позволяю себѣ опубликовать нѣсколько выписокъ изъ докладныхъ записокъ Гааза, въ которыхъ такъ рельефно обрисовывается глубина его религіознаго чувства.

Быть можетъ, эти выписки прочтутъ и тѣ пастыри православной церкви, которые или по своей религіозной нетерпимости, или по инымъ причинамъ, не находятъ возможнымъ молиться объ усопшемъ рабѣ Божіемъ Ѳеодорѣ только потому, что онъ былъ католикъ.

„Во мнозѣ правдѣ—крѣпость многа, говорится въ притчахъ Соломона или, какъ въ иныхъ переводахъ изъясняется, „въ изобиліи правосудія сила чрезвычайная“. Посему можетъ показаться достаточнымъ быть справедливымъ, только придерживаясь закона. Но сего по истинѣ недостаточно и неудовлетворительно. Во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія изображена необходимость и важность присоединенія къ правосудію милосердія. Въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель сказалъ: „Блажени кротціи, ибо они наслѣдятъ землю“. Сіи слова можно понимать такъ, что черезъ кроткое, милостивое обхожденіе будемъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ людей, а привлекши сердца ихъ, владѣть всѣмъ на землѣ“.

„Правосудіемъ и милостію Государь уподобляется Богу. Сколько подданные имѣютъ нужду пользоваться сими качествами, столь же Государь желанія имѣетъ излить ихъ, подобно кормилицѣ, у коей столько же желанія питать своимъ молокомъ младенца, сколько у младенца необходимости имъ питаться. И неизвѣстно было бы, кто въ такомъ взаимномъ единеніи болѣе счастливъ, если бы самъ Спаситель не изрекъ, что счастливъ болѣе дающій, нежели пріемлющій. Слѣдовательно, случай оказать Государю милосердіе суть случай сдѣлать его счастливымъ...“

„Опытъ доказалъ и по обыкновеннымъ чувствованіямъ человѣческимъ ожидать можно, что арестанты только тогда способны къ воспріятію убѣжденій религіозныхъ и нравственныхъ, когда разсудокъ ихъ успокоенъ и сердце привлечено существеннымъ доказательствомъ чистосердечнаго участія, принимаемаго въ ихъ положеніи. Увѣреніе сіе, столь необходимое, можетъ быть только послѣдствіемъ совершенной довѣренности въ томъ, что единое чистосердечное желаніе есть желаніе добра. Одни увѣренія и обѣщанія для арестантовъ недостаточны. Они по своему образу мыслей,

впрочемъ естественному, соображаютъ слова съ дѣйствіями и только тогда передаютъ сердце свое, когда бываютъ убѣждены поступками совершенной къ нимъ справедливости и правосудія. Совершенная же справедливость такъ рѣдка, что она требуетъ столько же заботливости, какъ и искренняго желанія быть справедливымъ. Такая увѣренность должна поселяться между арестантами непримѣтнымъ образомъ, какъ бы отъ стѣнъ темничныхъ отражалась оная".

„Занимаясь съ раскольниками въ разсужденіи различныхъ мнѣній ихъ о догматахъ вѣры, нельзя не скорбѣть душевно о несчастіи, въ коемъ сіи бѣдные люди находятся по чрезвычайному невѣжеству и совершенному упорству своему. Быть можетъ величайшее назначеніе комитета есть то, чтобы служить для церкви мрежею, въ коей станутъ останавливаться заблудшія и погибающія дѣти, дружелюбнымъ обращеніемъ и поученіемъ водворить въ нихъ чувство взаимной любви и истинной вѣры. Они суть заблудшія дѣти изъ дома Израилева, возвращеніе коихъ на лоно матери-церкви причинитъ неизъяснимую радость".

Ѳ. П. Гаазъ скончался въ 1853 году. Двадцатитысячная толпа народа шла за его гробомъ, съ искренними и горячими слезами провожая его прахъ на кладбище. Друзья Ѳедора Петровича поставили на его могилѣ скромный памятникъ. Съ годами могила была заброшена и память о „святомъ докторѣ" стала забываться. Но въ 1891 году памятникъ и ограда были исправлены заботами Московскаго тюремнаго комитета. Съ уходомъ въ вѣчность живыхъ свидѣтелей жизни и дѣятельности Гааза, память о немъ продолжала все болѣе и болѣе утрачиваться и лучезарный образъ его личности постепенно заволакивался пеленой забвенія. Забытаго Гааза воскресилъ въ памяти народной А. Ѳ. Кони въ своемъ талантливомъ біографическомъ очеркѣ; онъ создалъ ему памятникъ нерукотворный, чудный по величію и художественной красотѣ. Отнынѣ имя Гааза и его нравственный обликъ не умрутъ... Но кромѣ біографіи А. Ѳ. Кони для укрѣпленія и прославленія памяти о Ѳ. П. Гаазѣ сдѣлано и еще кое-что. Еще до выхода въ свѣтъ труда А. Ѳ. Кони, главнымъ докторомъ Александровской больницы покойнымъ Л. С. Шайкевичемъ въ 1885 году былъ собранъ капиталъ на обезпеченіе содержанія въ больницѣ благотворительной кровати имени доктора Ѳ. П. Гааза. Въ этой больницѣ хранится представляющій собою нынѣ большую рѣдкость гравированный портретъ Гааза, а также принадлежавшее ему кресло; кромѣ того имѣется бюстъ Ѳедора Петровича, полученный больницею отъ

А. Ѳ. Кони, къ которому онъ перешелъ по завѣщательному распоряженію А. К. Жизневскаго, бывшаго съ Гаазомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ 1904 года гласные Московской городской думы Н. И. Гучковъ и С. В. Пучковъ подали въ думу заявленіе, въ которомъ между прочимъ было сказано: „чувства благоговѣнія и уваженія къ личности Ѳедора Петровича Гааза, отдавшаго всѣ лучшіе годы своей жизни и своей дѣятельности Москвѣ, налагаютъ, какъ намъ кажется, на городское управленіе священный долгъ взять на себя заботу по охраненію его могилы въ томъ видѣ, какъ это приличествуетъ его святой и самоотверженной жизни". Городская дума по поводу этого заявленія постановила: 1) просить гласныхъ, подававшихъ заявленіе, взять на себя ближайшія заботы по благоустройству могилы Ѳ. П. Гаазу; 2) поручить городской управѣ разработать планъ и смѣту на постройку и содержаніе пріюта имени д-ра Гааза для престарѣлыхъ и хрониковъ на 25 кроватей; 3) возбудить ходатайство объ открытіи подписки на сооруженіе въ г. Москвѣ памятника Ѳ. П. Гаазу. Порученіе, данное думою гласнымъ Н. И. Гучкову и С. В. Пучкову, ими было исполнено въ слѣдующемъ 1905 году.

Памятникъ на могилѣ былъ подновленъ; подъ него подведена новая гранитная плита, на которой золотыми буквами изображенъ безсмертный афоризмъ Гааза: „спѣшите дѣлать добро". Взамѣнъ старой довольно плохой ограды поставлена новая прекрасной работы съ бронзовымъ барельефомъ покойнаго и съ бронзовыми изображеніями пылающихъ факеловъ по угламъ. На передней и двухъ боковыхъ сторонахъ ограды повѣшены разорванные кандалы временъ Гааза. На все это было израсходовано около 2.000 рублей. Комитетъ по благоустройству кладбища иновѣрческихъ исповѣданій изъ уваженія къ памяти покойнаго взялъ на себя безвозмездно заботу по охранѣ могилы.

Два другія постановленія думы не исполнены благодаря ряду неблагопріятныхъ обстоятельствъ—войнѣ, послѣдовавшей за ней политической смутѣ и финансовымъ затрудненіямъ города; хотя подписка на сооруженіе памятника и была разрѣшена, но всего на это дѣло поступило пожертвованій на ничтожную сумму (36 руб. 40 коп.).

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ я въ концѣ 1908 года рѣшился взять на себя починъ постановки памятника Ѳ. П. Гаазу въ Александровской больницѣ, а весной 1909 года объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что памятникъ будетъ поставленъ осенью того же года. Я позволилъ себѣ сдѣлать такой шагъ, благодаря горячему сочувствію и поддержкѣ въ этомъ дѣлѣ московскаго городского головы

Н. И. Гучкова, художниковъ И. С. Остроухова и Н. А. Андреева и попечителя Александровской больницы барона А. Л. Кнопъ, который заявилъ мнѣ о своей готовности пожертвовать на это дѣло 1.000 рублей. Я встрѣтилъ всюду такой живой откликъ на мой призывъ, что собралъ на памятникъ пожертвованій болѣе 5.200 руб.; между тѣмъ за отливку бюста и гранитный пьедесталъ я уплатилъ только 3.200 руб. Оставшаяся сумма распредѣлена такимъ образомъ: 1.000 внесены въ кассу Александровской больницы на устройство вокругъ сквера, гдѣ поставленъ памятникъ, металлической рѣшетки по эскизу художника Андреева и на разбивку цвѣтника. Кромѣ того 1.000 руб. внесены на усиленіе фонда имени Ѳ. П. Гааза въ Ольгинское благотворительное общество при больницѣ. Этотъ фондъ получилъ свое начало еще въ 1899 году и ко дню открытія памятника достигъ 19.000 руб., такъ какъ на общемъ собраніи членовъ общества 21 августа 1909 года между прочимъ было постановлено: въ ознаменованіе открытія памятника Гаазу отчислить 9.000 руб. на усиленіе благотворительнаго капитала имени покойнаго и возбудить ходатайство объ измѣненіи названія общества, наименовавъ его „Ольгинское благотворительное общество въ память доктора Ѳ. П. Гааза при Александровской больницѣ". Ходатайство это нынѣ удовлетворено.

Въ заключеніе позволю себѣ описать, по возможности кратко, торжество открытія памятника, состоявшееся 1-го октября 1909 года.

Въ этотъ день въ 10 ч. утра у могилы Гааза на Введенскихъ горахъ была отслужена по обрядамъ римско-католической церкви панихида. Могила и памятникъ были богато убраны декоративными растеніями и цвѣтами; панихиду служилъ деканъ польской церкви во имя Св. Апп. Петра и Павла А. М. Василевскій въ присутствіи: московскаго городского головы Н. И. Гучкова, главнаго доктора Александровской больницы С. В. Пучкова, предсѣдателя и членовъ комитета по благоустройству кладбища и почитателей памяти покойнаго.

Торжество открытія памятника въ Александровской больницѣ было назначено въ 2 часа. Къ этому времени Мал. Казенный пер., по которому расположены владѣнія больницы, наполнился экипажами и массами народа. Дворъ больницы и ея зданія были красиво убраны національными флагами. По рединѣ двора въ небольшомъ скверѣ возвышался памятникъ, покрытый парусиннымъ покрываломъ. У входа въ скверъ была построена арка, убранная матеріями національныхъ цвѣтовъ и зеленью, на фронтонѣ ея виднѣлась крупная надпись изъ зелени: „Спѣшите дѣлать добро", а надъ надписью былъ укрѣпленъ лавровый вѣнокъ; вокругъ сквера развѣвались національ-

ные флаги. Дворъ больницы къ двумъ часамъ былъ занятъ приглашенными лицами: представителями администраціи и различныхъ учрежденій, благотворительныхъ и ученыхъ обществъ, а также служебнымъ персоналомъ больницы и больными. Присутствовали: московскій губернаторъ В. Ф. Джунковскій, московскій градоначальникъ А. А. Адріановъ, губернскій предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, городской голова Н. И. Гучковъ, члены городской управы, гласные думы, представители главнаго тюремнаго управленія, мѣстнаго тюремнаго комитета, главные врачи городскихъ больницъ, земскіе врачи, тюремные врачи, представители судебныхъ установленій, врачебнаго управленія и проч. Вокругъ сквера на трехъ эстрадахъ расположились три хора пѣвчихъ: воспитанниковъ городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта,—арестантовъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки и такія же шапки, и дѣтскаго хора воспитанницъ пріюта при городской Общинѣ сестеръ милосердія, учрежденной кн. Шаховской; въ глубинѣ двора расположился оркестръ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта.

Въ началѣ 3-го часа началась торжественная панихида. Служило православное духовенство во главѣ съ протоіереемъ Александровскаго военнаго училища Н. П. Добронравовымъ, въ сослуженіи священниковъ Московской пересыльной тюрьмы Георгіева, Александровской больницы—Виноградова, протодіакона Успенскаго собора Розова и діакона больничной церкви Смирнова. Наступила торжественная минута—мощный голосъ провозгласилъ: „рабу Божіему Ѳедору вѣчная память...“. Голоса дѣтскаго хора сливаются въ чудной трогательной гармоніи съ голосами людей въ сѣрыхъ курткахъ. Присутствующіе опускаются на колѣна... у многихъ на глазахъ слезы. Въ этотъ самый моментъ показывается солнце, завѣса съ памятника падаетъ, и среди толпы людей, полныхъ глубокаго чувства умиленія, предстаетъ отлитый въ бронзѣ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ со своими добрыми и умными чертами лица...

Духовенство окропило памятникъ, послѣ чего въ стройномъ порядкѣ, благодаря участію студентовъ распорядителей, подъ звуки „Коль славенъ“ оркестра Рукавишниковскаго пріюта началось шествіе депутацій къ памятнику и возложеніе къ его подножію вѣнковъ.

1. Первый вѣнокъ—крестъ изъ живыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ безъ всякихъ лентъ и надписей отъ Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны былъ возложенъ управляющимъ дворомъ Ея Высочества камергеромъ А. Л. Корниловымъ.

Затѣмъ были возложены вѣнки со слѣдующими надписями:

2. Незабвенному Ѳ. П. Гаазу отъ главнаго тюремнаго управленія.

3. Вѣчной памяти доктора Ѳ. П. Гааза, основателя больницы для безпріютныхъ въ Москвѣ. Отъ Управленія Московскаго генералъ-губернатора.

4. Вѣчной памяти доктора Ѳ. П. Гааза отъ почетнаго попечителя Александровской больницы въ Москвѣ.

5. Незабвенному гуманисту Ѳ. П. Гаазу отъ Московскаго окружнаго суда и состоящихъ при немъ судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора.

6. Ѳ. П. Гаазу отъ Московскаго городского общественнаго управленія.

7. Другу человѣчества Ѳ. П. Гаазу отъ мировыхъ судей г. Москвы.

8. Бывшему штадъ-физику Московской медицинской конторы Ѳ. П. Гаазу отъ Московскаго врачебнаго управленія.

9. Другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета.

10. Учителю милосердія Ѳ. П. Гаазу. Отъ городскихъ участковыхъ Попечительствъ о бѣдныхъ.

11. Устроителю больницы и члену совѣта ея перваго состава. Отъ Московской глазной больницы незабвенному Ѳ. П. Гаазу.

12. Ѳ. П. Гаазу. Великому филантропу—врачу. Отъ врачей Московской Павловской больницы въ память служенія его въ этой больницѣ въ 1807—1812 гг.

13. Врачу-человѣку, другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Врачебно-санитарныя учрежденія г. Москвы.

14. Вѣчной памяти доктора Ѳ. П. Гааза. Московское управленіе Краснаго Креста.

15. Ѳ. П. Гаазу. Московскіе тюремные врачи.

16. Свѣтлой памяти великаго человѣколюбца-врача, основателя и гуманнѣйшаго руководителя бывшей Гаазовской больницы. Отъ ординаторовъ Александровской больницы.

17. Незабвенному врачу-гуманисту. Отъ городской Яузской больницы.

18. Свѣтлой памяти врача-гуманиста Ѳ. П. Гааза. Московскій военный госпиталь.

19. Великому гуманисту врачу Ѳ. П. Гаазу. Отъ комиссіи амбулаторныхъ врачей при Московской городской управѣ.

20. Незабвенной памяти врача-гуманиста Ѳ. П. Гааза. Голицынская больница.

21. Ѳ. П. Гаазу. Отъ врачей Маріинской больницы для бѣдныхъ.

22. Великому гуманисту Ѳ. П. Гаазу. Александровская больница Московскаго купеческаго общества.

23. Дорогому учителю милосердія. Отъ Общины сестеръ милосердія „Утоли моя печали“ имени кн. Н. Б. Шаховской.

24. Незабвенному Ѳ. П. Гаазу. Руковишниковскій пріютъ.

25. Свѣтлому врачу-человѣку Ѳ. П. Гаазу. Отъ Иверской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста.

26. Отцу и покровителю сиротъ. Отъ дѣтскаго пріюта Общины „Утоли моя печали“ имени кн. Шаховской.

27. Незабвенному другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ.

28. Основателю больницы для безпріютныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Ольгинскаго благотворительнаго общества.

29. Учителю жизни Гаазу. Отъ редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

30. Отъ семьи Самариныхъ. Въ память совмѣстной работы Ѳедора Васильевича Самарина съ Ѳ. П. Гаазомъ.

31. Великому гуманисту Ѳ. П. Гаазу. Общество дѣятелей періодической печати и литературы.

32. Памяти высокогуманнаго человѣка Ѳ. П. Гааза. Отъ Н. А. Беръ.

33. Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго литературно-художественнаго кружка.

34. Нашему доктору Ѳ. П. Гаазу. Отъ заключенныхъ въ Московской губернской тюрьмѣ.

По окончаніи церемоніи возложенія вѣнковъ, приглашенные направились въ актовый залъ больницы на торжественное собраніе, посвященное памяти Ѳ. П. Гааза. Въ это время къ памятнику устремились нетерпѣливо ожидавшія толпы народа. Актовый залъ былъ убранъ декоративными растеніями и цвѣтами; потолокъ и стѣны задрапированы матеріей. За средней частью эстрады портреты Государя и Государыни въ цвѣтахъ; на одной изъ боковыхъ сторонъ эстрады бюстъ Гааза весь въ зелени тропическихъ растеній.

За столомъ на эстрадѣ размѣстились: Почетный попечитель больницы В. Ф. Джунковскій, главный докторъ больницы С. В. Пучковъ, градоначальникъ А.А.Адріановъ, представитель Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны А. П. Корниловъ, городской голова Н. И. Гучковъ, протоіерей Н. П. Добронравовъ, деканъ А. М. Василевскій.

Первое слово было предоставлено протоіерею Н. П. Добронравову. Въ живой прочувствованной рѣчи ораторъ освѣтилъ личность Гааза, какъ человѣка, который въ продолженіе всей своей многолѣтней жизни неизмѣнно руководился идеалами христіанской правды въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Будучи католикомъ, онъ всегда былъ врагомъ религіозной нетерпимости—его глубоко возму-

щали преслѣдованія за религіозныя убѣжденія. „Его образъ“, сказалъ въ заключеніе ораторъ, „сіяющій нравственной мощью, убѣждаетъ насъ, что и въ наше время жестокости и неправды можно жить и дѣйствовать согласно высокимъ идеаламъ христіанскаго ученія“.

Ксендзъ-деканъ А. М. Василевскій въ своей рѣчи отмѣтилъ, что приходъ римско-католической церкви Св. Ап. Петра и Павла, гдѣ онъ нынѣ состоитъ настоятелемъ, въ свое время оцѣнилъ высокія религіозныя чувства Гааза, избравъ его однимъ изъ синдиковъ (членовъ Совѣта). Знаменательно то, что это время совпало съ основаніемъ при церкви богадѣльни для престарѣлыхъ женщинъ—можно догадываться, что это доброе дѣло устроено было по иниціативѣ Гааза. Въ ознаменованіе открытія памятника въ средѣ прихожанъ возникла мысль устроить библіотеку имени Гааза при основанной въ настоящемъ году въ Московской центральной тюрьмѣ римско-католической часовнѣ. Цѣль этой библіотеки—дать заключеннымъ католикамъ возможность на ихъ родномъ языкѣ укрѣплять въ себѣ тѣ религіозныя и нравственныя основы, которыя могли бы облегчить ихъ тяжелую участь и поднять ихъ на высоту тѣхъ идеаловъ, которымъ такъ самоотверженно служилъ докторъ Гаазъ.

Послѣ рѣчей духовныхъ лицъ по предложенію предсѣдателя собраніе почтило память Ѳ. П. Гааза вставаніемъ. Затѣмъ главнымъ докторомъ Александровской больницы С. В. Пучковымъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ охарактеризовалъ Гааза, какъ общественнаго дѣятеля. Городской голова Н. И. Гучковъ сдѣлалъ собранію слѣдующее заявленіе: „Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна приказала мнѣ передать ея привѣтъ собранію. Ея Высочество выражаетъ свое горячее сочувствіе сегодняшнему торжеству и глубокое сожалѣніе, что она лишена возможности присутствовать на немъ лично. Отъ себя считаю долгомъ отмѣтить, что привѣтъ нашей Московской Великой Княгини представляется высоко и исключительно цѣннымъ. Наша Великая Княгиня являетъ собой яркій лучезарный свѣточъ той христіанской любви, которой былъ преисполненъ незабвенный Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Она представляетъ изъ себя ту чудную, чистую сокровищницу, которая нетлѣнно хранитъ въ себѣ начала правды, служителемъ которыхъ былъ Гаазъ. Да будетъ же сегодняшній привѣтъ Великой Княгини для насъ новымъ стимуломъ для объединенія во имя великихъ идеаловъ любви, добра и правды“.

Послѣ этого главнымъ докторомъ больницы С. В. Пучковымъ прочитано было полученное имъ письмо А. Ѳ. Кони слѣдующаго содержанія:

*

Милостивый государь
Сергѣй Васильевичъ!

„Къ великому моему сожалѣнію состояніе моего здоровья лишаетъ меня возможности присутствовать, согласно вашему любезному приглашенію, на торжествѣ открытія памятника Ѳедору Петровичу Гаазу, но всей душой присоединяюсь я къ тѣмъ, кто соберется воздать заслуженную дань тому, кого недаромъ, въ свое время, называли „святымъ докторомъ". Вполнѣ раздѣляя тѣ чувства, которыя приведутъ васъ къ подножію сооруженнаго вашими стараніями памятника, я питаю къ Ѳедору Петровичу еще и личную безконечную благодарность за тѣ минуты душевнаго умиленія, которыя я испытывалъ, описывая, по мѣрѣ силъ и умѣнья, его чистую, какъ кристаллъ, жизнь и его возвышенную дѣятельность, нерѣдко вынужденный оставлять перо подъ вліяніемъ радостнаго волненія при мысли, что такой человѣкъ, въ лучшемъ и глубочайшемъ смыслѣ слова, жилъ и дѣйствовалъ среди насъ...

И на отдѣльныхъ людей и на цѣлое общество въ ихъ лучшихъ порывахъ дѣйствуютъ гораздо болѣе живые примѣры, чѣмъ теоретическіе идеалы. Люди, давно ушедшіе изъ жизни, продолжаютъ своимъ примѣромъ дѣйствовать, какъ живые: сначала о нихъ повѣствуютъ очевидцы, потомъ живетъ о нихъ преданіе, затѣмъ наступаетъ для нихъ исторія и, къ сожалѣнію, не такъ часто и не такъ скоро ихъ образъ, говорящій сердцу и уму, запечатлѣвается для будущаго въ мраморѣ или бронзѣ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ общественнаго правосудія нельзя не видѣть торжества высокихъ и безкорыстныхъ началъ человѣческаго духа.

При такомъ торжествѣ будутъ всѣ приглашенные присутствовать въ день открытія памятника Ѳ. П. Гаазу. Этотъ памятникъ поставленъ не только активному человѣколюбцу, не только врачу душъ и тѣлесъ, но и, главнымъ образомъ, служителю долга въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, не по обязанности, а по внутреннему велѣнію своей совѣсти, служителю безтрепетному и вѣрующему въ правоту своего дѣла. Онъ поставленъ тому, кто представлялъ собою живое отрицаніе тѣхъ растлѣвающихъ волю сомнѣній, которыя такъ часто обезображиваютъ нашу жизнь, сводя все къ матеріальнымъ условіямъ злобы дня. „Нельзя слѣдовать во всемъ ученію Христа", говорятъ намъ: „оно непримѣнимо къ практической жизни: имъ можно полюбоваться, какъ идеаломъ, но руководиться имъ можетъ только смѣшной чудакъ, не желающій считаться съ дѣйствительностью". Такимъ, по мнѣнію современниковъ, „смѣшнымъ чудакомъ"

былъ тотъ Ѳедоръ Петровичъ, память котораго нынѣ чествуется. Онъ понималъ, что христіанскій идеалъ не есть нѣчто, чѣмъ можно любоваться лишь издали. Для него этотъ идеалъ былъ маякомъ, освѣщающимъ жизненный путь. Посвятивъ себя всецѣло добру и милосердію, Ѳедоръ Петровичъ показалъ, *какъ* слѣдуетъ идти по этому пути. Онъ глубоко понялъ слова Христа „аще не умретъ—не оживетъ“, и доказалъ своею непрерывной и неустанной дѣятельностью, что, отказавшись отъ личнаго счастья, спокойствія и удобствъ въ пользу счастья другихъ и многихъ и умеревъ для личной жизни, человѣкъ съ чистой душой оживаетъ для иной, тоже земной, но болѣе широкой жизни, и въ ней находитъ себѣ удовлетвореніе и исходъ своимъ силамъ. Какъ часто, видя людскія немощи, несчастія и страданія, смотрятъ назадъ, близоруко ищутъ причину и, отыскавъ, на этомъ успокаиваются. Но Гаазъ смотрѣлъ и впередъ. Его интересовали не однѣ причины несчастья, а послѣдствія, и съ ними онъ боролся всѣми силами души и своей энергіи, умѣя утѣшать озлобленныхъ и обездоленныхъ и вызывать въ ихъ сердцѣ примиреніе съ Богомъ и покорность Его волѣ. Ему приходилось дѣйствовать въ очень тяжелыя времена, при господствѣ насилія и неуваженія къ человѣческому достоинству, среди непониманія и оскорбленій. „Ему слѣдовало,—скажутъ, быть можетъ,—отвернуться съ негодованіемъ отъ этихъ условій, избѣгать соприкосновенія съ ними и отрясти прахъ ногъ своихъ отъ этой чуждой ему среды, памятуя, что „блаженъ мужъ, иже не иде...“ Но это значило бы жить для себя въ сознательномъ невѣдѣніи и своекорыстномъ спокойствіи, „слушая и не слыша, слыша и не слушая“. Ѳедоръ Петровичъ зналъ, что есть другой совѣтъ, въ которомъ говорится „не участвуйте въ дѣлахъ тьмы, но и обличайте“, и вся его жизнь была однимъ непреклоннымъ и осязательнымъ обличеніемъ. „Что можетъ сдѣлать одинъ противъ среды?“ говорятъ практическіе мудрецы, ссылаясь на поговорку „одинъ въ полѣ не воинъ“. „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ имъ всей своей личностью Гаазъ: „и одинъ въ полѣ воинъ!“ Вокругъ него, въ память его, соберутся другіе, и если онъ воевалъ за правду, то сбудутся слова апостола: „все минется, одна правда останется“. И развѣ то мѣсто, гдѣ воздвигнутъ памятникъ, гдѣ жилъ и страдалъ „святой докторъ“, гдѣ онъ сѣялъ въ потѣ лица сѣмена своей любви къ людямъ, не свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ не одинъ, что на призывъ его личности и памяти о немъ пришли другіе и продолжили, укрѣпили и расширили его дѣло? Да!.. все минется!.. Миновался и Закревскій, собиравшійся выслать изъ Москвы Гааза, миновался и Капцевичъ, рекомендовавшій сократить „утрированнаго филантропа“; почилъ знаменитый московскій іерархъ

митрополитъ Филаретъ, не разъ споривщій съ Гаазомъ въ тюремномъ комитетѣ, но признавшій для себя нравственно обязательнымъ разрѣшить православному духовенству служить молебенъ о выздоровленіи Ѳедора Петровича и самъ посѣтившій его предъ его кончиной для того, чтобы проститься по-братски; сошли въ могилу и далекіе каторжники, молившіеся у сооруженной ими въ память Гааза иконы Ѳедора Тирона, а онъ... онъ остался. И отнынѣ онъ останется не только запечатлѣнный въ сердцахъ всѣхъ, кто узнаетъ, кто услышитъ о томъ, кто такой онъ былъ,—но и какъ отлитый въ бронзѣ молчаливый укоръ малодушнымъ, утѣшеніе алчущимъ и жаждущимъ правды и примѣръ дѣятельной любви къ людямъ.

Примите и пр.

Анатолій Кони.

По прочтеніи этого письма по адресу его автора послѣдовали единодушные и продолжительные аплодисменты всего собранія, по желанію котораго А. Ѳ. Кони была послана привѣтственная телеграмма.

Дальнѣйшія привѣтствія слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

Отъ Московскаго мужского тюремнаго комитета (товарищъ предсѣдателя).

„ Московскаго городского общественнаго управленія (городской голова).

„ Московскаго окружнаго суда (предсѣдатель суда).

„ медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета (деканъ).

„ Московскаго врачебнаго управленія (начальникъ Управленія).

„ Московскаго управленія Краснаго Креста.

„ Иверской общины сестеръ милосердія.

„ комитета „Христіанская помощь“, Краснаго Креста.

„ особаго присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ.

„ врачебнаго совѣта при Московской городской управѣ.

„ комиссіи Московскихъ городскихъ санитарныхъ врачей.

„ „ „ „ амбулаторныхъ „

„ санитарнаго совѣта при Московской уѣздной земской управѣ.

Далѣе отъ Московскихъ больницъ: Тюремной, Императорской, Екатерининской, Софійской дѣтской, Павловской, Александровской, Купеческаго общества; отъ городскихъ больницъ: Бр. Бахрушиныхъ, Глазной им. Алексѣевыхъ, дѣтской им. Морозова, Преображенской,

Басманной, Мясницкой, Сокольнической, Старо-Екатерининской, отъ больницъ им. Медвѣдниковыхъ и Кн. Щербатова.

Бурю аплодисментовъ вызвала сказанная съ большимъ воодушевленіемъ и чувствомъ рѣчь воспитанника городского Рукавишниковскаго пріюта, Галкина. Приводимъ эту рѣчь полностью:

„Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ на сегодняшнемъ торжествѣ. Если Вы собрались сюда, чтобы почтить память Ѳ. П. Гааза, то какъ же можемъ молчать мы—одни изъ обездоленныхъ, другомъ которыхъ онъ былъ. Наши воспитатели познакомили насъ съ жизнью многихъ великихъ людей, но ничто насъ такъ не тронуло, какъ чтеніе о добромъ докторѣ Гаазѣ. Мы не могли безъ слезъ слушать, когда намъ читали, какъ онъ заботился о насъ, былъ за насъ постояннымъ ходатаемъ,—и встань сейчасъ изъ гроба Ѳедоръ Петровичъ, какой бы радостью согрѣлось его сердце при видѣ такого пріюта, какъ Рукавишниковскій, гдѣ заботятся о насъ, чтобы сдѣлать изъ насъ честныхъ, порядочныхъ людей. Память о докторѣ Гаазѣ должна быть особенно близка и дорога нашему сердцу. Я говорю отъ имени воспитанниковъ пріюта и по ихъ просьбѣ. Рѣчь я подготовилъ заранѣе и прошу не взыскать за это; говорить публично мы не привыкли, а учимся читать, писать, разному ремеслу; какъ ни слаба моя рѣчь, но велика наша благодарность Ѳ. П. Гаазу, котораго мы такъ горячо любимъ. Слава и вѣчная память Ѳеодору Петровичу Гаазу!".

Затѣмъ были оглашены привѣтствія, полученныя по телеграфу: отъ попечителя Александровской больницы барона А. Л. Кнопъ, отъ управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Кисловодскѣ, отъ вспомогательнаго общества „Санаторіи" на Эссентукской группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ, отъ русскаго бальнеологическаго Общества въ Пятигорскѣ, отъ медицинскаго общества въ Желѣзноводскѣ, отъ художника И. С. Остроухова, отъ статсъ-секретаря барона А. А. Будберга изъ С.-Петербурга.

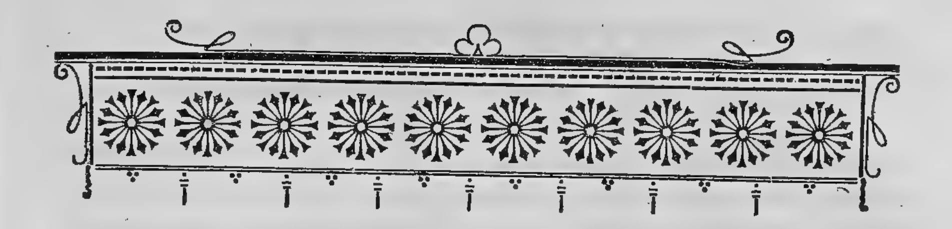
Послѣ произнесенія привѣтствій С. В. Пучковымъ былъ представленъ отчетъ по сооруженію памятника. По предложенію предсѣдателя собраніе выразило С. В. Пучкову благодарность за понесенные имъ труды по этому дѣлу.

Во время засѣданія у памятника игралъ оркестръ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта; съ наступленіемъ сумерокъ скверъ, гдѣ поставленъ памятникъ, и дворъ больницы были иллюминованы. Публика безпрерывной вереницей до поздняго вечера толпилась вокругъ открытаго памятника. Въ теченіе всего октября мѣсяца масса народу перебывала у памятника. Много приходило и приходитъ по настоящее время воспитанниковъ и воспитанницъ город-

скихъ школъ и другихъ учебныхъ заведенiй со своими наставниками. Очень часто, осмотрѣвъ памятникъ и выслушавъ своихъ учителей, дѣти тутъ же вокругъ памятника устраиваютъ игры... Слышатся звонкiе голоса и веселые крики... веселятся дѣти, а дѣдушка Гаазъ любовно смотритъ на нихъ съ высоты гранитнаго пьедестала своимъ умнымъ, добрымъ и привѣтливымъ взоромъ.

С. Пучковъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXV [1]).

Войдя въ первую комнату, я увидѣла въ центрѣ ея фонтанъ, окруженный цвѣтами. Вдоль стѣнъ разставлены были низкія оттоманки, заваленныя массой шелковыхъ и бархатныхъ подушекъ.

Прежде всего, что пріятно поразило меня здѣсь, это ароматный и свѣжій воздухъ въ противоположность нашимъ предбанникамъ, всегда душнымъ и насыщеннымъ парами.

Здѣсь освобождаются отъ одеждъ, отдыхаютъ послѣ мытья, бесѣдуютъ и развлекаются разными незатѣйливыми удовольствіями.

Помѣщеніе это единственное общественное мѣсто, гдѣ турецкая женщина находитъ для себя то же, что европейская дама въ собраніяхъ и театрахъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ отъ приспущенныхъ шторъ, и когда я осмотрѣлась, то замѣтила, что на всѣхъ диванахъ и даже прямо на коврахъ сидѣло и лежало около 40, а можетъ быть и больше, женщинъ въ пестрыхъ и нарядныхъ платьяхъ. Однѣ изъ нихъ, полулежа, курили наргиле, другія жевали что-то съ наслажденіемъ. На колѣняхъ передъ иными ползали невольницы и наливали изъ серебряныхъ кувшиновъ душистое питье. Всѣ турчанки съ жаднымъ любопытствомъ принялись оглядывать мою фигуру съ ногъ до головы.

— Селямъ алейкюмъ! — привѣтствовала я ихъ первая, какъ и полагалось.

— Алейкюмъ селямъ!—отвѣтили хоромъ онѣ и, покинувъ мѣста свои, окружили меня тѣснымъ кольцомъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1910 г.

Ашима стала что-то объяснять имъ по-турецки.

Я уже говорила, что благодаря точному предсказанію луннаго затменія, мнѣ было дано въ гаремѣ Кіамиль-паши лестное прозвище „праведной франки", о чемъ, вѣроятно, и сообщила почтенному собранію сама губернаторша.

Выслушавъ ее, турецкія дамы немедленно приблизились ко мнѣ и занялись тщательнымъ изслѣдованіемъ ладоней моихъ, какъ бы отыскивая въ линіяхъ ихъ разгадку чего-то таинственнаго и непостижимаго. Въ то же время, сильно жестикулируя, онѣ, судя по интонаціи, о чемъ-то убѣдительно просили меня. Элиме тотчасъ же перевела просьбу подругъ разсказать имъ, о чемъ бесѣдовалъ со мной Аллахъ черезъ посредство архангела Гавріила?

Исполнить подобный абсурдъ было не по силамъ моимъ, и я попробовала увернуться:

— Элиме,—проговорила я томно, закрывая глаза и опускаясь на подушки дивана,—у меня сильно кружится голова отъ запаха розъ—прикажите открыть окна...

Но такой маневръ оказался не совсѣмъ удачнымъ: надо было видѣть испугъ этихъ невообразимо глупыхъ созданій, когда я растянулась на оттоманкѣ и притворилась, что мнѣ дурно! Всѣ онѣ съ крикомъ попятились назадъ, повторяя на всѣ лады слово „кöпекъ", что значитъ „собака". Тогда я сдѣлала видъ, что очнулась отъ обморока и спросила о причинѣ переполоха?

— Онѣ думаютъ, что васъ укусила бѣшеная собака,—съ хохотомъ отвѣтила болѣе цивилизованная дочь губернатора,—и боятся заразы; но не смущайтесь, я ихъ сейчасъ же успокою.

Узнавъ, что припадокъ мой не опасенъ, испуганныя турчанки вернулись на свои мѣста и предались оживленной между собой бесѣдѣ.

Такъ и остался неразрѣшеннымъ вопросъ: почему, если человѣку дѣлается дурно, то надо думать, что его укусила собака?

Вдругъ на середину комнаты вбѣжали четыре дѣвушки въ широкихъ шальварахъ и короткихъ, расшитыхъ золотомъ, кофточкахъ. Это и были баядерки, выписанныя Кіамиль-пашой изъ Дамаска по порученію великаго визиря Махмудъ-Недима, а пока гастролирующія въ его гаремѣ.

Онѣ подняли надъ головами тамбурины и замерли въ граціозныхъ позахъ.

По знаку губернаторши танцовщицы стремительно закружились, ударяя въ бубны.

Но что это была за пляска! Невозможно передать словами все очарованіе ея!... Кто видѣлъ этихъ гибкихъ, какъ пантера, пламен-

ныхъ, какъ огонь и стремительныхъ, какъ ураганъ баядерокъ, тому грація нашихъ прославленныхъ балеринъ должна казаться дѣланной и вымученной.

Вся прелесть танца ихъ заключается не въ акробатическихъ пріемахъ и стальныхъноскахъ европейскихъ корифеекъ—нѣтъ! здѣсь танцуютъ не ноги, а дрожитъ и трепещетъ каждый мускулъ, каждый нервъ огненнаго темперамента, какъ бы изнемогающаго подъ наплывомъ бурной страсти и жаркой любви.

Таково въ сущности было бы впечатлѣніе нашего балетомана, если бы ему удалось проникнуть въ тайники богатыхъ гаремовъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось лично слышать отъ нѣкоторыхъ знатныхъ турокъ, бывающихъ на западѣ, не совсѣмъ лестное мнѣніе о нашихъ жрицахъ Терпсихоры. И немудрено, разъ они имѣютъ возможность обзаводиться своими собственными гуріями, которыхъ, кстати сказать, правовѣрные весьма тщательно скрываютъ отъ взоровъ жаднаго иностранца.

Накружившись вдоволь, баядерки растянулись на коврѣ возлѣ фонтана и, тяжело дыша, прежде всего попросили закурить папиросы.

Но вотъ на сцену выступила, судя по головному убору, египтянка и монотоннымъ речитативомъ, аккомпанируя себѣ на какомъ-то инструментѣ, въ родѣ нашихъ цимбалъ, начала по программѣ дня серію арабскихъ сказокъ.

Въ то же время одна изъ служанокъ подошла ко мнѣ и помогла раздѣться, а затѣмъ привязала къ ногамъ моимъ деревянные башмаки съ такими высокими каблуками, что я почувствовала себя какъ бы на ходуляхъ, и повела въ жаркую половину бани.

Здѣсь оказалось чрезвычайно душно, и дышать стало затруднительно. Банщица уложила меня на мраморный помостъ и принялась съ превеликимъ усердіемъ мылить и скоблить кожу мою жесткой перчаткой изъ верблюжьей шерсти. Отъ боли я стонала и пробовала освободиться; но вскорѣ убѣдилась, судя по всѣмъ пріемамъ инквизиторши, что на это нечего было и надѣяться: при малѣйшемъ движеніи сильныя руки еще крѣпче сжимали меня въ своихъ тискахъ.

Послѣ довольно продолжительнаго истязанія неугомонная мучительница поволокла бренные останки мои въ слѣдующую комнату для совершенія надъ ними процедуры турецкаго массажа по части, такъ называемаго, „выправленія суставовъ“.

И, дѣйствительно: по окончаніи этого главнаго акта банной обрядности мною овладѣло такое ощущеніе, какъ будто всѣ кости, связанныя до сего мускулами, вдругъ раздвинулись и пріобрѣли необыкновенную гибкость.

Кожа моя точно также нисколько не пострадала, какъ я боялась, отъ дѣйствія варварской перчатки.

Въ заключеніе искусная операторша окатила меня душистымъ настоемъ изъ розъ и отвела въ послѣднее отдѣленіе.

Тамъ я увидѣла обширный бассейнъ, окруженный цвѣтущими кустарниками. Въ немъ уже плавало нѣсколько турчанокъ. Послѣднія съ радостнымъ визгомъ подхватили меня на руки и подняли отчаянную возню, ныряя взапуски и разбрасывая вокругъ себя фонтаны брызгъ.

Наконецъ, сильно утомленная, я выбралась изъ водоема и, съ помощью служанки, отправилась на тѣхъ же ходуляхъ въ уборную. Здѣсь меня уложили, закрыли одѣялами и обложили подушками.

Пока я предавалась сладкому кейфу, дочь губернатора успѣла выкупаться и вернуться сюда же. Она прилегла рядомъ со мной и чрезвычайно ласково обратилась ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Ягненочекъ [1]) мой дорогой, я хочу серьезно поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ—прошу выслушать меня и сегодня же рѣшить этотъ вопросъ.

Затѣмъ, бросивъ бѣглый взглядъ въ сторону и убѣдившись, что никто не обращаетъ на насъ вниманія, она продолжала:

— Вотъ что, милая моя: вы понравились Тафти-бею, и онъ просилъ моего отца посодѣйствовать ему въ намѣреніи жениться на васъ. А разъ паша нашъ за что берется, то все и будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Остается еще получить согласіе вашего дяди; но это не трудно: онъ прекрасно знаетъ, что нашъ адъютантъ завидный женихъ: богатъ и на хорошей дорогѣ — чего же еще надо? Аллахъ посылаетъ вамъ особенное счастіе!

— Какой вздоръ! — расхохоталась я отъ души, — съ чего вздумалось вамъ, Элиме, разыгрывать роль свахи, надѣюсь, вы шутите?

— Нисколько! — запальчиво возразила она,—мусульмане не шутятъ подобными вещами! Повторяю: Селимъ-Тафти любитъ васъ и желаетъ какъ можно скорѣй обвѣнчаться съ вами; но, конечно, по магометанскому обряду, — добавила она внушительно.

— Мнѣ приказано также объяснить вамъ,—продолжала Элиме,—что Тафти бей разводится съ Фатимой, а невольницу свою отдаетъ намъ, такъ что вы будете единственной его женой, однимъ словомъ, онъ собирается жить съ вами по примѣру Омеръ-паши и другихъ, женатыхъ на христіанкахъ.

— Странно! — развела я руками, — ужъ не ошибаетесь ли вы?

---

[1]) Любимое ласкательное прозвище у турокъ.

До сихъ поръ при нашихъ случайныхъ и рѣдкихъ встрѣчахъ бей не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія; когда же успѣлъ онъ воспылать ко мнѣ?..

Говоря такъ повидимому равнодушно, я, тѣмъ не менѣе, со жгучимъ любопытствомъ ждала ея отвѣта. Что-то уже трепетало и пѣло въ глубокихъ тайникахъ моей души, и образъ надменнаго красавца вставалъ передо мной во всемъ его очарованіи...

— Ни одинъ порядочный турокъ не позволитъ себѣ обнаруживать публично свое расположеніе къ женщинѣ, — какъ сквозь сонъ услышала я вызывающій голосъ Элиме, — такое право принадлежитъ только мужу, а не жениху. О любви и другихъ чувствахъ можно поговорить послѣ свадьбы. Теперь же ему необходимо прежде всего заручиться согласіемъ и одобреніемъ паши, а также отца своего и вашихъ родныхъ.

Мнѣ было не до того, чтобы оспаривать столь своеобразную аргументацію затворницы гарема: я жадно ловила ея слова, и во мнѣ разгоралось непреодолимое желаніе узнать еще что-нибудь о немъ.

Правда, къ тому времени, благодаря внушеніямъ и совѣтамъ Магіе, я успѣла, какъ мнѣ казалось, освободиться отъ чаръ необыкновенной красоты молодого человѣка. Случалось, мы встрѣчали его на прогулкахъ возлѣ моря; но онъ сухо кланялся намъ издали и проходилъ дальше.

Такое высокомѣріе со стороны прекраснаго бея несказанно бѣсило меня, и я клялась себѣ не замѣчать его существованія; но по странному противорѣчію сердца, это обстоятельство и сыграло главную роль въ дальнѣйшемъ моемъ увлеченіи.

— Гаремъ—страшная вещь сама по себѣ,—слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей повторила я вслухъ одно изъ наставленій Магіе.

— Вы ошибаетесь,—сердито перебила турчанка,—развѣ мы не такіе же люди, какъ вы?

— Но я не могу, да и не желаю мѣнять вѣру! — былъ мой отвѣтъ.

— И не надо!—спокойно возразила она,—вы можете выйти замужъ за исламита безъ всякихъ къ тому религіозныхъ препятствій. Турки часто женятся на франкахъ, въ особенности изъ высшаго круга въ Истамбулѣ. Примѣровъ сколько угодно: главная Кадина Падишаха—армянка; затѣмъ, у наслѣдника его, Мурада—англичанка; единственная жена Омера — австрійская католичка; Оноре-паши — француженка и много другихъ.

— Чѣмъ всѣ онѣ хуже васъ—такія же христіанки,—насмѣшливо улыбаясь, прибавила Элиме.

— И повѣрьте мнѣ,—продолжала она въ поучительномъ тонѣ,— имъ живется несравненно лучше, чѣмъ многимъ женщинамъ въ Европѣ съ ихъ учеными мужьями. Мой отецъ всего насмотрѣлся за границей и говоритъ, что Селимъ-Тафти самый подходящій для васъ женихъ. Я потому и стараюсь вести съ вами дружбу, что считаю васъ будущей хозяйкой гарема любимаго адъютанта моего отца,—откровенно призналась сваха и прочла мнѣ цѣлую лекцію о счастіи быть женой магометанина.

— Поймите же, Элиме, что мнѣ, русской, нечего объ этомъ и думать: наша церковь и правительство не разрѣшаютъ намъ браковъ съ нехристіанами, а потому на согласіе моего дяди никакъ нельзя разсчитывать, такъ какъ онъ чиновникъ Короны и не можетъ допускать нарушенія законовъ государства,—прибѣгла я къ послѣднему рессурсу самозащиты отъ соблазна и въ то же время страстно желая быть побѣжденной въ спорѣ.

Турчанка окинула меня загадочнымъ взглядомъ и, лукаво улыбаясь, еле слышно проговорила:

— Наклонитесь ко мнѣ поближе, я кое-что шепну вамъ на ушко: Мидхатъ-паша уладитъ дѣло—вотъ увидите! онъ скоро будетъ первымъ сановникомъ въ Истамбулѣ.

Такая комбинація показалась мнѣ маловѣроятной, и я съ разочарованіемъ отвернулась отъ нея. Между тѣмъ собесѣдница моя, подобно демону — искусителю, продолжала разрисовывать передо мной яркія перспективы совмѣстной жизни съ очаровательнымъ красавцемъ, направляя полетъ моей фантазіи въ міръ волшебныхъ грезъ и радужныхъ надеждъ. Долго и жадно внимала я соблазнительницѣ, съ тревогой прислушиваясь къ тайному голосу, который напоминалъ мнѣ о благоразуміи и осторожности. Тяжелая тоска сжала сердце, а странныя мысли кружились и мелькали въ головѣ; но мнѣ никакъ не удавалось собрать ихъ вмѣстѣ, и дать имъ опредѣленную форму. Я хотѣла возражать и защищаться; но слова убѣгали отъ меня. Какъ вдругъ сказанное ею: „Зато какой хорошенькій подарочекъ получу я за хлопоты“,—моментально вернуло меня къ дѣйствительности.

Очарованіе было нарушено и я, охваченная гадливымъ чувствомъ, съ негодованіемъ спросила ее:

— Если быть женою вашего бея такое несравненное благополучіе, какъ вы утверждаете, то почему Кіамиль-пашѣ не устроить этого для собственной дочери, а меня оставить въ покоѣ и предоставить собственной участи?

На губахъ дѣвушки заиграла надменная улыбка, и тонъ ея дальнѣйшей рѣчи поразилъ меня своею циничною откровенностью.

— Неужели вы такъ просты и не можете понять, что здѣсь дѣло идетъ о счастіи любимца отца моего, а вовсе не о вашей судьбѣ... Что же касается лично меня, то не извольте безпокоиться: я уже обѣщана другому, который и побогаче и познатнѣе нашего адъютанта,—сверкая глазами и раздражаясь, отвѣтила Элиме.

Нотка превосходства, прозвучавшая въ этихъ словахъ, очень не понравилась мнѣ: я вспыхнула и собралась наговорить ей много непріятныхъ вещей; но она, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на мои протестующіе возгласы, заставила слушать себя:

— Да если бы я и могла располагать собой, то ни въ какомъ случаѣ не вышла бы замужъ за Селимъ-Тафти: характеръ у него ужасный! Ахъ, какъ жестоко бьетъ онъ свою Фатиму! Взгляните на нее,—указала она на блѣдную женщину уже съ поблекшими чертами лица, въ унылой позѣ сидѣвшую возлѣ фонтана:—тѣло ея въ синякахъ и царапинахъ отъ побоевъ—бѣдняжка ждетъ, не дождется развода, чтобы избавиться отъ такого дьявола,—утѣшила меня добрая сваха.

— Покорнѣйше васъ благодарю за любезное стараніе посадить меня на вакантное мѣсто въ клѣткѣ звѣря!—возмутилась я, и горячій румянецъ обжегъ мнѣ щеки.

— Но съ вами онъ не позволитъ себѣ такъ обращаться! Клянусь именемъ пророка, я это знаю навѣрно,—убѣжденно и видимо совершенно искренно утверждала она,—Тафти-бей будетъ нѣжнымъ и кроткимъ мужемъ—всегда такъ бываетъ, когда турокъ женатъ на христіанкѣ. Вѣроятно вы, франки, знаете секретъ привораживать къ себѣ, оттого вамъ и подчиняются.

Чтобы не поднимать безполезнаго спора, я не стала опровергать смѣшныхъ доводовъ суевѣрной турчанки, молча приподнялась и стала одѣваться.

Но меня не пустили и заставили снова лечь.

— Сейчасъ ханумъ нашего бимбаши [1]) разскажетъ преинтересную сказочку,—весело улыбаясь, обратилась ко мнѣ Элиме:—я переведу вамъ содержаніе ея—чрезвычайно забавное приключеніе съ двумя обжорами въ раю пророка Магомета! Такихъ занимательныхъ исторій не пишутъ въ вашихъ календаряхъ,—попутно уколола она. Присутствующія дамы окружили разсказчицу и съ упоеніемъ внимали ей, а я, предоставленная самой себѣ, подъ веселый говоръ и громкій смѣхъ погружалась въ хаосъ разнородныхъ ощущеній: разочарованія, безотчетнаго страха, ожиданія чего-то сильно захватывающаго, но желаннаго...

---

[1]) Бимбаши по-турецки майоръ.

— Боже мой! — думала я съ отчаяніемъ,—что, если турчанка права, и прелестный юноша дѣйствительно любитъ меня? О! какъ ослѣпительно блеснулъ метеоръ и неужели только для того, чтобы погаснуть и не оставить слѣда?... Кто укажетъ мнѣ правильный путь и выведетъ изъ лабиринта, куда завела меня всегда причудливая и капризная судьба. Не родные же, которые больше всего страшились отвѣтственности передъ нашей дипломатіей, чрезвычайно строго слѣдившей въ тѣ времена за православными на Востокѣ и въ чемъ усердно помогало ей греческое духовенство. Фанатичное въ несравненно большей степени, чѣмъ послѣдователи Ислама, оно проявляло религіозную нетерпимость даже по отношенію къ другимъ своимъ православнымъ собратіямъ и весьма подозрительно смотрѣло на моего дядю, женатаго на католичкѣ.

При данныхъ условіяхъ было бы рискованно искать сочувствія здѣсь, а ввѣриться руководительству гаремныхъ дамъ также казалось не совсѣмъ удобно, зная ихъ лукавые пріемы и неискренность. Придумать что-либо другое—было мнѣ не подъ силу, и я залилась горькими слезами обиды и разочарованія.

— Ягненочекъ! вы плачете; но о чемъ?—наклонилась ко мнѣ Элиме.—Или вы думаете, что отецъ мой безсиленъ устроить дѣло? Напрасно! Обѣщайте мнѣ часть тѣхъ подарковъ, которые получите вы отъ жениха—Селимъ-Тафти богатъ—и все будетъ улажено къ вашему благополучію. Согласны? Я жду отвѣта.

— Хорошо!—уже не помня себя, порывисто отозвалась я, бросаясь къ ней на шею:—все берите, все ваше, но только его дайте мнѣ.

— Ну, и прекрасно! — самодовольно улыбнулась она,—но подъ однимъ условіемъ: слѣдовать моимъ указаніямъ...

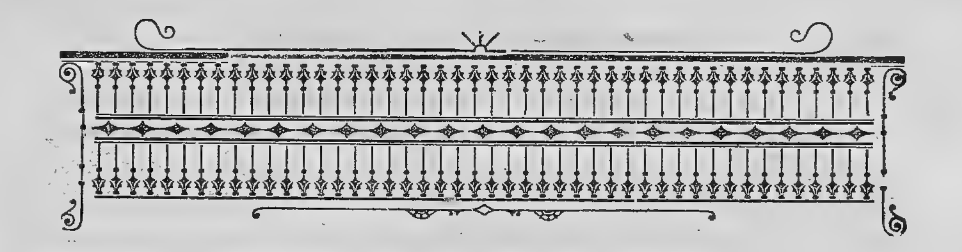
— Да, да!—задыхаясь, прошептала я,—дѣлайте со мной, что хотите—вся къ вашимъ услугамъ!..

— Иншаллахъ!—подтвердила набожная мусульманка, и вся обратилась въ слухъ, такъ какъ повѣствованіе о жареномъ баранѣ въ турецкомъ царствѣ небесномъ все еще продолжалось.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія жизни Ө. Г. Тернера[1].

Въ Каирѣ былъ игорный домъ. Въ послѣдній день утромъ я пошелъ туда съ Сущовымъ. Сущова, который уже нѣсколько разъ тамъ игралъ, приняли съ большимъ почетомъ, принесли ему стулъ, подали шампанскаго. При рулеткѣ ставятъ также на нумера и на rouge и noir.— Если поставить на номеръ, которыхъ было около 40, и выйдетъ этотъ номеръ, то игравшій получаетъ свою ставку, помноженную на данный номеръ. Разумѣется, это встрѣчается очень рѣдко. Я не игралъ, но смотрѣлъ только, какъ игралъ Сущовъ. Онъ поставилъ золотой на 24 нумеръ, вышелъ 24 нумеръ, и ему отсчитали 24 золотыхъ; за тѣмъ куда онъ ни ставилъ: на другой ли нумеръ, или на rouge и noir, или на шаръ, постоянно выходило то, на что онъ поставилъ. Такой удивительной veine я никогда еще не видалъ. Послѣ получасовой игры, передъ нимъ лежала груда золота. Онъ завязалъ этотъ кладъ въ свой платокъ, и мы съ золотымъ узелкомъ отправились домой въ гостиницу. Увидѣвъ такое богатство, столь легко пріобрѣтенное, наши спутники, особенно же дамы нашего общества, пришли въ азартъ и стали просить Сущова поиграть и на ихъ счастіе. Сущовъ дѣйствительно послѣ обѣда пошелъ опять играть и что же, кончилось тѣмъ, что онъ проигралъ не только весь свой утренній выигрышъ, но и всѣ деньги, которыя были даны ему нашими спутниками, просившими его играть за нихъ. Легко себѣ представить, съ какимъ уныніемъ всѣ узнали о таковомъ печальномъ результатѣ послѣобѣденнаго предпріятія.

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1910 г.

21 ноября я отправился съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги въ Александрію, простившись съ каирской роскошной природой, съ каирскимъ синимъ небомъ и благодатнымъ климатомъ. Какъ бы предвѣстникомъ европейской и особенно петербургской осени, въ Александріи я засталъ уже сѣрое небо и бурную дождливую погоду.

На другой день пароходъ „Il Principe Carignano“ отправился въ Бриндизи, и я выѣхалъ на немъ.

Изъ нашихъ русскихъ со мною отправился на этомъ пароходѣ Сущовъ и И. К. Айвазовскій.

Съ самаго отъѣзда изъ Александріи подулъ сильный вѣтеръ, который скоро перешелъ въ бурю, такъ что насъ качало неимовѣрно. Къ вечеру мы подошли къ острову Криту и бросили противъ него якорь, ища защиты отъ бури, за его высокими скалами. Ночь дѣйствительно мы провели относительно спокойно, хотя все же качка была довольно сильная. Утромъ передъ снятіемъ съ якоря, въ нашу каюту вошелъ матросъ и сталъ наглухо закрѣплять вентиляторы. На мой вопросъ—не успокоилось ли море—онъ отвѣтилъ, что напротивъ того, теперь только что начинается бурное плаваніе, потому что ночью мы стояли подъ защитою отъ вѣтра за Критомъ, и только что мы выйдемъ въ открытое море, буря выкажется въ полной силѣ. Дѣйствительно, только что мы вышли изъ-за острова, какъ нашъ пароходъ громадныя волны стали бросать какъ скорлупу; такой качки я никогда, ни прежде ни послѣ не испытывалъ. Несмотря на то, я подвергся дѣйствію морской болѣзни только короткое время, но зато въ продолженіе всего перехода у меня болѣла голова, и я лежалъ въ очень непріятномъ настроеніи духа.

До какой степени была сильна качка, можно судить по слѣдующему курьезному эпизоду. Когда стали накрывать столъ къ обѣду въ каютъ-компаніи, Сущовъ подошелъ къ столу; въ это время двѣ большія волны съ двухъ сторонъ такъ сильно ударили въ пароходъ, что Сущовъ, несмотря на свою корпулентность, полетѣлъ вверхъ и затѣмъ растянулся во всю длину на столѣ. Въ это время вошелъ въ каюту гарсонъ, и увидѣвъ лежавшаго на столѣ Сущова, остановился въ недоумѣніи передъ этимъ зрѣлищемъ, но едва только Сущовъ успѣлъ слѣзть со стола, и гарсонъ сталъ требовать отъ него объясненія такой неумѣстной по его мнѣнію шутки, какъ повторились такія же двѣ волны, и самъ гарсонъ, полетѣвъ вверхъ, также растянулся на столѣ, получивъ такимъ образомъ несомнѣнное доказательство непроизвольности происшедшаго эпизода.

Вся эта сцена была такъ комична, что мы, присутствовавшіе,

несмотря на морскую болѣзнь и скверное расположеніе духа, не могли удержаться отъ смѣха.

При такой бурѣ немыслимо было гулять по палубѣ, и всѣ пассажиры оставались въ каютахъ; помню только, что Айвазовскій, съ трудомъ держась за перила лѣстницы, взобрался на короткое время на палубу, чтобы взглянуть на картину бушующаго моря, желая сохранить это впечатлѣніе въ памяти. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ написалъ, дѣйствительно, по сохраненному въ памяти впечатлѣнію, картину, представляющую борьбу „Принципа-Кариньяно“ съ бушующимъ моремъ. Я пріобрѣлъ у него эту картину въ память нашего путешествія, и она до сихъ поръ виситъ у меня въ гостиной, напоминая мнѣ это интересное, давно прошедшее время. Я думаю, рѣдко кто обладаетъ морскимъ видомъ, съ представленнымъ на немъ пароходомъ, на которомъ находились одновременно и живописецъ, писавшій картину и собственникъ картины.

На третій день мы прибыли, наконецъ, въ Бриндизи. Это направленіе пути называлось Over Land Mail, доставлявшее почту и пассажировъ кратчайшею дорогой изъ Остъ-Индіи. Вотъ почему въ Бриндизи уже все было приготовлено къ скорѣйшему отъѣзду. Желѣзнодорожный поѣздъ стоялъ подъ парами, ожидая причала парохода, и только что мы пристали къ молу, насъ немедленно перегрузили съ нашимъ багажомъ въ вагоны поѣзда; таможенный досмотръ былъ самый поверхностный, нашихъ чемодановъ совершенно не вскрывали, чтобы не задерживать отправленія Остъ-Индской почты.

Дорога изъ Бриндизи на западную сторону Италіи перерѣзываетъ итальянскій материкъ поперекъ, переходя черезъ Аппенинскія горы. Эта крайне живописная дорога въ то время была еще не вполнѣ окончена. Доходя до извѣстной высоты Аппенинскаго хребта, желѣзная дорога останавливалась, а съ другой стороны она продолжалась опять за вершиной хребта. Самый же переѣздъ черезъ хребетъ совершался на лошадяхъ. По прибытіи на послѣднюю станцію желѣзной дороги по сю сторону, мы увидѣли у станціи около десяти большихъ дилижансовъ, которые въ полной упряжи ожидали прихода поѣзда. Такъ какъ о числѣ пассажировъ станція извѣщалась заблаговременно по телеграфу, то число мѣстъ въ почтовыхъ экипажахъ соотвѣтствовало числу пассажировъ, прибывшихъ съ поѣздомъ. Мы немедленно безъ затрудненія всѣ размѣстились въ эти экипажи съ нашимъ багажомъ. Я выбралъ мѣсто возлѣ кондуктора, чтобы свободно наслаждаться чудными видами этого живописнаго пути. Дѣйствительно, зрѣлище, представлявшееся глазамъ во время всего пути, было грандіозно. Поднимаясь на высоту, мы ѣхали умѣренно быстро. Но переваливъ черезъ хребетъ, наши эки-

пажи понеслись съ поразительной быстротой по превосходно содержимому горному шоссе. Этотъ быстрый спускъ по дорогѣ, извивавшейся по горамъ зигзагами, не могъ не вызывать во мнѣ въ началѣ ощущенія страха, потому что громадный экипажъ, запряженный четверней, несся внизъ въ полный карьеръ, а между тѣмъ въ концѣ дороги постоянно представлялись крутые повороты, за которыми зіяла ужасающая пропасть, въ которую, такъ и казалось, быстро несущійся дилижансъ долженъ обрушиться. Но лошади такъ привыкли къ извилинамъ дороги, и кучеръ такъ ловко управлялъ ими на поворотахъ, что очевидно никакой опасности, несмотря на быстроту ѣзды, не представлялось. Поэтому, мнѣ оставалось только наслаждаться спокойно раскрывавшимися предо мною чудными и грандіозными видами горной природы.

По прибытіи въ Неаполь, гдѣ меня ожидала матушка и сестры, послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ еще въ Неаполѣ, мы отправились въ обратный путь.

1870-ый годъ—годъ франко-прусской войны, и слѣдующіе за нимъ три года ознаменовались для меня рядомъ происшествій, глубоко затронувшихъ мою судьбу и окончательно совершенно измѣнившихъ мое отношеніе къ жизни и мои воззрѣнія на жизнь.

Въ самомъ началѣ 70-го года министръ государственныхъ имуществъ Зеленый—оставилъ это министерство, управленіе имъ было поручено князю Д. А. Оболенскому; можно было предполагать, что послѣ нѣкотораго времени князь Дмитрій Александровичъ будетъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе департаментомъ таможенныхъ сборовъ было возложено на меня. Какъ выше сказано, я уже нѣсколько разъ управлялъ временно департаментомъ въ отсутствіи директора. Но теперь, въ виду совершеннаго оставленія этой должности княземъ Оболенскимъ, я былъ формально назначенъ, по Высочайшему приказу, управляющимъ департаментомъ. При такихъ условіяхъ всѣ мнѣ предсказывали мое будущее назначеніе директоромъ.

Изъ вышеуказанныхъ предположеній, однако, ни одно не осуществилось. Князь Оболенскій не былъ назначенъ министромъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ завѣдыванія министерствомъ государственныхъ имуществъ получилъ назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Точно также не осуществилось и мое назначеніе директоромъ. Пришлось еще нѣкоторое время пробыть въ должности вице-директора, послѣ чего я былъ назначенъ членомъ совѣта министерства финансовъ.

Мое управленіе департаментомъ продолжалось до осени. Дѣла шли удачно, и я находился въ пріятномъ расположеніи духа, въ

ожиданіи будущаго повышенія. Между прочими распоряженіями я приступилъ къ составленію проекта новаго таможеннаго устава, потребность въ которомъ уже давно сознавалась. Можно сказать, что таможеннаго устава въ то время какъ-бы не существовало. Прежній уставъ совершенно устарѣлъ и въ главныхъ своихъ частяхъ замѣнялся временными постановленіями и частными инструкціями, такъ что въ сущности совершенно не имѣлось точно опредѣленнаго таможеннаго закона. Между тѣмъ, потребность въ ясно опредѣленномъ законѣ настоятельно ощущалась и чиновниками и публикой. Кодификація дѣйствующихъ временныхъ положеній и приведеніе послѣднихъ въ соотвѣтствіе съ остававшимися еще въ силѣ указаніями стараго закона—представляла, однако, немалую трудность, особенно въ виду того, что еще не рѣшались остановиться на какой-либо опредѣленной системѣ, опасаясь отказаться окончательно отъ той массы таможенныхъ формальностей, которыя лежали въ основаніи стараго закона и были обусловлены недовѣріемъ къ честности таможенныхъ исполнителей. Вполнѣ сознавая трудность и сложность подобнаго предпріятія, я рѣшился, однако, взяться за него вслѣдъ за вступленіемъ въ управленіе департаментомъ. Я принялся энергически за дѣло, и къ осени главная часть постановленій по пріему и досмотру товаровъ была уже составлена и напечатана въ видѣ проекта. Дальше я укажу, почему моя работа не вышла изъ сферы проекта; новый таможенный уставъ появился въ жизнь только въ началѣ двадцатаго столѣтія, т. е. болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ спустя.

Ходъ прусско-французскихъ военныхъ дѣйствій въ теченіе лѣта 1870 года всѣхъ живо интересовалъ. Я тоже, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за движеніями обѣихъ армій, отмѣчалъ движеніе ихъ на картѣ.

Осенью до меня стали доходить свѣдѣнія о томъ, что назначеніе меня директоромъ департамента не имѣется въ виду. Легко себѣ представить, до какой степени я былъ пораженъ крушеніемъ всѣхъ моихъ надеждъ, которыя еще не задолго передъ тѣмъ представлялись твердо обоснованными.

Столь грустное для меня рѣшеніе Рейтерна было вызвано не какимъ-либо соперничествомъ другого, болѣе сильно поддержаннаго кандидата, а тѣмъ исключительно опасеніемъ, что мое назначеніе вызоветъ сильное неудовольствіе въ торговыхъ и промышленныхъ кругахъ, въ которыхъ я считался тогда крайнимъ фритредеромъ. Въ сущности подобное опасеніе могло бы имѣть дѣйствительное основаніе, если бы дѣло шло о назначеніи меня директоромъ департамента торговли и мануфактуръ, въ вѣдѣніи котораго находилось

тарифное дѣло, между тѣмъ какъ департаменту таможенныхъ сборовъ принадлежала только функція примѣненія постановленій тарифа. Но такъ какъ голосъ директора таможеннаго департамента все же имѣлъ вліяніе на общій ходъ заграничной торговли, то этимъ отчасти объясняется такое воззрѣніе. Въ этомъ заключалась вся причина рѣшимости Рейтерна не назначать меня директоромъ, хотя онъ ко мнѣ всегда былъ расположенъ и, повидимому, не имѣлъ повода быть недовольнымъ моимъ веденіемъ дѣла. Придя къ такому рѣшенію, онъ вначалѣ недоумѣвалъ даже, кого назначить на это мѣсто, не имѣя подходящаго кандидата. Наконецъ, его выборъ остановился на Н. А. Качаловѣ. Н. А. Качаловъ былъ homo novus въ администраціи. Это былъ земецъ, очень удовлетворительно ведшій земскія дѣла въ Новгородской губерніи. Его энергическая личность обратила на себя вниманіе Государя Наслѣдника, во время поѣздки послѣдняго по Россіи; по его рекомендаціи Качаловъ былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ. Рейтернъ остановилъ окончательно на немъ свой выборъ—какъ на личности, пользовавшейся въ то время репутаціей энергическаго и толковаго дѣятеля, полагая, что онъ скоро вработается подъ моимъ руководствомъ въ таможенное дѣло. То обстоятельство, что Качаловъ былъ persona grata у Государя Наслѣдника, повидимому, не имѣло рѣшающаго вліянія на выборъ Рейтерна, который вообще, по своему самостоятельному характеру, не очень подчинялся подобнымъ вліяніямъ. При томъ же, какъ я впослѣдствіи узналъ изъ одного разговора на придворномъ балу съ Ѳ. А. Оомомъ, состоявшимъ секретаремъ у Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны, Государь Наслѣдникъ никакого участія въ новомъ назначеніи Качалова не принималъ. Изъ этого разговора я могъ заключить, что Государь Наслѣдникъ, вѣроятно самъ въ этомъ смыслѣ высказывался, не желая, чтобы я могъ думать, что онъ былъ причиною моего неназначенія. Когда намѣреніе Рейтерна окончательно выяснилось, какъ мнѣ о томъ сообщилъ князь Д. А. Оболенскій, я рѣшился оставить департаментъ. Мы условились съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, что я ему напишу письмо, въ которомъ я изложу всѣ доводы, дѣлавшіе для меня невозможнымъ сохранять званіе вице-директора, и что онъ покажетъ это письмо Рейтерну. Въ этомъ письмѣ я указывалъ, что мною руководятъ не соображенія обиженнаго честолюбія, а побужденія совершенно другого рода. При Оболенскомъ, а потомъ и при совершенно самостоятельномъ управленіи департаментомъ, я былъ непосредственнымъ участникомъ (а впослѣдствіи, хотя и кратковременнымъ, руководителемъ) въ организаціи таможеннаго дѣла, въ направленіи, которое я считалъ наиболѣе полезнымъ для государства. Можно было опасаться,

что новый директоръ, человѣкъ энергическій, но мало знакомый съ таможеннымъ дѣломъ, захочетъ проводить свои идеи и дастъ дѣлу совершенно другое направленіе. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, мнѣ пришлось бы участвовать такъ или иначе въ ломкѣ всего того, что мы вмѣстѣ съ Оболенскимъ столько лѣтъ созидали. Такое положеніе для человѣка, который не относится къ дѣлу только съ чиновничьей точки зрѣнія, должно быть невыносимо и т. д. Затѣмъ послѣдовалъ продолжительный разговоръ съ Рейтерномъ. Михаилъ Христофоровичъ никакъ не хотѣлъ стать на ту почву, которой я коснулся въ моемъ письмѣ, но старался меня убѣдить, что, отдавая полную справедливость моимъ способностямъ и моей административной дѣятельности—въ такомъ учрежденіи, какъ таможенное вѣдомство, въ составъ которыхъ входитъ такая масса служащихъ, необходима особенно сильная и энергичная рука для управленія столь многочисленнымъ и разнообразнымъ составомъ, а такою энергіею именно и отличается Качаловъ. Указывая на это какъ на причину принятаго имъ рѣшенія, Рейтернъ очень деликатно обходилъ главную причину, мою фритредерскую репутацію, о которой онъ говорилъ съ княземъ Оболенскимъ, такъ какъ онъ всегда съ большимъ уваженіемъ относился къ убѣжденіямъ своихъ подчиненныхъ и потому не хотѣлъ затронуть со мною этой стороны вопроса. Я считалъ, однако, необходимымъ настаивать на моемъ рѣшеніи, обѣщая Рейтерну, если онъ согласится дать мнѣ другое назначеніе, заниматься вмѣстѣ съ Качаловымъ таможенными дѣлами столько времени, сколько окажется необходимымъ, чтобы совершенно ознакомить его съ дѣломъ, такъ какъ это, очевидно, Рейтнеръ считалъ необходимымъ. Но Михаилъ Христофоровичъ никакъ на это не хотѣлъ согласиться, требуя, чтобы я безусловно подчинился его рѣшенію и оставался на моемъ вице-директорскомъ посту—хотя и подразумѣвалось, что это должно было быть только временно. Въ характерѣ Рейтерна одновременно съ деликатностью истиннаго джентельмена—онъ всегда относился, какъ уже сказано, съ уваженіемъ къ мнѣніямъ подчиненныхъ ему лицъ, допускалъ всякія возраженія; съ нимъ можно было серьезно спорить въ дѣлахъ—въ его характерѣ была вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно развита авторитетная черта. Вотъ почему онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на оставленіе мною поста вице-директора, вслѣдъ за назначеніемъ Качалова, такъ какъ это имѣло бы характеръ протеста противъ его распоряженія. При такихъ условіяхъ нашъ разговоръ кончился, разумѣется, неудовлетворительно; я объявилъ ему, что въ виду его настоянія на требованіи, несогласномъ съ моимъ достоинствомъ, мнѣ остается только выйти въ отставку.

Уходя отъ него, мы не подали другъ другу руки, и на другой день, когда я встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, онъ отвернулся, чтобы мнѣ не кланяться,—до такой степени онъ былъ возбужденъ противъ меня моимъ отказомъ. Товарищемъ министра финансовъ въ то время былъ С. А. Грейгъ, который всегда былъ ко мнѣ очень расположенъ, поэтому я зашелъ къ нему, чтобы сообщить ему о моемъ разговорѣ съ Рейтерномъ. Самуилъ Алексѣевичъ долго со мною бесѣдовалъ и старался убѣдить меня не доводить дѣла до окончательнаго разрыва, тѣмъ болѣе, что отъ меня очевидно требовалась только временная жертва. Я согласился съ его доводами, выразивъ при этомъ только желаніе,—въ виду того, что я тогда уже помышлялъ о женитьбѣ,—чтобы при новомъ моемъ послѣдующемъ назначеніи мое финансовое положеніе не было ухудшено—т. е. чтобы за мною было сохранено то содержаніе, которымъ я пользовался въ то время. Самуилъ Алексѣевичъ передалъ нашъ разговоръ Рейтерну, который пригласилъ меня зайти къ нему и откровенно благодарилъ меня за то, что я согласился исполнить его желаніе.

Съ Качаловымъ наши отношенія установились на деликатной и внѣшне учтивой ногѣ. При первой встрѣчѣ онъ сказалъ мнѣ, что въ сущности онъ получилъ назначеніе, которое по справедливости принадлежало бы мнѣ, но что онъ лично этого назначенія не добивался, и все произошло помимо всякой его инціативы.

Такъ какъ изъ почти насильственнаго удержанія меня на мѣстѣ вице-директора онъ могъ усмотрѣть, что на первое время министръ не считаетъ возможнымъ положиться въ дѣлѣ на него одного, то при его самолюбіи онъ постарался съ самаго начала поставить себя по возможности самостоятельно. Правда, онъ сообщалъ мнѣ о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и планахъ, которыхъ съ самаго начала оказалось не мало, хотя онъ еще не успѣлъ порядочно ознакомиться съ таможеннымъ дѣломъ, но собственно моего мнѣнія онъ не спрашивалъ. Такое стремленіе къ самостоятельнымъ распоряженіямъ высказалось между прочимъ съ самаго начала въ вопросѣ о составленіи проекта новаго таможеннаго устава. Въ виду того, что это былъ тогда настоятельный вопросъ, онъ рѣшился къ нему приступить. На мое сообщеніе, что часть работы по составленію проекта мною уже сдѣлана и что остается только приступить къ обсужденію готоваго проекта, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ считаетъ нужнымъ вновь разработать все дѣло и для этой цѣли составить комиссію, въ которой онъ желаетъ, чтобы и я принялъ участіе. Въ эту комиссію кромѣ нѣкоторыхъ прежнихъ таможенныхъ чиновниковъ онъ назначилъ вновь опредѣленныхъ имъ въ департаментъ

лицъ, прежнихъ своихъ земскихъ сослуживцевъ, совершенно еще незнакомыхъ съ таможенными дѣлами. Предвидя, что при такихъ условіяхъ изъ занятій учреждаемой Качаловымъ комиссіи ничего не выйдетъ, тѣмъ болѣе, что Качаловъ не желалъ воспользоваться, даже въ видѣ матеріала выработаннымъ мною проектомъ, я призналъ совершенно безполезнымъ мое участіе въ означенной комиссіи и высказалъ это прямо Качалову. Качаловъ сообщилъ объ этомъ въ разговорѣ Рейтерну, и Михаилъ Христофоровичъ, повидимому, вполнѣ понялъ мою точку зрѣнія и противъ нея не возражалъ.

Какъ можно было предположить, изъ работъ этой комиссіи ничего не вышло, и таможенное вѣдомство оставалось безъ таможеннаго устава до самаго конца столѣтія. Только въ 1901 году при директорѣ Белюстинѣ былъ окончательно составленъ новый таможенный уставъ и при моемъ участіи проведенъ черезъ Государственный Совѣтъ.

Затѣмъ мои отношенія къ Качалову оставались на учтивой и приличной ногѣ, при чемъ я старался по возможности держаться въ сторонѣ, не принимая участія въ его распоряженіяхъ и занимаясь преимущественно текущими дѣлами. Наконецъ 1-го января 1872 года Рейтернъ рѣшился назначить меня членомъ совѣта, и Качаловъ мнѣ при оставленіи мною департамента сказалъ, что теперь его экзаменъ кончился.

Со стороны служащихъ въ департаментѣ до меня доходили отзывы, что я въ моихъ отношеніяхъ къ Качалову съ достоинствомъ сумѣлъ выдержать характеръ. Самъ же Качаловъ высказывалъ впослѣдствіи, что благодаря моему тактичному образу дѣйствія наши отношенія всегда оставались корректными. Когда при Вышнеградскомъ я былъ сдѣланъ товарищемъ министра, Качаловъ, имѣя какое-либо дѣло къ министру, обращался по старой памяти обыкновенно ко мнѣ показывая тѣмъ, какое онъ сохранилъ ко мнѣ доброе расположеніе. Этому доброму расположенію особенно содѣйствовало еще одно послѣдующее обстоятельство.

Прежде въ таможняхъ работали вездѣ вольные носильщики по найму отъ купцовъ; большею частію каждая значительная фирма имѣла своихъ рабочихъ. Только въ Москвѣ работала русская артель. Незадолго до оставленія департамента, князь Оболенскій, находясь въ Москвѣ и увидѣвъ тамъ работу артельщиковъ, возымѣлъ мысль ввести артели во всѣ таможни. Отвѣтственная артель дѣйствительно устраняла могущія быть злоупотребленія со стороны вольныхъ рабочихъ, которыхъ трудно было контролировать; кромѣ того такое нововведеніе представлялось ему симпатичнымъ по его чисто русской національной окраскѣ.

Въ департаментѣ принялись за разработку этого вопроса, и когда вслѣдъ за тѣмъ Качаловъ былъ сдѣланъ директоромъ, онъ съ жаромъ взялся за это дѣло и немедленно приступилъ ко введенію таможенной артели въ петербургской таможнѣ. Мѣра эта вызвала со стороны купечества всеобщую оппозицію, во-первыхъ потому, что купцамъ удобнѣе было имѣть своихъ рабочихъ; кромѣ того еще и потому, что артель, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ при благорасположеніи департамента, назначила чрезвычайно высокія цѣны за свою работу. Купечество обратилось къ министру финансовъ съ жалобой на это невыгодное для него нововведеніе, и Михаилъ Христофоровичъ назначилъ особую комиссію, при участіи торгующихъ, для разсмотрѣнія ихъ жалобъ. Хотя я въ то время уже оставилъ департаментъ, но Михаилъ Христофоровичъ нашелъ нужнымъ назначить и меня въ эту комиссію. Такое назначеніе вызвало сильное опасеніе со стороны Качалова; онъ боялся, что, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поддержать, ему на зло, претензіи купцовъ и доказать такимъ образомъ неосновательность его спѣшныхъ распоряженій. Разумѣется, я объ этомъ и не думалъ, а отнесся, какъ всегда, совершенно объективно къ дѣлу. По моему указанію были, проектированы нѣкоторыя мѣропріятія для большаго надзора за артелями съ цѣлію устраненія всякаго съ ихъ стороны произвола; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено значительное пониженіе крайне высокой установленной ими таксы. На этой почвѣ состоялся компромиссъ, удовлетворившій купечество. Такимъ образомъ я не только не сталъ въ оппозицію къ Качалову, но, напротивъ, оказалъ ему содѣйствіе, давъ ему возможность удовлетворить требованія купечества, не отказываясь отъ введенной имъ мѣры. Онъ вполнѣ оцѣнилъ такой образъ дѣйствій съ моей стороны и неоднократно говорилъ разнымъ лицамъ, какъ я поступилъ съ нимъ благородно, не только не подставляя ему ноги, когда я такъ легко могъ это сдѣлать, но, напротивъ, даже поддержалъ его.

Въ этомъ же году я былъ выбранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго губернскаго статистическаго комитета.

Наконецъ около этого же времени возникло еще и другое предположеніе относительно моего служебнаго положенія. Е. И. Ламанскій былъ тогда управляющимъ государственнымъ банкомъ, и при немъ не было замѣщено еще мѣсто товарища управляющаго. Въ то время, какъ я помышлялъ объ оставленіи министерства, А. Б. Бушенъ, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ-то въ разговорѣ съ Ламанскимъ указалъ ему, почему бы ему не взять меня въ товарищи. Ламанскій изъявилъ на это согласіе, князь Оболенскій, который продолжалъ интересоваться моимъ положеніемъ,

сообщилъ объ этомъ предположеніи Рейтерну, который вполнѣ его одобрилъ, замѣтивъ, что это именно подходящее для него (т. е. для меня) мѣсто. Казалось, дѣло было рѣшено; но между тѣмъ время шло, и Ламанскій все не рѣшался приступить къ моему назначенію,—очевидно, со стороны разныхъ окружавшихъ его лицъ стали интриговать противъ моего назначенія, которое окончательно, по слабости характера Ламанскаго, такъ и не состоялось.

Въ теченіе 1871 года начались мои довольно близкія потомъ отношенія къ Михайловскому дворцу. Великая Княгиня Елена Павловна искала, кого бы назначить гофмейстеромъ послѣ А. А. Абазы, который въ это время былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и по этому случаю оставилъ свою придворную должность. М. Х. Рейтернъ, который, во время назначенія Качалова, считалъ нужнымъ пожертвовать мною, оставался однако по-прежнему ко мнѣ расположенъ, и когда Елена Павловна обратилась къ нему за совѣтомъ по поводу выбора гофмейстера, указалъ ей на меня. При великой княгинѣ въ это время пользовался большимъ вліяніемъ докторъ Эйхвальдъ, который съ своей стороны указалъ ей на Квиста; его рекомендація получила перевѣсъ, и Великая Княгиня остановилась на послѣднемъ кандидатѣ.

По этому поводу она пожелала однако со мною познакомиться, и я получилъ приглашеніе посѣщать ея вечера на Каменномъ островѣ, часто обѣдалъ у нея, и осенью проводилъ даже по нѣсколько дней въ Ораніенбаумѣ. Тамъ былъ между прочимъ устроенъ домашній спектакль, въ которомъ я участвовалъ вмѣстѣ съ состоявшей при великой княгинѣ фрейлиной Императрицы, графиней Кейзерлингъ, супругой Т. С. Перетца, секретаремъ прусскаго посольства Тильманомъ, нынѣ статсъ-секретаремъ въ Берлинѣ и нѣкоторыми другими лицами. Такимъ образомъ у меня установились довольно близкія отношенія къ Михайловскому дворцу и между прочимъ къ находившимся при Вел. Княгинѣ баронессѣ Рааденъ и фрейлинѣ Эйлеръ—дружескія отношенія къ этимъ двумъ личностямъ сохранились у меня до самой ихъ смерти. Выбравъ Квиста гофмейстеромъ, великая княгиня предложила мнѣ другую сферу дѣятельности при ней, а именно: положеніе предсѣдателя въ комитетѣ дешевыхъ столовыхъ для студентовъ.

Это было время первыхъ студенческихъ смутъ. Елена Павловна, которая принимала живѣйшій интересъ во всемъ, что происходило въ Россіи, возымѣла мысль устроить дешевыя столовыя для студентовъ, въ надеждѣ, что такая заботливость о ихъ матеріальномъ благосостояніи будетъ имѣть нѣкоторое успокаивающее на нихъ вліяніе. Столовая была устроена вначалѣ въ наемномъ помѣщеніи

на Петербургской сторонѣ, не очень удобномъ, и потомъ переведена въ отдѣльный помѣстительный флигель при медицинской академіи, предоставленный военнымъ министромъ въ распоряженіе Великой Княгини. Несмотря на всѣ старанія удовлетворительнаго устройства столовой и на хорошую пищу, отпускавшуюся по дешевой цѣнѣ—учрежденіе это однако не могло пойти успѣшно. Такъ какъ въ то время особенно опасались сходокъ студентовъ, то было постановлено, что обѣдающіе въ столовой студенты не должны оставаться послѣ обѣда въ помѣщеніи столовой, т. е. чтобы они тамъ не засиживались; по этой же причинѣ въ столовой не было разрѣшено держать газеты и, кажется, курить, такъ какъ во время обѣда куреніе не полагалось, а послѣ обѣда студенты должны были уходить. Такая регламентація и дисциплина, разумѣется, не нравились студентамъ; кромѣ того въ средѣ ихъ появлялись личности, которыя постоянно старались мѣшать всякимъ предпріятіямъ правительства на пользу студентовъ, чтобы поддерживать въ средѣ ихъ неудовольствіе—и вотъ почему одно то, что столовыя имѣли отчасти характеръ правительственнаго учрежденія—дискредитировало ихъ въ глазахъ студентовъ. Чтобы помѣшать дѣлу и поставить столовыя въ затруднительное положеніе, студенты стали намѣренно посѣщать столовую крайне нерегулярно. Одинъ день столовая была почти пуста, а въ другой день приходила разомъ масса студентовъ, которые громко жаловались, что имъ приходится ждать очереди—потому, что при такомъ неравномѣрномъ посѣщеніи, крайне трудно было составлять предположеніе о числѣ необходимыхъ обѣдовъ и разсчитать впередъ, на сколько посѣтителей готовить обѣды. Мнѣ самому иногда по этому поводу приходилось объясняться съ посѣтителями,—помню, что я имъ объяснялъ, что я хорошо понимаю ихъ положеніе, ибо въ свое время самъ былъ студентомъ и студентомъ бѣднымъ, принужденнымъ давать уроки, и что потому вполнѣ сочувствую ихъ положенію и несомнѣнно желаю устроить дѣло сколь можно для нихъ удобнѣе, но что они съ своей стороны должны оцѣнить дѣятельность лицъ, изъ одного интереса къ дѣлу жертвующихъ своимъ временемъ и своими трудами, въ надеждѣ сдѣлать для нихъ полезное; наконецъ, что никто не принуждаетъ ихъ приходить въ столовую, но, пользуясь предоставленнымъ имъ удобствомъ, имъ не слѣдовало бы намѣренно затруднять веденіе для нихъ же устроеннаго предпріятія.

Но всѣ эти объясненія, при существовавшемъ въ то время возбужденіи въ студенческой средѣ, не имѣли никакого вліянія на ихъ отношенія къ столовымъ. Число посѣтителей постоянно уменьшалось, студенты очевидно предпочитали посѣщать дешевыя частныя кухмистерскія, гдѣ ихъ кормили гораздо хуже и дороже, но

гдѣ они не были стѣснены какими-либо правилами, могли засиживаться сколько угодно, курить, читать газеты и т. п.

При такомъ положеніи дѣла, расходы столовыхъ далеко не могли окупиться. Пока жива была Елена Павловна, постоянныя субсидіи съ ея стороны еще поддерживали предпріятіе, но послѣ ея смерти столовыя продержались не долго. Баронесса Рааденъ, принимавшая дѣятельное участіе во всѣхъ предпріятіяхъ покойной Великой Княгини, постоянно относилась съ живѣйшимъ интересомъ и къ дѣлу столовыхъ. Чрезвычайно умная, живая и энергичная, она клала свой трудъ на это предпріятіе, не желая однако принимать формальнаго участія въ управленіи столовыми. Это ставило меня, какъ предсѣдателя комитета, по временамъ въ затруднительное положеніе и вызывало даже столкновеніе между нами, несмотря на то, что я находился съ нею въ лучшихъ отношеніяхъ, основанныхъ на взаимномъ расположеніи и уваженіи. Увлекаясь своею энергіею и своимъ интересомъ къ дѣлу, она иногда дѣлала разныя распоряженія, не условившись по этому поводу и не предваривъ даже о томъ комитетъ и его предсѣдателя, что очевидно ставило послѣдняго въ неловкое положеніе. Всѣ отдавали полную справедливость энергіи баронессы и ея глубокому интересу къ дѣлу, и никто не сталъ бы ей препятствовать въ принятіи той или другой мѣры, которую она считала необходимой, но слѣдовало по крайней мѣрѣ предупреждать лицъ, завѣдывавшихъ дѣломъ, чего она почти никогда не дѣлала, дѣйствуя въ этихъ случаяхъ большей частію совершенно самостоятельно.

Такого же рода столкновенія произошли у нея впослѣдствіи съ К. К. Гротомъ. До того она находилась съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и его назначеніе главноуправляющимъ учрежденій Императрицы Маріи послѣдовало отчасти по рекомендаціи баронессы Рааденъ. Но вслѣдъ за его назначеніемъ она стала вмѣшиваться въ дѣла институтовъ, безъ предварительнаго согласія съ главноуправляющимъ и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла личный докладъ у Государыни Императрицы, то являлась какая-то двойственность въ управленіи. Гротъ не могъ не протестовать противъ такого веденія дѣла, и кончилось тѣмъ, что ему пришлось оставить свое положеніе, такъ какъ Государыня Императрица была совершенно на сторонѣ баронессы Рааденъ. Послѣ, кажется, двухлѣтняго пребыванія въ должности, при возвращеніи изъ отпуска, К. К. Гротъ получилъ увѣдомленіе, что ему уже не слѣдуетъ вступать въ управленіе учрежденіемъ.

Мои отношенія къ баронессѣ стали особенно затрудняться послѣ смерти Елены Павловны, когда наши дополнительные рессурсы

изсякли. Великая Княгиня Екатерина Михайловна, устроившая свои дешевыя столовыя для народа, не была расположена приплачивать еще на содержаніе студенческихъ столовыхъ. При постоянномъ дефицитѣ послѣднихъ, благоразуміе требовало пріостановить ихъ совершенно; но баронесса Рааденъ, глубоко чтя память Елены Павловны, никакъ не хотѣла согласиться на прекращеніе предпріятія, созданнаго покойною Великой Княгиней и къ которому она всегда относилась съ живѣйшимъ интересомъ. Она настаивала на продолженіи веденія дѣла, утверждая, что она готова отвѣчать за всѣ дефициты. Я не считалъ однако возможнымъ продолжать при такихъ условіяхъ веденіе дѣла, предвидя, что дефицитъ можетъ дойти до такой цифры, о которой баронесса даже не можетъ отдать себѣ отчетъ. Наша задолженность поставщикамъ провизій все росла, хотя и я съ своей стороны рѣшался кое-что приплачивать, на удовлетвореніе по крайней мѣрѣ самыхъ назойливыхъ кредиторовъ. Не имѣя возможности уговорить баронессу, я рѣшился обратиться къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и просить ее объ увольненіи меня отъ званія предсѣдателя комитета столовыхъ, такъ какъ при данныхъ обстоятельствахъ я не вижу возможности продолжать дѣло. Великая Княгиня, разумѣется, согласилась на мое увольненіе, но баронесса Рааденъ за это долго на меня сердилась, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ наши прежнія дружескія отношенія опять возстановились. Послѣ моего ухода она уговорила Дервиза принять на себя предсѣдательство въ комитетѣ, и благодаря его денежнымъ вспомоществованіямъ, дѣло могло идти нѣкоторое время, но все же кончилось тѣмъ, что студенческія столовыя пришлось закрыть, какъ я это давно предвидѣлъ. По самому существу дѣла, несмотря на всѣ благія намѣренія, оно было лишено раціональныхъ условій существованія.

Около этого же времени я былъ назначенъ членомъ въ комиссію по вопросу объ акцизѣ съ сахара и еще въ другую комиссію по выработкѣ акціонернаго устава. Сахарный вопросъ ставился въ смыслѣ огражденія нашей промышленности высокими таможенными покровительственными пошлинами, съ одновременнымъ опредѣленіемъ размѣра акциза, который она могла бы вынести. При незначительности предполагаемаго акциза, такое положеніе вызывало значительныя жертвы со стороны казны, такъ какъ прежній доходъ отъ пошлины на привозимый сахаръ, при запретительной пошлинѣ, почти совершенно прекратился, акцизъ же могъ давать только самый незначительный доходъ, такъ какъ имѣлся въ виду акцизъ всего (сколько помню), въ 20 или 30 коп. съ пуда, при чемъ оплачивалось не дѣйствительно производимый сахаръ, а предпола-

гаемое производство, исчисляемое по механизму завода и количеству употребленнаго сырого матеріала, такъ что, путемъ усовершенствованія механизма, большіе заводы получали возможность значительно уменьшить въ дѣйствительности номинальный акцизъ съ пуда сахара. А. А. Абаза, который былъ также членомъ комиссіи и сильно отстаивалъ интересы сахарозаводчиковъ, доказывалъ, что эта потеря только временная, что съ развитіемъ производства акцизъ можно будетъ поднять даже до рубля, и тогда доходъ значительно увеличится. Предсказанія его осуществились съ избыткомъ; въ настоящее время свекловичный сахаръ оплачиваетъ уже не рубль, а 1 р. 75 к. съ пуда дѣйствительнаго производства и даетъ казнѣ дохода до 75 милліоновъ рублей. Чрезмѣрное покровительство сахарной промышленности все же однако создало нѣкоторыя неудобства, вызвавъ чрезмѣрное и не соотвѣтственное потребности потребленія число заводовъ, такъ что пришлось въ началѣ допустить, а затѣмъ и формально организовать сахарный синдикатъ.

Мое назначеніе членомъ комиссіи для выработки акціонернаго закона, состоявшей подъ предсѣдательствомъ А. И. Бутовскаго, было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что около этого времени я написалъ книгу объ акціонерныхъ законахъ разныхъ странъ. Въ моемъ сочиненіи я проводилъ мысль о явочной системѣ. Я стремился доказать вредное вліяніе существующей концессіонной системы, обусловливающей каждое образованіе акціонерной компаніи спеціальнымъ разрѣшеніемъ правительства, системы, какъ бы возлагающей отвѣтственность на правительство, за каждое образующееся акціонерное общество, хотя въ дѣйствительности правительство совершенно не можетъ ручаться за солидность будущаго веденія дѣла утверждаемымъ имъ обществомъ. Напротивъ, при установленіи общихъ условій регистраціи, обязательныхъ къ исполненію при образованіи всякой компаніи и между прочимъ требованія полной оплаты акцій въ теченіе опредѣленнаго времени— акціонерное дѣло могло бы быть поставлено на болѣе здоровую ногу; особенно устранилась бы столь вредная спекуляція, основанная на неполной оплатѣ акцій, распространившаяся у насъ въ послѣднее время и причинившая не мало вреда. Мысль моя была отчасти принята комиссіей, но ея труды залежались, министръ какъ-то не рѣшался внести проектъ новаго акціонернаго закона въ Государственный Совѣтъ. Послѣ того въ департаментѣ торговли нѣсколько разъ принимались еще за выработку акціонернаго закона, но каждый разъ безъ результата. Нынѣ (1903) былъ опять составленъ подобный проектъ, во время управленія департаментомъ Ковалевскаго,—но получитъ ли онъ утвержденіе—еще вопросъ.

Въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ долженъ былъ состояться международный статистическій конгрессъ, и потому была образована подготовительная комиссія для разработки предварительнаго матеріала, въ которой я также принималъ участіе. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ назначенъ С. А. Грейгъ, всѣмъ же дѣломъ распоряжался главнымъ образомъ П. П. Семеновъ, состоявшій тогда предсѣдателемъ статистическаго совѣта мин. вн. дѣлъ. Секретаремъ конгресса предполагалось назначить А. Б. фонъ Бушена, извѣстнаго своими статистическими работами не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ, человѣка необыкновенно умнаго и энергичнаго. Но секретарь никакъ не могъ ладить съ предсѣдателемъ подготовительной комиссіи П. П. Семеновымъ. Уже прежде между ними существовало нѣкоторое соперничество,—теперь же при общемъ дѣлѣ Бушенъ никакъ не могъ подчиниться руководительству Семенова, во многихъ частныхъ вопросахъ былъ различнаго съ нимъ мнѣнія и, наконецъ, кончилось тѣмъ, что онъ отказался отъ секретарства еще до начала конгресса. Петръ Петровичъ предложилъ мнѣ взять на себя эту роль, но по разнымъ соображеніямъ я отклонилъ это предложеніе. Тогда Петръ Петровичъ обратился къ И. И. Вильсону, также извѣстному своими учеными работами и принимавшему участіе въ предъидущихъ конгрессахъ. И. И. Вильсонъ согласился принять на себя званіе секретаря и при его скромномъ и укладистомъ характерѣ, дѣло пошло совершенно удовлетворительно.

Лѣтомъ 1871 г. состоялась моя помолвка съ Софіею Александровною Фольбортъ.

Осенью я отправился съ матушкою и сестрами за границу въ Италію; мы провели нѣсколько недѣль на морскихъ купаньяхъ въ Пегли около Генуи, откуда часто посѣщали этотъ красивый и интересный городъ. Генуя изобилуетъ старинными дворцами мѣстной аристократіи, наполненными произведеніями живописи и искусства. Самое положеніе Генуи на берегу моря весьма красиво; около всего города, вдоль морского берега, тянется эспланада, родъ бульвара, представляющая при каждомъ поворотѣ неожиданно красивые виды. Это гулянье, называемое Aqua Sola, составляетъ одну изъ главныхъ красотъ города. Въ Пегли мы познакомились со старикомъ Фонтономъ, бывшимъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, который, послѣ выхода въ отставку, совершенно поселился въ Италіи. Этотъ замѣчательный и чрезвычайно умный старикъ жилъ почти отшельникомъ, мы съ нимъ однако очень сблизились и постоянно пользовались его пріятнымъ обществомъ. Онъ водилъ насъ гулять по окрестностямъ Пегли, ему хорошо извѣстнымъ, знакомя насъ съ красотами мѣстной природы.

1-го января 1872 г., какъ уже сказано, я былъ назначенъ наконецъ членомъ совѣта министра финансовъ и былъ очень доволенъ окончательно распроститься съ таможеннымъ департаментомъ.

Въ февралѣ состоялась моя свадьба. Послѣ свадьбы мы отправились съ женою на два мѣсяца за границу. Черезъ Берлинъ и Вѣну мы направились въ Италію, посѣтили Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, Сорренто, наслаждаясь вмѣстѣ чудною природою этихъ городовъ, произведеніями искусства и историческими воспоминаніями, которыми они такъ богаты. Проѣзжая черезъ Берлинъ, мы встрѣтились съ А. Г. Рубинштейномъ. Тамъ предстоялъ его концертъ, но всѣ билеты были уже распроданы и только благодаря любезности Антона Григорьевича, который предоставилъ намъ два отдѣльныхъ мѣста въ залѣ, намъ удалось присутствовать на этомъ интересномъ концертѣ. Въ Петербургѣ Рубинштейна всегда встрѣчали громкими апплодисментами, но такого энтузіазма, какъ въ Берлинѣ, я не встрѣчалъ даже и у насъ. Вся зала, наполненная самою изящною аристократическою публикою, дрожала отъ апплодисментовъ и криковъ браво, расточаемыхъ нашему геніальному виртуозу.—Послѣ концерта Рубинштейнъ пригласилъ насъ на ужинъ въ ресторанѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ артистовъ и знакомыхъ. Впечатлѣнія берлинскаго концерта неизгладимо сохранились въ моей памяти.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью состоялся статистическій конгрессъ. Кромѣ ученыхъ занятій, какъ и на всѣхъ конгрессахъ, были устроены разныя увеселительныя прогулки для членовъ конгресса. Ихъ возили въ Павловскъ, въ Петергофъ, показывали имъ дворцы, угощали обѣдами и завтраками и т. п. Помню особенно интересный вечеръ у великой княгини Елены Павловны въ Михайловскомъ дворцѣ. За мое участіе въ статистическомъ конгрессѣ я получилъ орденъ Св. Анны первой степени. Около этого же времени я получилъ отъ прусскаго правительства звѣзду краснаго орла. Этотъ орденъ былъ мнѣ переданъ прусскимъ посломъ княземъ Рейсомъ, съ указаніемъ, что этимъ отличіемъ онъ желалъ мнѣ выказать признательность прусскаго правительства за мои справедливыя отношенія къ интересамъ прусской торговли во время моей бытности вице-директоромъ и управляющимъ департаментомъ таможенныхъ сборовъ. Нисколько не теряя изъ вида нашихъ собственныхъ интересовъ, я всегда считалъ возможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы не затрагивались, оказывать снисхожденіе прусскимъ ходатайствамъ, которыя большею частью заключались въ просьбахъ о смягченіи или сложеніи разныхъ таможенныхъ штрафовъ, которымъ нерѣдко подвергались прусскіе торговцы;

я не встрѣчалъ къ тому препятствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда выяснялось, что неточность товарнаго объявленія происходила явно по ошибкѣ, а не съ намѣреніемъ обмана; я считалъ долгомъ, сколько отъ меня зависѣло въ моей скромной сферѣ дѣятельности, дѣлать возможное для поддержанія хорошихъ отношеній съ сосѣднею страною. Сознаюсь, что высказанная мнѣ по этому случаю признательность прусскаго правительства доставила мнѣ истинное удовольствіе.

Мое семейное счастіе продолжалось не долго, менѣе трехъ лѣтъ. Въ началѣ слѣдующаго года моя жена заболѣла. Для поправленія ея здоровья, я осенью взялъ отпускъ, и мы отправились на лѣченіе въ Вильдунгенъ и затѣмъ на берегъ Женевскаго озера. Мы помѣстились въ живописной гостиницѣ „Байронъ", лежащей около Вильнева, на берегу озера, противъ знаменитаго Шильонскаго замка, описаннаго Байрономъ въ его стихотвореніяхъ. Здѣсь мы провели около полугода. Въ Вильдунгенѣ мы познакомились съ американскимъ семействомъ Вильямсъ, въ которомъ мы нашли очень пріятныхъ собесѣдниковъ, такъ что мы вскорѣ очень съ ними сблизились. Вильямсъ представлялъ рѣдкій типъ американскаго джентльмена. Такія личности встрѣчаются среди американцевъ не очень часто, но за то они крайне симпатичны, соединяя въ себѣ всѣ достоинства энергическаго американскаго характера, безъ обычныхъ недостатковъ янки. Замѣчательно, что и въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ въ нѣкоторой степени аристократическій классъ, это потомки англійскихъ семействъ, первоначально переселившихся въ Америку. Издается даже особенная книга, родъ Готскаго календаря, въ которомъ перечислены потомки этихъ семействъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Быть занесеннымъ въ этотъ фамильный альманахъ считается тамъ большимъ почетомъ. Этотъ небольшой кругъ лицъ (къ которому принадлежалъ и Вильямсъ) составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ какъ бы особую группу высшаго сословія, фактически существующаго, въ родѣ Фобура Сенъ-Жермена въ Парижѣ. Богачи милліонеры, большею частію вышедшіе изъ самаго низшаго класса рабочихъ и часто мало образованные, несмотря на роскошный образъ жизни, не пользуются у себя дома особеннымъ почетомъ, и потому большею частью ихъ семейства предпочитаютъ жить въ Европѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ ихъ колоссальное богатство открываетъ имъ доступъ во всѣ сферы общества и даетъ имъ возможность заключать браки съ высокотитулованными лицами. Какъ я уже замѣтилъ, мы сошлись очень близко съ семействомъ Вильямсъ и впослѣдствіи находились нѣкоторое время въ дружеской перепискѣ.

Здоровье жены поправлялось очень медленно и потому, когда кончился мой отпускъ, все еще немыслимо было ѣхать съ нею обратно въ Россію. Я рѣшился потому оставить ее на берегу Женевскаго озера и возвратиться одинъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ 1874 года. Разставаться съ больною, любимою женою было очень тяжело, и я въ грустномъ настроеніи отправился въ обратный путь.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, пріѣхалъ туда австрійскій императоръ и, подъ вліяніемъ взаимно дружественнаго настроенія двухъ державъ, было рѣшено, для большаго сближенія между ними, заключить нѣчто въ родѣ торговой конвенціи между Россіей и Австріей, въ цѣляхъ сближенія взаимныхъ торговыхъ сношеній.

Веденіе переговоровъ по этому поводу съ австрійскими делегатами было возложено М. Х. Рейтерномъ на меня, при участіи еще нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства финансовъ, которые по этому поводу были ко мнѣ прикомандированы.

Такъ какъ пріѣздъ австрійскихъ делегатовъ нѣсколько замедлился, а между тѣмъ наступали праздники Пасхи, то у меня родилась мысль съѣздить на нѣсколько дней въ Швейцарію, чтобы повидаться съ женою. Министръ изъявилъ на это согласіе, и я уже собирался въ путь, какъ вдругъ было получено извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ австрійцевъ. При такихъ условіяхъ, Рейтернъ считалъ, что мнѣ неудобно уѣзжать даже на короткое время, въ самый моментъ ихъ пріѣзда. Нечего было дѣлать, пришлось отказаться отъ исполненія желаннаго проекта, о чемъ я тѣмъ болѣе сожалѣлъ, что пріѣздъ уполномоченныхъ все же замедлился на нѣсколько дней, такъ что въ сущности я успѣлъ бы съѣздить и вернуться обратно къ ихъ прибытію.

Наконецъ австрійскіе делегаты прибыли, и наши переговоры начались. Мы имѣли рядъ засѣданій, но дѣло двигалось очень медленно. Задача наша была дѣйствительно не легкая. Я замѣтилъ выше, что имѣлось въ виду нѣчто въ родѣ торговаго договора. Эта неопредѣленность задачи съ самаго начала и составляла главную ея трудность.

Въ настоящее время почти всѣ европейскія державы связаны между собою торговыми договорами, основанными на взаимныхъ облегченіяхъ въ таможенномъ тарифѣ, но въ то время наше правительство твердо и абсолютно держалось системы автономнаго тарифа, не допуская возможности какихъ-либо соглашеній на этой почвѣ. Считалось безусловно необходимымъ сохранять полную, не стѣсненную никакими соглашеніями съ другими державами, свободу

въ распоряженіяхъ внутренней таможенной политики. При такомъ господствовавшемъ у насъ воззрѣніи, облегченіе торговыхъ сношеній съ Австріею могло касаться только упрощенія таможенныхъ формальностей, увеличенія числа и компетенціи пограничныхъ пунктовъ и вообще всякихъ облегченій въ пограничныхъ сношеніяхъ. Но австрійскіе делегаты желали большаго и потому, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, нашли нужнымъ обратиться къ своему правительству за новыми инструкціями. Проходили дни, даже недѣли, мы все ожидали присылки испрошенныхъ инструкцій, а онѣ не приходили. Между тѣмъ я уже имѣлъ разрѣшеніе немедленно по окончаніи переговоровъ уѣхать къ женѣ за границу. Безконечное ожиданіе, которому не предвидѣлось предѣла, при такихъ условіяхъ, выводило меня окончательно изъ терпѣнія; наконецъ я рѣшился дѣйствовать самостоятельно. До сихъ поръ во всѣхъ дѣлахъ я большею частью въ существенныхъ вопросахъ игралъ только роль исполнителя указаннаго начальствомъ хода дѣла. Теперь же, выведенный изъ терпѣнія, я рѣшился предложить proprio motu австрійскимъ делегатамъ, такъ какъ они все не получали новыхъ инструкцій, отложить переговоры до осени, чтобы дать имъ возможность лично доложить своему правительству о ходѣ дѣла и затѣмъ уже получить новыя инструкціи. Они сейчасъ же согласились на мое предложеніе, потому что ихъ положеніе, при отсутствіи необходимыхъ инструкцій, было весьма неловкое, и мы такъ и порѣшили. Рейтерну я доложилъ уже о состоявшемся рѣшеніи и мое распоряженіе не вызвало никакого возраженія съ его стороны. Австрійцы уѣхали, и наши переговоры возобновились только въ слѣдующемъ году въ Вѣнѣ, гдѣ мнѣ удалось привести ихъ къ удовлетворительному окончанію.

Главныя уступки со стороны Австріи заключались въ разныхъ существенныхъ облегченіяхъ при провозѣ нашего скота. Рейтернъ меня благодарилъ за достигнутые результаты и прибавилъ при этомъ, что онъ самъ не могъ бы лучше устроить это дѣло.

Вслѣдъ за состоявшимся рѣшеніемъ отложить переговоры до осени, я уѣхалъ за границу. Здоровье жены, повидимому, нѣсколько улучшилось, но полнаго возстановленія здоровья не оказывалось. Въ маѣ мы вернулись въ Петербургъ и провели лѣто на дачѣ въ Парголовѣ, при постоянныхъ колебаніяхъ въ положеніи здоровья жены, между надеждой и опасеніями. По возвращеніи въ городъ, къ прежнему недугу присоединилась еще скоротечная чахотка, и моя жена скончалась 2-го декабря 1874 года.

Моя брачная жизнь продолжалась всего не полныхъ три года съ февраля 1872 года по декабрь 1874 г.

Со смертію моей жены совершился какъ бы переломъ въ моей духовной жизни. Трудно описать то чувство пустоты, которое охватило меня въ первое время послѣ моего несчастія и которое довольно долго лежало тяжелымъ гнетомъ на моей внутренней жизни. Какъ будто ничего уже не существовало, что могло бы возбудить во мнѣ какой-либо интересъ; ко всему я относился совершенно безучастно.

Во время послѣдней болѣзни моей жены меня иногда нѣсколько тяготило то, что уходъ за нею, которому я посвящалъ все мое время, меня отвлекъ отъ обычныхъ дѣлъ и занятій. А теперь—что бы я далъ за то, чтобы сидѣть у постели больной жены и посвящать себя уходу за ней—теперь, когда всѣ интересы жизни представлялись мнѣ суетой, безъ всякаго для меня содержанія и безъ всякой для меня цѣны. Чтобы нѣсколько сосредоточиться въ моемъ духовномъ настроеніи и сохранить память тѣхъ мыслей и ощущеній, которыя наполняли меня въ это многознаменательное для меня время, я съ 1875 года сталъ вести журналъ, занося въ него, особенно вначалѣ, преимущественно все то, что затрогивало мою внутреннюю жизнь. На первой страницѣ журнала я выставилъ эпиграфомъ слова французскаго философа Ревиля „Finitum non est capax infiniti"—какъ выраженіе моего тогдашняго воззрѣнія.

Чтеніе, служебныя дѣла и т. п. занятія временно отвлекали меня отъ гнетущей меня печали, но когда удавалось такимъ образомъ на короткое время забыться и освободиться отъ тяготѣвшаго на мнѣ тяжелаго чувства печали и полной безнадежности, то послѣ того всегда слѣдовало пробужденіе прежняго тяжелаго настроенія, которое затѣмъ казалось мнѣ только еще болѣе невыносимымъ. Нерѣдко, особенно въ первое время, мнѣ случалось видѣть умершую жену во снѣ. И каждый разъ мысль, что она жива, что мы не разлучены съ нею на всю жизнь, возбуждала во мнѣ такое чувство высшаго блаженства, которое трудно описать—чувство чистѣйшей, идеальной любви, чувство, поглощающее всего человѣка и не оставляющее больше ничего желать. Если подобное идеальное настроеніе духа ожидаетъ насъ послѣ смерти, въ той жизни, то становится понятнымъ то загробное блаженство, о которомъ говоритъ священное писаніе. Повидимому, ощущенія, которыя покоятся въ глубинѣ души, проявляются во снѣ съ особенною интенсивностью,—вслѣдствіе того, что душа не отвлекается никакими внѣшними впечатлѣніями, никакими частностями обычной жизни, и вотъ почему эти ощущенія достигаютъ во снѣ такой силы и такой глубины, до которой они никогда не доходятъ на яву. Естественно, что послѣ того утреннее пробужденіе, поставлявшее меня лицомъ къ лицу съ печальною дѣйствительностію, было особенно тягостно.

Я не искалъ однако того, что называется развлеченіемъ, я не желалъ забыть; напротивъ того, самая печаль и все то, что напоминало мнѣ прежнее время, было для меня дорого. „Есть два способа, говоритъ швейцарскій богословъ Vinnet,—думать о любезномъ существѣ, которое уже не находится въ живыхъ,—воспоминаніе и надежда. Первое, т. е. воспоминаніе, повергаетъ въ печаль и сожалѣніе, а второе, т. е. надежда, возвышаетъ духъ и даетъ силу переносить жизнь съ нѣкоторымъ спокойствіемъ и нѣкоторымъ достоинствомъ послѣ такой утраты. Но и то и другое между собою связано неразрывно,—по мѣрѣ освобожденія воспоминанія, и надежда должна терять свою интенсивность и ослабѣвать въ своемъ воздѣйствіи на жизнь. И вотъ почему истинная любовь не только не ищетъ развлеченія и забвенія, а напротивъ того, дѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить воспоминаніе столь живымъ, сколь возможно“.

Я никогда не могъ понять, какъ нѣкоторые люди, послѣ смерти любимаго существа, стараются убить печаль забвеніемъ прошлаго, переѣзжаютъ на новую квартиру и удаляютъ отъ себя все, что могло бы напоминать имъ о прошломъ—я, напротивъ того, только въ воспоминаніи о прошломъ находилъ въ то время нѣкоторое облегченіе.

Въ поискахъ за занятіемъ, которое, не представляя обычнаго развлеченія, было бы въ гармоніи съ моимъ настроеніемъ и могло бы чѣмъ-либо наполнять мое существованіе, я принялся за чтеніе сочиненій философско-религіознаго настроенія, надѣясь найти въ нихъ подтвержденіе существованія будущей жизни и надежды встрѣтиться за гробомъ съ тѣми близкими нашему сердцу личностями, съ которыми мы навсегда разстались въ этой жизни. Чисто религіозныя книги не имѣли въ то время на меня убѣждающаго вліянія, и потому я сталъ искать разрѣшенія поглощавшихъ меня мыслей и сомнѣній въ философіи.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ у меня проявлялось влеченіе къ религіозному настроенію, соединенное со скептическимъ отношеніемъ ко всему сверхъестественному—не допускавшими меня до дѣйствительно вѣрующаго настроенія. Помню, что когда я еще былъ мальчикомъ, лѣтъ кажется пяти-шести, я однажды разсматривалъ картины иллюстрированной библіи, ко мнѣ подошелъ мой дѣдъ пасторъ Фольбортъ и сталъ мнѣ разсказывать о страданіи, смерти и воскресеніи Іисуса Христа, и о томъ, что, какъ повѣствуетъ Ап. Матѳей (27,—52, 53), въ моментъ его смерти гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли. Во время этого разсказа у меня уже тогда, у пятилѣтняго мальчика, являлось со-

мнѣніе—какъ это могло быть, что гробы разверзлись, и тѣла мертвыхъ воскресли. Точно также и впослѣдствіи, смотря на изображеніе воскресенія Спасителя, на иконахъ въ церкви, я мучился сомнѣніемъ—какъ это могло произойти.

Нельзя не сознаться, что намъ, людямъ 19 и 20 вѣка, вѣра должна даваться труднѣе, чѣмъ людямъ, жившимъ во времена явленія Спасителя. Тогда люди воображали, между прочимъ, что земля одна и составляетъ главную часть міра, что покоющееся надъ нею небо является мѣстомъ пребыванія Бога и Святыхъ, а потому и мысль о будущей жизни на небѣ для праведниковъ и въ преисподней для грѣшниковъ—не представляла ничего необычайнаго и мирилась съ господствовавшими понятіями. Мы же знаемъ, что то, что намъ кажется небомъ—есть безпредѣльное пространство, что звѣзды, казавшіяся людямъ нѣкогда свѣтилами для земли, такія же тѣла, какъ и наша земля, и т. п. При такихъ условіяхъ вѣра въ наше время можетъ быть только дѣломъ сердца, которое одно въ состояніи побороть сомнѣнія нашего ума, просвѣщеннаго новѣйшими познаніями о строеніи міра.

Уже въ зрѣломъ возрастѣ мнѣ попалась между прочимъ книга Бюхнера „Kraft und Stoff"; прочитавъ ее съ интересомъ, я однако не убѣдился ея матеріалистическою тенденціею, потому что какое-то внутреннее чувство всегда влекло меня болѣе въ сторону духовнаго идеализма. Помню, что, прочитавъ книгу Бюхнера, я пришелъ однако къ заключенію, что какъ бы душа ни желала проникнуть въ тайны жизни, намъ все будущее сокрыто; между тѣмъ если бы Богу угодно было, чтобы мы восприняли дѣйствительно все то, что преподаетъ намъ религіозное вѣрованіе, то вѣроятно Богъ раскрылъ бы передъ нами, что совершится за предѣлами сей жизни; такъ какъ однако Богу не угодно было открыть намъ явственно что-либо въ этомъ отношеніи, то вѣроятно, согласно божественной же воли, слѣдуетъ спокойно ожидать того, что намъ предстоитъ въ будущей жизни.

Тогда я окончательно остановился на указанномъ заключеніи религіознаго индифферентизма—положивъ его какъ бы въ основаніе моего духовнаго настроенія. Пока жизнь текла обычнымъ порядкомъ, и никакія потрясенія не нарушали спокойнаго ея движенія, выработавшійся во мнѣ религіозный индифферентизмъ, далекій однако отъ матеріализма, меня вполнѣ удовлетворялъ, и я на немъ окончательно успокоился. Но когда меня поразилъ жестокій ударъ судьбы, когда послѣ смерти жены я пришелъ въ настроеніе, лишенное всякой надежды, и впалъ въ какое-то сухое отчаяніе, во

мнѣ явилась потребность въ духовной опорѣ, которой я не могъ найти въ прежнемъ моемъ образѣ воззрѣнія.

Я сталъ вдумываться въ вопросы о цѣляхъ и значеніи жизни. Г-жа Гаспаріенъ (Gasparin) говоритъ гдѣ-то: „la vie est un combat continuel entre le visible et l'invisible". Какъ это справедливо! Человѣкъ окруженъ видимою природою и видимыми проявленіями жизни,—другихъ проявленій онъ не видитъ. Между тѣмъ духовная его природа, не удовлетворяющаяся матеріальнымъ бытомъ, говоритъ ему о духовномъ мірѣ и вызываетъ стремленія къ верху, въ область, лежащую внѣ видимаго міра; отсюда сомнѣнія и постоянная борьба между видимымъ и невидимымъ, между осязаемымъ и неосязаемымъ. Вотъ почему не легко дается жизнь человѣку, который стремится дать себѣ отчетъ въ значеніи жизни и устроить сообразно съ этимъ свой образъ жизни.

Весьма естественно, что при такомъ настроеніи меня много занимала мысль о смерти. Обдумывая то состояніе, въ которомъ человѣкъ можетъ находиться въ этотъ конечный моментъ жизни, я приходилъ къ заключенію, что не слѣдуетъ желать смерти, не слѣдуетъ призывать ее, потому что это было бы неестественно и неискренно, хотя бы потому, что смерти предшествуютъ страданія болѣзни, къ которымъ нельзя относиться равнодушно,—но что слѣдуетъ всегда быть готовымъ разстаться съ жизнію. Размышляя о страхѣ смерти и приводя себѣ на память спокойную кончину многихъ людей и особенно нѣжныхъ и слабыхъ женщинъ, которыя бы особенно должны были страшиться этого роковаго момента, я объяснялъ себѣ такое явленіе слѣдующимъ образомъ.

Пока человѣкъ исполненъ свѣжихъ силъ и жизненности, мысль о смерти, о прекращеніи земного существованія невольно должна дѣйствовать на него устрашающимъ образомъ, ибо смерть есть отрицаніе жизни—а жить естественная наша потребность, какъ бы ни слагались условія жизни. Потому правдивый передъ собою человѣкъ не можетъ не сознавать, что къ идеѣ о смерти неестественно ему относиться безучастно. Когда же настаетъ послѣдняя болѣзнь, и приближается дѣйствительный моментъ смерти, то происходитъ постепенное ослабленіе силъ и умаленіе чувства жизненности. Такимъ образомъ, естественно устраняется противоположность между ощущеніемъ жизненной силы и ожиданіемъ ея прекращенія. Смерть, являясь окончаніемъ физическихъ страданій болѣзни, представляется выраженіемъ покоя, а для вѣрующаго человѣка еще и началомъ лучшаго загробнаго существованія, хотя это будущее въ нашихъ понятіяхъ и не можетъ найти себѣ какого-либо опредѣленнаго

представленія. Подобныя соображенія подкрѣпляли меня въ убѣжденіи, что не слѣдуетъ ни желать, ни бояться смерти[1]).

Замѣчательно, что около этого времени мнѣ пришлось услышать съ разныхъ сторонъ какъ бы увѣщанія, направленныя къ тому, чтобы поддержать и укрѣпить меня въ этомъ настроеніи.

Какъ-то утромъ, около новаго года, ко мнѣ зашелъ мой родственникъ пасторъ Газеньегеръ и говорилъ со мною въ этомъ смыслѣ, указывая, что я имѣю обязанности къ роднымъ и близкимъ, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Въ то же утро я зашелъ въ Казанскій соборъ и случайно выслушалъ тамъ проповѣдь на ту же тему. Священникъ говорилъ, что не слѣдуетъ забывать о смерти; сколько изъ слушающихъ его не доживутъ, быть можетъ, до слѣдующаго года, но что при этомъ не слѣдуетъ устраняться отъ житейскихъ дѣлъ, употребляя остающееся намъ время такъ, чтобы быть всегда готовымъ встрѣтить послѣднюю минуту. Въ тотъ же день, по дорогѣ я зашелъ въ лютеранскую церковь, и опять же мѣстный пасторъ Ф. говорилъ на ту же тему—а именно, что печаль должна приготовлять человѣка къ достойной встрѣчѣ исхода жизни, но что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо совѣстливо и серьезно относиться къ своимъ дѣламъ и занятіямъ, исполняя все время свои обязанности внимательно, слѣдуя примѣру Христа, вся жизнь котораго была исполнена дѣятельностію на пользу ближнихъ.

Все это какъ будто именно было сказано по моему адресу; такое совпаденіе случайности съ занимавшими меня мыслями произвело на меня нѣкоторое впечатлѣніе.

Какъ уже выше сказано, въ это время я искалъ и нерѣдко находилъ то утѣшеніе, котораго еще не могла мнѣ дать религіозная вѣра, въ занятіи духовно-философскими мыслями.

Въ одной изъ книжекъ „Revue des Deux Mondes“, лежавшихъ на моемъ столѣ, я нашелъ статью Vacherot о философіи. Мнѣ показалось, что спиритуалистическая философія этого писателя отвѣчаетъ моему настроенію, я пріобрѣлъ его посмертныя сочиненія и сталъ читать его съ увлеченіемъ. Почти съ первой страницы я нашелъ уже массу высокихъ и благородныхъ мыслей и выраженіе

---

[1]) Однажды за границей, чувствуя себя нездоровымъ, страдая, я долго не могъ заснуть ночью; когда затѣмъ болѣзненныя ощущенія прошли, у меня, осталось только чувство глубокой усталости и утомленія, но это чувство было исполнено какого-то покоя и пріятнаго настроенія; я чувствовалъ себя какъ-бы отрѣшеннымъ отъ всего и въ такомъ мирномъ настроеніи, что мнѣ казалось, что при такомъ настроеніи можно спокойно встрѣтить смерть; въ этомъ ощущеніи мирнаго покоя было какъ бы предчувствіе состоянія души въ будущей жизни.

надежды на будущую жизнь. Затѣмъ я сталъ читать философскія статьи Reville'я (его слова—finitum non est capax infiniti, поставленныя во главѣ моего журнала), Méditation sur la Réligion Гизо и цѣлый рядъ подобныхъ философскихъ трудовъ.

Книга Гизо, отъ которой я много ожидалъ, меня мало удовлетворила. Сухія логическія соображенія въ области догматики мало убѣдительны. Jannet справедливо говоритъ по поводу разсужденія Гизо „la dogmatique est la métaphysique de la réligion et non la réligion elle-même".

Но за то мнѣ особенно понравился Réville въ его статьѣ Le sentiment réligieux (Rv. d. D. M.). Привожу изъ нея нѣсколько строкъ, которыя, какъ мнѣ казалось, совпадали съ тѣми мыслями, которыя, хотя и далеко не такъ ясно, были у меня самого по этому вопросу.

„Религіозное чувство требуетъ настойчиво соединенія понятія о высшей реальности, причины и поддержки всего существующаго съ понятіемъ духовнаго совершенства въ одномъ сознательномъ существѣ, которое есть Богъ. Можетъ ли такое чувство обманывать? Инстинктъ, непроизвольное стремленіе, естественное чаяніе души— все это требуетъ дѣйствительно существующаго объекта, вызывающаго эти невольныя стремленія. Тѣмъ хуже для метафизиковъ, если они не въ состояніи преклониться передъ этой потребностію человѣческаго существа. Религіозное чувство сознаетъ, что оно сильнѣе ихъ логики. Религіозное чувство подсказываетъ намъ, что понятіе о Богѣ охватываетъ универсальное существованіе, возвышается надъ этою универсальностью, предходя ей какъ начало (принципъ), проникая ее, какъ активная сила, господствуя надъ нею какъ высшій идеалъ. При такомъ воззрѣніи можно говорить, что міръ исходитъ отъ Бога, пребываетъ въ Богѣ и восходитъ къ Богу. Только при такомъ воззрѣніи, поразительное по своему распространенію религіозное чувство человѣчества получаетъ смыслъ и разумное основаніе (raison d'être). Если бы этого не было, то можно бы сойти съ ума, созерцая міровую исторію. Какимъ парадоксальнымъ казалось бы устройство вселенной,—если бы признать въ ней развитіе начала безличнаго, безсознательнаго и несовершеннаго,— начала, которое, послѣ милліардовъ эволюцій, дошло до созданія человѣческаго ума, и организовало этотъ умъ такимъ образомъ, что онъ созерцаетъ внутри себя обманчивый миражъ совершенства, который является неизвѣстно откуда, такъ какъ само міровое начало имъ не обладаетъ....“

Все это убѣдительно, хотя и не ново, но на меня эти сужденія производили тогда глубокое впечатлѣніе.

Около этого же времени мнѣ попалась въ руки книга Briefe an eine Freundin von W. von Humboldt—письма, писанныя послѣ смерти жены Гумбольдта. Отвлеченно религіозныя соображенія, высказываемыя Гумбольдтомъ въ моментъ жизни, соотвѣтствующій тому, въ которомъ я именно находился—нашли глубокій отзывъ въ моей душѣ и полезно повліяли на мое настроеніе.

Считаю не безъинтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этой замѣчательной книги.

„Человѣкъ, проводящій всю жизнь въ обществѣ людей,—совершаетъ одинокимъ переходъ изъ сей жизни въ будущую. Никто на этомъ пути сопровождать его не можетъ, хотя всѣмъ присуща надежда встрѣтить за предѣлами гроба какъ тѣхъ, которые ранѣе насъ оставили эту жизнь, такъ и тѣхъ, которые послѣ насъ остались на землѣ. Ни одинъ сердечный человѣкъ не можетъ обойтись безъ этой надежды, даже безъ этого положительнаго вѣрованія, не отказавшись отъ главнаго вожделѣнія того, что онъ считаетъ счастіемъ жизни. Мы находимъ указанія на осуществленіе такой надежды и въ священномъ писаніи; эти указанія составляютъ одну изъ самыхъ утѣшительныхъ основъ христіанскаго ученія. Стремленіе къ истинѣ, добру и прекрасному облагораживаетъ душу, но какую цѣну имѣетъ и это стремленіе безъ сочувствующей души, съ которой можно бы дѣлить это чувство? Точно также созерцаніе Бога и вѣчной истины, въ чемъ должно заключаться состояніе души послѣ смерти, можетъ быть только усилено сочувствіемъ существа, которое человѣкъ искренне и глубоко любилъ и съ которымъ до самаго момента смерти онъ былъ соединенъ мыслями и сердцемъ.

„Природа продолжаетъ свой круговоротъ, не обращая вниманія на то, что творится въ людяхъ. Какое бы горестное и болѣзненное происшествіе съ нами ни случилось, природа продолжаетъ свое теченіе съ кажущимися равнодушіемъ и безчувствіемъ. Въ моментъ, когда человѣкъ пораженъ глубокою печалію, это дѣйствуетъ на него поразительно удручающимъ образомъ, приводя его почти въ оцѣпенѣніе. Но какъ скоро его взоръ обращается далѣе, къ общему порядку вселенной, и душа его переходитъ къ настроенію, достойному мыслящаго человѣка, т. е. къ спокойному преданію своей судьбѣ (Ergebenheit in sein Schicksal), тогда именно этотъ вѣчный неизмѣнный круговоротъ природы получаетъ для него нѣчто утѣшительное и успокоительное. Человѣкъ начинаетъ сознавать, что даже въ сей жизни есть нѣчто твердое, неизмѣнное въ теченіи явленій, онъ начинаетъ сознавать, что онъ самъ входитъ въ составъ великаго порядка природы, который ничѣмъ не нарушается, и приходитъ къ убѣжденію, что этотъ порядокъ долженъ потому вести

несомнѣнно къ чему-то высшему, къ какому-то конечному пункту, въ которомъ всѣ сомнѣнія разрѣшаются, и всѣ казавшіеся прежде въ рѣзкомъ диссонансѣ между собою тоны сливаются въ общую гармонію... Если признавать вмѣстѣ съ тѣмъ, что природа не есть то всеобщее существо, которое соединяетъ въ себѣ весь вещественный и духовный міръ—если смотрѣть на нее, какъ на выраженіе матеріи и силы, дѣйствующихъ по промыслу Создателя, то приходишь къ заключенію, что человѣкъ не составляетъ принадлежности природы, что ей принадлежитъ только его тлѣнное тѣло, самъ же человѣкъ, его высшее и настоящее существо выходитъ изъ границъ естественной природы и пріобщается къ нѣкоторому высшему порядку вещей...

„Мы испытываемъ только то, что принадлежитъ къ естественному ходу вещей; для людей, которые вмѣстѣ проводили жизнь, неизбѣжно долженъ настать моментъ, когда имъ предстоитъ разлука, и Гумбольдтъ стремится только привести себя въ равновѣсіе съ условіями того періода жизни, въ который онъ поставленъ судьбою (т. е. успокоиться и мирно подчиниться своей судьбѣ), считая это высшею и первою обязанностію человѣка. У людей съ сильнымъ и благороднымъ характеромъ печаль остается вѣчною; только слабохарактерные люди могутъ утверждать, что печаль стушевывается временемъ... Одинъ родъ исчезаетъ и замѣняется другимъ, такимъ образомъ какъ бы уничтожается индивидуальность существованія—это должно бы погружать людей въ безпомощную глухую скорбь, если бы ихъ не возносило утѣшительное убѣжденіе, что Богъ все направляетъ къ благу каждой отдѣльной личности, принимая въ соображеніе и посмертное существованіе. Создатель могъ поставить человѣка въ міръ только для его личнаго блага. Онъ не могъ предоставить человѣка ни условіямъ постоянной смѣны жизненныхъ организмовъ, подчиненныхъ общимъ естественнымъ законамъ, ни принести отдѣльныя личности въ жертву идеальной цѣли того цѣлаго, которое существовало задолго до каждой отдѣльной личности, и которое будетъ продолжаться послѣ нея; того цѣлаго, которое отдѣльный человѣкъ никогда не въ состояніи ни созерцать, ни охватить полностію. Каждая личность, поставляемая въ міръ, должна бы предназначаться на счастіе, въ смыслѣ внутренняго благополучія, основаннаго на исполненіи обязанностей и на любви. Въ этомъ смыслѣ Божество управляетъ человѣкомъ, любитъ его и удостоиваетъ его охраны. Въ каждой отдѣльной личности покоится цѣль и значеніе ея жизни, и съ этою цѣлію приводится въ соотношеніе и движеніе естественныхъ явленій. Отеческое попеченіе о благѣ каждой отдѣльной личности нигдѣ не выражается

такъ прекрасно и такъ истинно утѣшительно, какъ въ христіанствѣ и Новомъ Завѣтѣ. Въ немъ обрѣтаются простѣйшія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя трогательныя и глубоко захватывающія сердце выраженія въ этомъ смыслѣ...

„Когда совѣтуютъ думать о кончинѣ, то это въ сущности направлено только противъ легкомысленнаго отношенія къ жизни, какъ бы не имѣющей конца. Но за тѣмъ Гумбольдтъ не полагаетъ, чтобы постоянная мысль о смерти и о томъ, что насъ ожидаетъ послѣ смерти, была полезна для души. Убѣжденіе, основанное на довѣріи къ всеобъемлющей любви и справедливости Бога, убѣжденіе, что смерть не можетъ заключать въ себѣ завершеніе состоянія несовершеннаго и не могущаго имѣть въ самомъ себѣ цѣли, а является только переходомъ къ лучшему и высшему состоянію, — это убѣжденіе должно быть такъ присуще человѣку, чтобы ничто не могло его ни на мгновеніе колебать, это убѣжденіе должно служить основаніемъ внутренняго покоя и возвышеннаго стремленія къ неистощаемому источнику утѣшенія въ печали. Вѣруя въ продолженіе жизни за гробомъ и считая встрѣчу въ будущей жизни съ существами, съ которыми мы въ этой жизни были связаны сердечною привязанностію, возможною, Гумбольдтъ не считаетъ однако возможнымъ сосредоточить всѣ свои мысли на этой надеждѣ, ибо человѣческихъ представленій о свойствѣ будущей жизни онъ не желалъ бы себѣ создавать, другія же представленія о ней намъ недоступны. Постоянныя мысли о томъ, въ чемъ могло бы заключаться существованіе послѣ смерти—только отвлекаютъ отъ жизни, сосредоточивая вниманіе на чемъ-то кажущемся, потому что намъ не дано созерцать будущее. Покрывая непроницаемымъ покровомъ то, въ чемъ будетъ заключаться будущее существованіе и оставляя каждаго человѣка въ неизвѣстности относительно момента заключенія его жизни, Богъ указалъ намъ, что Онъ не благоволитъ къ занятіямъ тщетными мыслями и работою воображенія — надъ загробнымъ существованіемъ. Это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ тому, что живущій долженъ принадлежать жизни.

Гумбольдтъ поясняетъ, „что убѣжденіе, что онъ дошелъ до послѣдняго періода жизни, побуждаетъ его только къ тому, чтобы округлить жизнь, сдѣлать изъ нея нѣчто внутренне цѣльное. Доставленіе возможности въ такомъ смыслѣ подготовиться къ смерти, вмѣсто внезапнаго отозванія изъ жизни,—есть благодѣяніе Провидѣнія, благодѣяніе, которымъ слѣдуетъ воспользоваться. Онъ понимаетъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы слѣдовало что-либо сдѣлать или что-либо завершить, а въ смыслѣ внутренней работы надъ собою, въ смыслѣ приведенія своихъ ощущеній въ полную

гармонію, въ смыслѣ содѣланія себя болѣе независимымъ отъ внѣшнихъ вліяній, однимъ словомъ, въ смыслѣ старанія сдѣлаться такимъ, какимъ человѣкъ желалъ бы быть въ моментъ спокойнаго и яснаго душевнаго настроенія.

„Въ этомъ смыслѣ каждому, сколько бы онъ надъ собою ни работалъ, недостаетъ многаго; надъ этимъ приходится трудиться можетъ быть долѣе, чѣмъ даже позволяетъ это продолжительность жизни. Ни на что не слѣдуетъ такъ мало разсчитывать, какъ на свое самообладаніе и свою душевную силу. Но это стремленіе даетъ цѣну жизни даже и тогда, когда человѣка постигло какое-либо несчастіе. Жизнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнее занятіе, дѣйствительная работа во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ положеніяхъ. Эта работа, эти внѣшнія занятія сами по себѣ не имѣютъ особеннаго значенія, но они составляютъ какъ бы нить, къ которой прикрѣпляется все высшее и лучшее въ жизни, это балластъ, безъ котораго корабль на волнахъ жизни не можетъ имѣть твердой осадки...

„Только пройдя чрезъ горнило истинной печали, человѣкъ можетъ сказать, что онъ дѣйствительно испыталъ жизнь. Онъ уже ничего не желаетъ и ничего не опасается въ будущемъ. У кого вся жизнь сосредоточивается, такъ сказать, въ одной мысли, тотъ всѣмъ обладаетъ и ни въ чемъ не нуждается. Разумѣется, если мысль сосредоточивается, такимъ образомъ, на небесномъ и божественномъ, она дѣйствуетъ особенно радостно и успокоительно, но и въ сферѣ здѣшней жизни вѣрная преданность одному чувству —направляется къ тому, что въ земномъ есть неземное, потому что земное само по себѣ не въ состояніи сосредоточить на себѣ души человѣка. И вотъ почему память объ умершихъ является мирнымъ и даже сладкимъ чувствомъ, освобождая человѣка отъ всякаго пожеланія, отъ всякаго безпокойства, какъ бы направляя мысли къ безпредѣльному и содѣйствуя тѣмъ росту душевныхъ силъ.

Такое настроеніе не удаляетъ однако человѣка отъ жизни, но только отнимаетъ жало отъ всѣхъ болѣзненныхъ и непріятныхъ ощущеній, которыми сопровождается каждая жизнь. Воспоминаніе о дѣятельности умершихъ и о томъ, что ихъ интересовало, можетъ даже связывать человѣка съ жизнію, побуждая его трудиться въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ время и вѣчность соединяются въ душѣ человѣка, вызывая въ немъ мирное настроеніе, которое ничѣмъ не можетъ быть нарушено...“

Все вышеизложенное я привожу, чтобы показать то колебаніе въ настроеніи и мысляхъ, то душевное исканіе, которое я пережилъ

въ это время. Въ этихъ мысленныхъ занятіяхъ я искалъ не столько отвѣта на возникавшіе во мнѣ запросы и сомнѣнія, сколько нравственной поддержки и поощренія держаться того образа мыслей, въ которомъ я стремился укрѣпить себя. При этомъ у меня все болѣе и болѣе высказывалась потребность надежды на нѣкоторое руководительство божественнаго Провидѣнія. Какъ ни трудно казалось мнѣ вѣрить въ непосредственное и личное вмѣшательство божественнаго воздѣйствія на жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, но иногда мнѣ казалось, что я замѣчаю какую-то руку, которая меня ведетъ и показываетъ мнѣ путь. Въ случайномъ совпаденіи какъ бы нѣкотораго рода указаній, дававшихся мнѣ извнѣ, на возникавшіе во мнѣ въ данную минуту сомнѣнія и запросовъ, совпаденіи, о которомъ я говорилъ выше,—я стремился усмотрѣть именно такое воздѣйствіе руки Провидѣнія и потому я старался ухватиться за нее и опереться на нее.

Особенно глубокое впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ произвелъ на меня слѣдующій случай, поразившій меня непосредственнымъ исполненіемъ моего вѣрующаго ожиданія.

Размышляя о жизни, я думалъ не только о будущемъ, но и перебиралъ прошедшее, подвергая оцѣнкѣ различные факты и дѣйствія истекшей жизни. Изъ числа прошедшихъ событій былъ одинъ фактъ, который тяжело лежалъ на моей совѣсти, и который по временамъ возникалъ въ моей памяти. Въ тогдашнемъ моемъ настроеніи, онъ вновь представился мнѣ особенно ярко. Лѣтъ пять передъ тѣмъ, возвращаясь со службы на дачу, мой экипажъ задѣлъ, сшибъ съ ногъ проходящаго по улицѣ рабочаго и повидимому переѣхалъ черезъ него. Кучеръ, разумѣется, погналъ лошадей, а я былъ такъ пораженъ этимъ несчастіемъ, что въ первую минуту не рѣшился ничего сдѣлать, чтобы остановить его; мнѣ просто страшно казалось увидѣть раздавленнаго, по винѣ моего кучера, человѣка, тѣмъ болѣе, что въ это время по Каменноостровскому проспекту была усиленная ѣзда. Когда все же у меня явилась мысль, что слѣдовало бы остановиться и поднять пострадавшаго, то мы уже такъ далеко отъѣхали, что я не рѣшился этого сдѣлать. Я пріѣхалъ домой въ ужасномъ нервномъ настроеніи, я былъ просто въ лихорадкѣ, такъ что пришлось даже лечь въ постель. Мысль о случившемся мучила меня и всѣ слѣдующіе дни,—наконецъ я принялся отыскивать въ газетахъ, въ рубрикѣ происшествія дня, свѣдѣніе о случившемся со мною происшествіи. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, я нашелъ въ полицейской газетѣ сообщеніе о томъ, что на Каменноостровскомъ проспектѣ поднятъ въ нетрезвомъ видѣ крестьянинъ съ переломленной ногой, попавшій подъ неизвѣстный эки-

пажъ. Это меня нѣсколько успокоило въ томъ смыслѣ, что пострадавшій не задавленъ и отдѣлался относительно легкимъ поврежденіемъ—переломомъ ноги, а затѣмъ это давало мнѣ возможность оказать ему нѣкоторое пособіе. Я отправился къ Трепову, сообщилъ ему о происшедшемъ и просилъ его приказать передать пострадавшему 50 руб. Сознаюсь, что я не рѣшился лично пойти къ нему въ больницу, опасаясь, что онъ привлечетъ меня къ суду. На этомъ я временно успокоился. Нѣсколько времени спустя, зимою, я встрѣтился съ Треповымъ въ театрѣ, и Треповъ, припомнивъ мое дѣло, разсказалъ мнѣ, что попавшій подъ мой экипажъ крестьянинъ настойчиво добивался узнать мою фамилію, вѣроятно, чтобы начать противъ меня искъ, но что его требованіе не было исполнено. Я не могъ такимъ образомъ не сознавать, что моимъ укрывательствомъ я лишилъ человѣка, пострадавшаго черезъ меня и имѣвшаго законное право искать съ меня удовлетвореніе, — возможности осуществить это право.

Повторяю, что эта мысль меня постоянно мучила, она возникла съ особенною интенсивностью въ указанное время. Я помышлялъ о томъ, какъ бы исправить послѣдствія моего поступка, но не зная, что для этого предпринять, у меня мелькала неопредѣленная надежда, что можетъ быть само Провидѣніе покажетъ мнѣ къ тому путь,—и что же, нѣсколько времени спустя, совершенно для меня неожиданно, этотъ путь дѣйствительно открылся предо мною.

Вотъ что случилось. Около этого времени подъ предсѣдательствомъ Валуева была образована комиссія по рабочему вопросу, и я былъ назначенъ ея членомъ. Въ этой комиссіи я встрѣтилъ Христіановича и сошелся съ этимъ милымъ и благороднымъ человѣкомъ весьма близко. Разъ Христіановичъ сидѣлъ у меня вечеромъ, по случаю совмѣстной работы надъ однимъ изъ комиссіонныхъ вопросовъ—и вотъ мнѣ пришла мысль разсказать Христіановичу, который былъ въ то время правителемъ канцеляріи и фактотумомъ у Трепова, о случившемся со мною около пяти лѣтъ тому назадъ происшествіи и просить его—не можетъ ли онъ черезъ полицію добыть мнѣ свѣдѣніе о дальнѣйшей судьбѣ означеннаго крестьянина. Христіановичъ обѣщалъ мнѣ навести справки и дѣйствительно нѣсколько мѣсяцевъ спустя прислалъ мнѣ записку, заключавшую свѣдѣніе о томъ, что означенное лицо крестьянинъ деревни Щербинино, Новгородской губерніи Петръ Аѳанасьевъ; живетъ онъ въ деревнѣ и неспособенъ къ работѣ по случаю перелома ноги. Какъ ни страшно было думать, что послѣ столькихъ лѣтъ это дѣло опять можетъ возникнуть передъ судомъ, и что мнѣ въ этомъ случаѣ придется отвѣчать не только за оплошность

кучера, но и за собственную вину,—что я покинулъ пострадавшаго по дорогѣ и не оказалъ ему помощи, но, рѣшившись не останавливаться ни передъ какими послѣдствіями, я написалъ Аѳанасьеву, что по случаю случившагося съ нимъ происшествія, когда, бывши въ нетрезвомъ видѣ, онъ попался подъ мой экипажъ, я навелъ о немъ справки и узналъ, что онъ къ работѣ не способенъ, посылаю ему на первый разъ пособіе въ 80 р. и обѣщаю столько же высылать ему ежегодно, вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ ему свой адресъ. Легко представить себѣ, съ какимъ безпокойствомъ я ожидалъ отвѣта. Отвѣтъ наконецъ пришелъ, и Аѳанасьевъ не только не думалъ привлекать меня къ суду, но благодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ я высылалъ ему ежегодно обѣщанное пособіе и каждый разъ получалъ отъ него отвѣтныя письма, въ которыхъ онъ благодарилъ меня и писалъ мнѣ, что молитъ за меня Бога. Въ 1902 году онъ скончался, и я продолжаю высылать нѣкоторое пособіе его вдовѣ.

Такое сочетаніе обстоятельствъ не могло меня не поразить. Именно въ такое время, когда меня особенно удручало вышеуказанное воспоминаніе, и когда во мнѣ шевелилась надежда на помощь Провидѣнія, состоялась комиссія Валуева, я былъ въ нее назначенъ, я тамъ сошелся съ Христіановичемъ, и, наконецъ, благодаря ему, лѣтъ пять послѣ происшествія, удалось разыскать пострадавшаго,—что дало мнѣ возможность изгладить мою вину и стать съ нимъ въ наилучшія отношенія.

Такое удивительное совпаденіе фактовъ укрѣпило во мнѣ надежду на Бога, но все же я былъ еще далекъ отъ истинно вѣрующаго христіанскаго настроенія. Не находя желаемаго утѣшенія въ философіи, я сталъ искать его въ религіи, но и тутъ долго не находилъ того, что я искалъ. Наша православная церковная жизнь отталкивала меня своимъ формализмомъ. Не понимая глубины значенія христіанскаго православія, я не находилъ ни утѣшенія, ни духовной опоры въ нашей церковной службѣ; я сталъ чаще посѣщать протестантскія церкви, гдѣ проповѣдь иногда затрагивала мою душу. У меня родилось даже сомнѣніе — не слѣдуетъ ли мнѣ, такъ какъ вѣра требуетъ искренности, перейти въ лютеранство, если протестантская церковность болѣе отвѣчаетъ моей душевной потребности, чѣмъ православіе,—какія бы непріятныя послѣдствія отъ этого для меня ни произошли. Но и лютеранская проповѣдь, хотя она иногда и затрагивала мою душу, не могла вывести меня окончательно на путь вѣры и устранить моихъ скептическихъ сомнѣній.

Изъ этого непріятнаго колеблющагося настроенія въ поискахъ за

твердымъ духовнымъ основаніемъ меня вывели два обстоятельства. Во-первыхъ, ознакомленіе съ религіозными сочиненіями А. С. Хомякова, которыя мнѣ попались въ руки и которыя я сталъ читать съ жадностію и глубокимъ увлеченіемъ и, во-вторыхъ, знакомство съ лордомъ Рэдстокомъ.

Не помню, по какому случаю или по чьей рекомендаціи, я взялся за чтеніе религіозныхъ статей Хомякова (2-ая часть его сочиненій), но принявшись за это чтеніе, я уже не могъ оторваться отъ него; оно какъ бы озарило меня новымъ свѣтомъ, раскрывъ передо мною всю истину, всю глубину, всю прелесть вселенскаго православія. До сихъ поръ я прикасался къ православію только съ формальной его стороны, я видѣлъ только русское національное православіе, не понимая ни значенія, ни внутренней глубины вселенскаго православія, т. е. того идеала, къ которому слѣдуетъ стремиться и который заключаетъ въ себѣ всю суть христіанской мысли. Въ гимназіи я изучалъ краткій катехизисъ, въ университетѣ проходилъ пространный катехизисъ, но это сухое схоластическое ученіе однѣхъ формулъ и цитатъ священнаго писанія — никакого религіознаго чувства въ душѣ возбудить не могло. Даже изреченія священнаго писанія, дѣйствующія такъ возвышенно, если ихъ читать въ евангеліи въ связи съ остальнымъ текстомъ, вырванныя изъ контекста, ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу, а ученіе ихъ на память пославянски представляло только скучную обузу. Если бы въ учебныхъ заведеніяхъ пользовались катехизисомъ только какъ програмой для изъясненія христіанской религіи, то это было бы совершенно разумно, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже преимущественно слѣдовало бы знакомить молодыхъ людей съ чтеніемъ евангелія, между тѣмъ какъ это никогда не дѣлалось, довольствовались долбленіемъ на память евангелическихъ текстовъ, занесенныхъ въ катехизисъ; самаго же евангелія я ни въ школѣ, ни въ университетѣ не бралъ въ руки, и потому былъ совершенно съ нимъ не знакомъ. Такой способъ преподаванія не привлекаетъ, а отталкиваетъ молодого человѣка отъ религіозныхъ мыслей, между тѣмъ какъ интересное объясненіе сущности христіанства не оставалось бы безъ полезнаго вліянія. Помню, что когда однажды въ гимназіи священникъ (кажется Раевскій) сталъ объяснять намъ въ свободномъ словѣ значеніе литургіи—это произвело на меня глубокое впечатлѣніе.

И вотъ, вдругъ я нахожу у Хомякова такія сокровища мысли, такое оригинальное разъясненіе значенія и сущности православія, о которомъ я и понятія не имѣлъ. Благодаря Хомякову я пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ истина; о переходѣ въ лютеранство уже не могло быть и рѣчи. Какъ славянофилъ, Хомяковъ тоже от-

части налегаетъ на значеніе національности въ религіи (такъ напр. онъ говоритъ — я пощусь въ извѣстное время, зная, что со мною постится вся Россія въ это время,—значитъ, онъ постится не столько вслѣдствіе религіозной потребности, сколько потому, что въ этомъ въ данное время проявляется, такъ сказать, народный обычай), но это нисколько не замѣняетъ въ немъ пониманія вселенскаго православія; напротивъ того, онъ постоянно указываетъ на то, что безошибочна только вселенская церковь,—каждая національная церковь можетъ впадать въ разныя уклоненія и ошибки,—лозунгомъ православія могутъ служить только вселенскіе соборы.

Изложеніе Хомякова раскрыло для моего ума значеніе право славія; теплоту же христіанскаго чувства для сердца я почерпнулъ затѣмъ изъ сношеній съ лордомъ Рэдстокомъ.

Меня познакомилъ съ нимъ графъ М. М. Корфъ, сынъ нашего извѣстнаго государственнаго дѣятеля Модеста Андреевича Корфа. Рэдстокъ прибылъ въ Петербургъ, какъ англійскій проповѣдникъ, и началъ проповѣдывать въ реформатской церкви. Первыя его публичныя проповѣди не произвели на меня большого вліянія. Но затѣмъ я лично съ нимъ познакомился и сталъ посѣщать его частныя собранія, которыя происходили въ домѣ В. И. Пашкова, и на которыя стекались не только протестанты, но и православные въ большомъ числѣ. Рэдстокъ считалъ своей задачей возбужденіе христіанскаго чувства вообще. Какія бы ни были различія вѣроисповѣданія, но всѣмъ христіанамъ должно быть присуще чувство преданности Христу, которое и должно руководить ихъ жизнію. Поэтому Рэдстокъ считалъ необходимымъ прежде всего, чтобы каждый христіанинъ сознательно предалъ себя Христу. Въ крещеніи мы посвящаемся Христу, впослѣдствіи за каждой литургіей мы повторяемъ слова „сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ". Но при крещеніи за насъ дается обѣтъ родителями и воспріемниками, а на церковной службѣ мы повторяемъ вышеприведенныя слова, обыкновенно не отдавая себѣ полнаго отчета въ ихъ глубокомъ значеніи; произнесеніе этихъ словъ не становится у насъ выраженіемъ акта индивидуальной воли. Въ первыя времена, когда язычники или евреи принимали христіанство, они сознательно предавали, посвящали себя Христу, для нихъ начиналась новая жизнь, въ нихъ происходилъ душевный переломъ, они становились новымъ человѣкомъ. Вотъ это сознаніе и рѣшимость сознательно предать себя Христу, стать дѣйствительно новымъ человѣкомъ, Рэдстокъ считалъ необходимымъ освѣжить въ современныхъ христіанахъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Настаиваніе на сознательномъ преданіи себя Христу, на совер-

шеніи этого акта воли, первоначально было возбуждено и получило особенное развитіе въ такъ называемыхъ ревивалистическихъ сектахъ въ Англіи (отъ слова revival—возрожденіе)—правда, оно получило тамъ нѣсколько схематическое, даже механическое примѣненіе, вслѣдствіе чего эти секты получили даже названіе методистовъ (вслѣдствіе проповѣдуемаго ими метода спасенія). Но это, можно сказать, искаженіе основной идеи нисколько не устраняетъ справедливости требованія преданія себя Христу, примѣнимаго ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и которое признается и въ православіи, какъ на это указываютъ вышеприведенныя слова нашей литургіи. Въ этомъ отношеніи ревивалисты правы, требуя, чтобы это было не только выраженіемъ обычной молитвы, но было соединено съ сознательнымъ актомъ воли. Актъ преданія себя Христу есть какъ-бы совершеніе присяги на вѣрность. Подобно тому какъ солдатъ, вступая въ ряды арміи, отдаетъ присягу на вѣрность Государю, и затѣмъ этою присягою побуждается къ исполненію своихъ обязанностей передъ врагомъ, чтобы не нарушить присяги, точно также и христіанинъ первымъ побужденіемъ своей нравственной дѣятельности долженъ считать любовь къ Христу и память того, что онъ сознательно предалъ себя Спасителю.

Убѣдившись въ справедливости такого воззрѣнія, и я рѣшился сознательно предать себя Христу, и день этого рѣшенія (11 января 1876 г.) записалъ у себя на память. Это рѣшеніе не осталось безъ вліянія на мою послѣдующую жизнь, я считалъ себя съ тѣхъ поръ дѣйствительно связаннымъ съ Христомъ; нерѣдко, въ память обѣта, даннаго Христу, я находилъ бо̀льшую силу противленія разнымъ искушеніямъ, возникающимъ въ жизни, чѣмъ въ общихъ нравственныхъ соображеніяхъ и мотивахъ.

Рэдстокъ вообще старался осмыслить всѣ христіанскія понятія, сопоставляя ихъ съ отношеніемъ къ нимъ христіанъ въ первые вѣка христіанства. Я помню, какъ разъ на вечерней бесѣдѣ у Пашкова, Рэдстокъ восторженно поднялъ руки и воскликнулъ: „вѣдь мы всѣ святые“—nous sommes tous des saints. Меня это тогда поразило и показалось кощунствомъ; только впослѣдствіи я понялъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Рэдстокъ имѣлъ въ виду, что всѣ освященные во Христѣ должны бы быть святыми, въ томъ смыслѣ, въ какомъ и апостолъ Павелъ называлъ всѣхъ христіанъ святыми. Въ посланіи къ коринѳянамъ онъ пишетъ (1, 2): „церкви Божіей, находящейся въ Коринѳѣ, освященнымъ во Христѣ, призваннымъ святымъ“. Такимъ образомъ Рэдстокъ говорилъ это не въ видѣ самовосхваленія, а въ томъ смыслѣ, что такъ какъ христіане въ сущности должны быть святыми, то возлагаетъ на нихъ глубокую отвѣтственность,

требуя сообразованія нашей жизни съ такимъ идеальнымъ предназначеніемъ. Говорится „noblesse oblige", тѣмъ паче слѣдуетъ утверждать, что христіанская святость—oblige.

Рэдстокъ и Пашковъ старались побудить всѣхъ, приходящихъ на ихъ молитвенныя собранія, содѣйствовать по мѣрѣ силъ распространенію этого коренного христіанскаго понятія въ средѣ общества и народа. Ища соприкосновенія съ послѣднимъ, Пашкову пришло на мысль воспользоваться извозчиками, какъ проводниками въ народъ глубокаго христіанскаго убѣжденія, такъ какъ съ ними болѣе всего приходимъ въ соприкосновеніе. Ѣдучи на извозчикахъ, Пашковъ заговаривалъ съ ними о божественныхъ вопросахъ, говорилъ имъ о Христѣ, о преданности Ему, и если онъ встрѣчалъ у извозчика интересъ къ возбуждаемымъ религіознымъ вопросамъ, то предлагалъ ему приходить къ нему читать евангеліе. Такимъ образомъ оказалось не мало извозчичьихъ семей, заявившихъ желаніе слушать слово Божіе. Къ нѣкоторымъ Пашковъ самъ ѣздилъ, другихъ онъ распредѣлялъ между посѣтителями его молитвенныхъ собраній. Такимъ образомъ и мнѣ предложили посѣщать одно извозчичье семейство для чтенія ему евангелія, и я на это согласился. Въ началѣ мнѣ казалось какъ-то страннымъ явиться къ совершенно чужимъ людямъ въ качествѣ какъ-бы христіанскаго проповѣдника и потребовалось нѣкоторое насиліе надъ собою, чтобы рѣшиться на такой шагъ. Но мое смущеніе было совершенно излишне, все произошло очень просто и естественно. Я нашелъ нѣсколько людей, собравшихся въ квартирѣ извозчика - хозяина, и когда я имъ заявилъ, что я пришелъ отъ Пашкова, чтобы почитать имъ слово Божіе, то они приняли меня радушно и совершенно безъ всякаго стѣсненія. Мои посѣщенія этого семейства продолжались около двухъ лѣтъ. Мы начинали и кончали бесѣду свободной молитвой, я имъ читалъ евангеліе и объяснялъ прочитанное; при этомъ я старался оставаться на православной почвѣ, чтобы не отклонять моихъ слушателей отъ церкви, а возгрѣвать въ нихъ только истинное христіанское чувство. Въ теченіе этого времени я очень сблизился съ членами этого семейства. Въ началѣ войны 1876 г., въ одно воскресенье, хозяинъ-извозчикъ сообщилъ мнѣ, что его сынъ призывается на войну,—вслѣдствіе того мы вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ помолились, чтобы Богъ сохранилъ его въ опасности. Какая же была мнѣ радостная встрѣча, года полтора спустя, когда я разъ зашелъ къ нимъ, и они мнѣ сообщили, что ихъ сынъ только что благополучно возвратился съ войны. Много лѣтъ спустя, когда, проходя по улицѣ, я встрѣчался съ моими извозчиками, они мнѣ кланялись съ особеннымъ радушіемъ, какъ близкому родственнику. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ на-

шего кружка и не всегда заботились о томъ, чтобы, возбуждая въ народѣ христіанское чувство, не отклонять его отъ церкви и потому впослѣдствіи и образовался Пашковскій толкъ, въ видѣ особой секты.

Мое извозчичье семейство жило по дорогѣ въ Волково. Вотъ почему обыкновенно, каждое воскресенье утромъ, послѣ обѣдни я отправлялся на Волковское кладбище поклониться могилѣ жены, и затѣмъ по пути заѣзжалъ къ моимъ слушателямъ-извозчикамъ, для чтенія имъ евангелія.

Кромѣ того Пашковъ и нѣкоторыя другія лица нашего кружка ходили читать евангеліе въ тюрьмахъ и мѣстахъ предварительнаго заключенія. На первое время, правительство не только не препятствовало, но даже поощряло эти молитвенныя посѣщенія тюремъ и мѣстъ заключенія. Треповъ выдавалъ желающимъ для этой цѣли особые билеты, дававшіе имъ право входа въ мѣста заключенія. Желая послушать, какъ Пашковъ читаетъ арестантамъ евангеліе и посмотрѣть, какое это производитъ впечатлѣніе, я разъ вмѣстѣ съ Пашковымъ поѣхалъ въ тюрьму предварительнаго заключенія въ Офицерской,—и былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что видѣлъ. Во-первыхъ, только что мы вошли въ контору, я былъ удивленъ тѣмъ почтительнымъ и любовнымъ довѣріемъ, съ которымъ всѣ арестанты встрѣчали Пашкова. Поздоровавшись и поговоривъ съ ними, онъ приступилъ къ чтенію евангелія. До сихъ поръ помню, что онъ читалъ имъ повѣствованіе о Закхеѣ и, по прочтеніи повѣствованія, сталъ разъяснять слушателямъ, какъ Христосъ милостиво принялъ грѣшника, который только издали желалъ посмотрѣть на Него и какое преобразованіе произошло въ душѣ самого грѣшника послѣ милостивыхъ словъ Спасителя. Нужно было видѣть, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ всѣ его слушали и какое глубокое впечатлѣніе производили его слова на этихъ несчастныхъ. Передъ уходомъ Пашковъ выслушивалъ просьбы и ходатайства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, обѣщая имъ сдѣлать возможное.

Чувство христіанской любви къ ближнимъ проявлялось и въ разныхъ другихъ формахъ, среди участниковъ пашковскихъ собраній. Дамы изъ высшаго аристократическаго круга посвящали себя хожденію за больными, особенно по случаю возникшей около этого времени войны съ Турціей; онѣ работали въ военныхъ госпиталяхъ вмѣстѣ съ сестрами Краснаго Креста, проявляя замѣчательные подвиги самопожертвованія.

Такимъ образомъ Рэдстокъ-Пашковское движеніе, пока оно оставалось на почвѣ обще-христіанскаго настроенія, приносило несомнѣн-

ную пользу, и нельзя не сожалѣть, что оно мало-по-малу стало сходить съ этой почвы.

Проповѣдуя у Пашкова, Рэдстокъ, не касаясь даже прямо догматической формулировки, не могъ не высказывать воззрѣній, господствовавшихъ у методистовъ; такимъ образомъ его рѣчи невольно получали реформатско-методистскій характеръ. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ число слушателей у Пашкова увеличивалось, нѣкоторые главные дѣятели его собраній стали входить въ сношенія съ разными нашими сектами — особенно тѣхъ толковъ, которые ближе подходили къ протестантизму, напр., съ молоканами и духоборцами. Я самъ присутствовалъ разъ у графа Корфа на такомъ частномъ совѣщаніи.

Наконецъ В. И. Пашковъ, который все болѣе и болѣе склонялся въ методистское направленіе Рэдстока, однажды сообщилъ мнѣ, что онъ рѣшился оставить православную церковь вслѣдствіе противодѣйствія, которое онъ встрѣчалъ со стороны нашего духовенства, въ своихъ стремленіяхъ служить христіанскому дѣлу. Послѣ этого сообщенія я считалъ долгомъ заявить Пашкову, что я крайне сожалѣю, что онъ рѣшился на такой шагъ, а что затѣмъ я уже не буду посѣщать его собраній, такъ какъ они, очевидно, при такихъ условіяхъ, должны были уклониться отъ первоначальнаго направленія и получить сектантскій характеръ, который я не желалъ санкціонировать своимъ присутствіемъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, наше духовенство стало все рѣшительнѣе высказываться противъ пашковскихъ собраній и кончилось тѣмъ, что они были запрещены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Пашкову и Корфу было предложено или вообще прекратить свои чтенія, или удалиться изъ Россіи; оба выбрали послѣднее и добровольно навсегда экспатріировались. По этому случаю Корфъ, какъ онъ мнѣ потомъ разсказывалъ, имѣлъ обстоятельное объясненіе съ Побѣдоносцевымъ, происходившее въ очень дружелюбномъ тонѣ. Побѣдоносцевъ объяснилъ ему, почему правительство не можетъ долѣе терпѣть ихъ религіозныхъ чтеній народу. Корфъ же съ своей стороны излагалъ ему, что по своему убѣжденію онъ не можетъ отказаться отъ нравственной обязанности содѣйствовать по мѣрѣ силъ укрѣпленію и распространенію истинно христіанскаго настроенія и что потому, не имѣя возможности исполнять это въ Россіи, онъ рѣшается покидать свое отечество [1]).

---

[1]) Графъ Корфъ мнѣ разсказывалъ однажды, что онъ сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ послѣ избѣжанія смертельной опасности и при видѣ погибели кондуктора,—вѣроятно это происходило на желѣзной дорогѣ.—

Весь этотъ разговоръ происходилъ на почвѣ уваженія взаимныхъ убѣжденій и дружескихъ отношеній, — при уходѣ, Корфъ и Константинъ Петровичъ облобызались даже христіанскимъ поцѣлуемъ.

Сношенія съ Пашковымъ, Рэдстокомъ и ихъ кружкомъ подѣйствовали на меня въ смыслѣ развитія во мнѣ вѣрующаго настроенія. Искренняя вѣра однихъ дѣйствуетъ какъ бы заразительно на другихъ. Обращаясь долгое время въ средѣ лицъ, искренно преданныхъ Христу, глубоко и тепло вѣрующихъ, какія бы ни были ихъ догматическія уклоненія, я убѣждался въ возможности вѣровать, если только рѣшительно этого желаешь, и въ возможности актомъ воли устранять отъ себя обычныя сомнѣнія.

Говоря, что я дѣлался вѣрующимъ христіаниномъ, я не хочу сказать, чтобы у меня по временамъ не возникали сомнѣнія и скептическія недоумѣнія. Хомяковъ справедливо замѣчаетъ, что „вѣра отдѣльнаго человѣка—будь она послѣдствіемъ свободнаго убѣжденія человѣка,—никогда не можетъ исключать возможности сомнѣнія и даже заблужденія—ибо полная истина возможна только безгрѣшному“, а потому, прибавляю, и полная, никогда не колеблющаяся вѣра.

Одно меня вполнѣ охватило, это преданность Христу, Его идеальной личности; вслѣдствіе сего у меня укоренилось желаніе сообразовать жизнь и дѣятельность съ тѣмъ, что требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей. Я старался внѣдрить въ себя убѣжденіе, что всякое несогласное съ этимъ требованіемъ дѣйствіе является нарушеніемъ того обѣта, который я далъ Христу, рѣшившись сознательно Ему предаться. Мое вѣрующее настроеніе было преимущественно дѣломъ сердца и воли.

Но и умъ мой работалъ надъ этими жизненными для меня вопросами, не останавливаясь на детальныхъ сомнѣніяхъ и стараясь обосновать въ себѣ главныя начала христіанства.

Допуская, что воспроизведеніе сверхъ естественныхъ фактовъ и яв-

---

Означенное происшествіе произвело на него столь потрясающее впечатлѣніе, что, какъ уже сказано, онъ съ того момента сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ, и затѣмъ, подъ вліяніемъ лорда Рэдстока, посвятилъ себя дѣлу распространенія христіанскаго чувства въ обществѣ. Замѣчательно, что этотъ молодой человѣкъ, графъ, церемоніймейстеръ, которому предстояла блестящая будущность, отъ всего этого отказался и предался вполнѣ дѣлу распространенія христіанскаго чувства до того, что рѣшился даже навсегда покинуть свое отечество, въ которомъ его религіозная дѣятельность стала наталкиваться на непреодолимыя преграды.

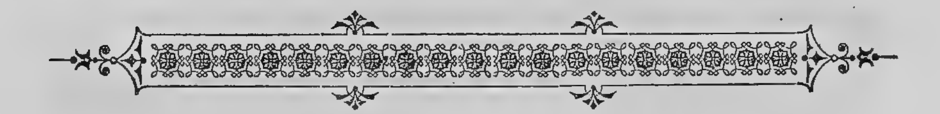
леній въ изложеніи Св. Писанія происходитъ въ антропоморфической формѣ, потому что человѣку невозможно даже мыслить о трансцендентальныхъ вопросахъ иначе, какъ облекая ихъ въ антропоморфическое представленіе, я стремился выяснить себѣ, что въ корнѣ всякаго сверхъ естественнаго факта, повѣствуемаго писаніемъ, должно лежать что-то недоступное нашему пониманію, которое потому и облекается въ человѣческое представленіе. Въ такомъ убѣжденіи меня укрѣпляло между прочимъ и то, что даже у нѣкоторыхъ крайнихъ раціоналистовъ проявляются подобные намеки. Такъ, напр. Бауръ и Штраусъ, отвергавшіе въ своихъ теологическихъ трудахъ все сверхъ естественное и возражавшіе потому противъ факта воскресенія Христова, сознаются, что они принуждены допустить, что послѣ смерти Христовой произошло нѣчто таинственное и для насъ непостижимое, потому что иначе невозможно объяснить то коренное измѣненіе, которое совершилось послѣ смерти Христа съ апостолами и учениками Его; изъ устрашенныхъ, угнетенныхъ и безнадежныхъ личностей, какими они были въ моментъ смерти Христовой, они вдругъ преобразовались въ глубоко-вѣрующихъ, безстрашныхъ и премудрыхъ проповѣдниковъ Христова ученія. Въ поискахъ за соображеніями, которыя могли бы укрѣпить мою вѣру, я останавливался на убѣжденіи, къ которому я пришелъ, что внѣ христіанства человѣкъ нигдѣ не можетъ найти разумнаго и убѣдительнаго отвѣта на запросы его души о значеніи и цѣли жизни. Если Христосъ не сверхъ естественное существо, а только просто святой человѣкъ, то мы лишены всякой твердой надежды на будущее, тогда намъ ничего не дано и мы находимся въ положеніи дохристіанскихъ язычниковъ, у которыхъ тоже были мудрецы и высоконравственныя личности, но которые все-же не имѣли никакого твердаго оплота жизни. Если Христосъ не воскресъ, тогда все подъ сомнѣніемъ, тогда жизнь теряетъ всякую цѣну—жить только для настоящей жизни—безцѣльно. На меня въ этомъ отношеніи особенно убѣдительно дѣйствовали слова апостола Павла: „Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ. По разсужденію человѣческому, когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ. Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 К. 15, 14, 19, 32).

Оправданіе такого отношенія къ вѣрѣ я находилъ между прочимъ и въ сочувственныхъ мнѣ словахъ апостола Петра. Послѣ проповѣди Спасителя—что Онъ хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ—многіе изъ Его учениковъ отошли отъ Него; тогда Іисусъ обратился къ двѣнадцати съ вопросомъ: не хотите ли вы отойти,—но на это

апостолъ Петръ отвѣтилъ ему: „Господи, къ кому намъ идти. Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“ (І. 6, 68). И такъ онъ не отрицалъ, что и ему слова Господа непонятны, и что и онъ не могъ потому вѣрить въ нихъ, но онъ настолько убѣдился въ святости и божественной мудрости Спасителя, что и это сомнѣніе не могло отклонить его, подобно тому, какъ оно отклонило другихъ учениковъ. Я старался крѣпко держаться за христіанство, потому что вмѣстѣ съ ап. Петромъ я могъ повторить: „къ кому мнѣ идти“, если я не послѣдую за Тѣмъ, Который имѣетъ глаголы вѣчной жизни.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, мое вѣрующее состояніе могло опредѣляться, въ значительной мѣрѣ, словами отца больного отрока, о которомъ повѣствуетъ Св. Писаніе: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“.

Переписка о Герценѣ.

Намѣстникъ Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ. Собственная канцелярія, отдѣленіе 2. Варшава, 6/18 апрѣля 1854 года № 644.

Г. Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генералъ-губернатору.

Генеральный консулъ нашъ въ Сардиніи доставилъ экземпляръ генуэзской газеты „Italia et Popolo" отъ 11-го числа сего апрѣля, въ которой напечатано мятежническое воззваніе русскаго бѣглеца Александра Герцена къ войскамъ, расположеннымъ въ Царствѣ Польскомъ.

По сообщеннымъ г. генералъ-фельдмаршалу г. генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ въ іюлѣ прошлаго года свѣдѣніямъ въ Лондонѣ учреждена этимъ Герценомъ русская типографія съ злоумышленною цѣлью распространенія посредствомъ оной мятежническихъ воззваній среди русскихъ. Какъ затѣмъ безъ сомнѣнія онъ будетъ стараться распространить и это воззваніе на русскомъ языкѣ не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ западныхъ губерніяхъ имперіи, то, не ограничиваясь распоряженіемъ о принятіи строжайшихъ мѣръ для воспрепятствованія этому въ здѣшнемъ краѣ, спѣшу сообщить о вышеизложенномъ вашему высокопревосходительству съ препровожденіемъ въ русскомъ переводѣ вышеупомянутаго воззванія. Исправляющій должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ.

Примѣчаніе. Къ этому отношенію приложена прокламація, озаглавленная: „Русскимъ солдатамъ въ Польшѣ", Нач.: „Братья, наконецъ царь дошелъ до того, что вызвалъ войну противъ Россіи"... Кон.: „...кровію вашею будетъ запечатлѣнъ неразрывный союзъ Польши съ Россіею и начало общаго сво-

боднаго соединенія всѣхъ славянъ въ одну многосложную республику. Лондонъ 25 марта 1854 года. Александръ Герценъ". Внизу отмѣтка: изъ журнала „Свободный Русскій Союзъ".

2. Отъ того же лица тому же. 10/22 апрѣля 1854 года № 675.

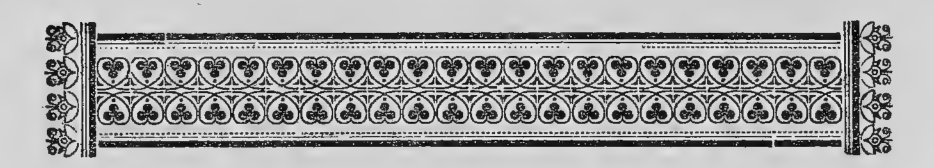
Г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ меня о полученномъ изъ-за границы свѣдѣніи, что изгнанникъ Герценъ составилъ два литографированные листка, которые должны русскимъ и польскимъ выходцамъ служить видомъ или условнымъ знакомъ для узнанія приверженцевъ ихъ въ Россіи и Польшѣ. На одномъ изъ этихъ листковъ изображено солнце, въ центрѣ котораго изображена самыми мельчайшими буквами, едва разбираемыми простымъ глазомъ, молитва „Отче нашъ".

Сдѣлавъ распоряженіе о строгомъ наблюденіи за появленіемъ въ Царствѣ Польскомъ помянутыхъ листковъ, спѣшу сообщить о томъ вашему высокопревосходительству для подобнаго же по ввѣренному вамъ краю распоряженія.

Примѣчаніе. Впослѣдствіи (черезъ нѣсколько дней) графъ Ридигеръ прислалъ генералъ-губернатору снимки съ приписываемыхъ Герцену условныхъ знаковъ: на второмъ изъ нихъ изображены гербъ Польскаго королевства и воеводствъ: Жмудскаго, Мазовецкаго, Сѣрадзскаго, Поморскаго, Подольскаго, Троцкаго, Русскаго, Волынскаго, Минскаго, Равскаго, Брестскаго, Кіевскаго, Ленчицкаго, Сандомірскаго, Калишскаго, Познанскаго, Галицкой земли, Витебскаго, Полоцкаго, Куявскаго, Белжскаго, Черниговскаго, Подляскаго, Хелминскаго, Плоцкаго, Новогрудскаго и Люблинскаго. Перечисленіе воеводствъ приведено въ порядкѣ размѣщенія гербовъ, начиная съ лѣвой стороны по вертикальнымъ столбцамъ. Польская надпись въ русскомъ переводѣ гласитъ:— сестры изгнанниковъ ихъ покровителю.

Сообщ. Ю. В. Татищевъ.

„Къ воспоминаніямъ А. Ѳ. Кони объ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ“ [1]).

Статья А. Ѳ. Кони заставила меня вспомнить эпизоды изъ прошлой службы, касающіеся освидѣтельствованія разныхъ лицъ въ состояніи умственныхъ способностей.

По нѣкогда занимаемой должности вице-губернатора мнѣ многократно приходилось участвовать въ подобныхъ освидѣтельствованіяхъ. Особенно памятны мнѣ два случая, въ которыхъ первоначальныя впечатлѣнія составлявшихъ присутствіе лицъ были діаметрально противоположны конечному убѣжденію ихъ.

Въ началѣ послѣдней турецкой войны губернскому правленію, въ которомъ я служилъ, пришлось свидѣтельствовать доктора медицины, бывшаго передъ тѣмъ врачемъ военной гимназіи въ одномъ изъ нашихъ значительнѣйшихъ городовъ и года за два—полтора передъ тѣмъ признаннаго умалишеннымъ по постановленію столичнаго губернскаго правленія. Послѣ того докторъ проживалъ съ своими малолѣтними дѣтьми въ небольшой усадьбѣ въ одномъ изъ уѣздовъ той губерніи, въ которой я служилъ.

При открытіи военныхъ дѣйствій съ Турціей докторъ выразилъ желаніе поступить врачемъ въ дѣйствующую армію. Признаніе его умопомѣшаннымъ ставило тому совершеннѣйшую преграду, сознавая которую докторъ предсталъ передъ присутствіемъ въ сильно нервно-возбужденномъ состояніи и говорилъ очень несвязно и даже какъ будто бы не совсѣмъ раціонально. Слѣдуетъ замѣтить, что присутствующіе при этомъ, кромѣ губернскаго врачебнаго инспектора, еще два врача не имѣли степени доктора медицины и въ научныхъ познаніяхъ стояли далеко ниже свидѣтельствуемаго. Около

---

[1]) Февраль 1907 г.

часа времени бѣдный докторъ давалъ весьма сбивчивые и частью даже нелѣпые отвѣты, а письменные отвѣты его показались настолько неудовлетворительными, что все присутствіе купно съ учеными экспертами склонялось, особенно въ виду прежняго о немъ постановленія, къ признанію его неизлѣчившимся отъ умопомѣшательства. Зная же его прошлое, предсѣдательствовавшій за отсутствіемъ губернатора, просилъ у остальныхъ членовъ присутствія времени къ успокоенію его расходившихся нервовъ и началъ съ нимъ продолжительную бесѣду *не* за присутственнымъ съ зерцаломъ столомъ.

Успокоенный и ободренный, докторъ блестяще выдержалъ устное и письменное испытаніе, и присутствіе единогласно признало его вполнѣ умственно здоровымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ отъ доктора изъ-за Дуная, гдѣ онъ съ успѣхомъ исполнялъ свои полезныя обязанности, письмо, въ которомъ онъ горячо меня благодарилъ за участіе въ возстановленіи его полноправія.

Дѣло объясняется просто, этотъ докторъ никогда ни на минуту умалишеннымъ не былъ. Состоя врачемъ военной гимназіи, онъ, въ припадкѣ вполнѣ справедливой ревности и въ негодованіи за обиды его супружеской чести, въ канцеляріи гимназіи, т. е. при отправленіи служебныхъ обязанностей, бросился съ ножемъ или кинжаломъ на генералъ-маіора, директора гимназіи. Присутствующіе его во-время остановили, но ему, военному врачу, грозило тяжкое наказаніе, и многіе врачи, съ согласія генерала-директора и доктора самого, отца семейства, на попеченіи котораго находились малолѣтнія дѣти, оффиціально признали его ненормальность. Несчастнаго отставили отъ службы, дѣлу не дали дальнѣйшаго хода, и онъ скрылся съ дѣтьми на родину, обреченный за порывъ справедливаго гнѣва за разстроенную семейную жизнь, на пожизненное безправіе. По собраннымъ мной свѣдѣніямъ, онъ все же не переставалъ практиковать частнымъ образомъ въ средѣ ближайшихъ своихъ сосѣдей.

Второй случай въ этомъ же губернскомъ правленіи и приблизительно въ тѣ же годы. Свидѣтельствовался человѣкъ не старыхъ лѣтъ, по рожденію изъ лучшаго общества и съ хорошими средствами, высшаго образованія, служившій нѣкогда по министерству иностранныхъ дѣлъ и бывшій потомъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

По собраннымъ мной частно свѣдѣніямъ, тщательно провѣреннымъ, этотъ блестяще образованный и неурядно талантливый человѣкъ лишился равновѣсія умственныхъ способностей вслѣдствіе несчастно-сложившейся семейной жизни и полнаго разстройства имуще-

ственныхъ дѣлъ, благодаря ряду невыгодныхъ съ евреями сдѣлокъ. Эти же сдѣлки привели его и къ потерѣ служебнаго положенія.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ я былъ съ нимъ немного знакомъ и потому, когда, вслѣдствіе ненормальности поступковъ и словъ, онъ нашелъ пріютъ въ мѣстной больницѣ, я, часто по службѣ посѣщавшій ее, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ до свидѣтельствованія его въ губернскомъ правленіи. Когда онъ вошелъ въ присутственный залъ, онъ немедленно узналъ меня, подошелъ и началъ совершенно здраво говорить о прошломъ, о нашихъ общихъ знакомыхъ и т. п. Началось засѣданіе, его пригласили сѣсть къ столу, и губернаторъ началъ задавать ему рядъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ совершенно логично, объяснилъ, что находится въ присутствіи губернскаго правленія для свидѣтельствованія въ состояніи умственныхъ способностей, правильно назвалъ всѣхъ наличныхъ должностныхъ лицъ, совершенно точно и ясно разсказалъ всю свою біографію и вообще бесѣдовалъ со всѣми не только здраво, но даже умно и краснорѣчиво. Предсѣдательствующій губернаторъ, несмотря на лично ему извѣстныя болѣе чѣмъ странныя выходки свидѣтельствуемаго, шепнулъ мнѣ, что онъ склоненъ признать его совершенно здоровымъ. Врачи и смотритель больницы, которымъ тоже были извѣстны многія странности въ поступкахъ и рѣчахъ свидѣтельствуемаго, и что онъ передъ тѣмъ провелъ нѣкоторое время въ частномъ лѣчебномъ заведеніи въ Петербургѣ, изъ котораго уѣхалъ тайкомъ и попалъ въ нашъ городъ случайно, пробираясь въ свое имѣніе въ сосѣдней губерніи, все же говорили въ пользу его нормальности. Губернатору я тихо отвѣтилъ, что это лицо отъ природы весьма даровитое, со всегда сдержаннымъ характеромъ, я же полагаю, что онъ, вполнѣ сознавая въ данную минуту свое настоящее положеніе, дѣлаетъ неимовѣрныя усилія сдержать въ границахъ здраваго смысла свое все-таки больное воображеніе, и что слѣдуетъ выждать письменные его отвѣты. Дали бѣдному бывшему предводителю бумагу съ написанными вопросами и перо, предложили ему отвѣтить пообстоятельнѣе. Сперва писалъ онъ довольно логично, но потомъ пояснилъ, что онъ сынъ Императора Николая I и еврейки, назвалъ себя Императоромъ Николаемъ II (онъ дѣйствительно назывался Николаемъ), написалъ манифестъ о вступленіи своемъ на престолъ, указъ министру юстиціи объ оповѣщеніи чрезъ Сенатъ о своемъ вѣнчаніи на царство и все въ томъ же духѣ. Слогъ былъ образцовый, но содержаніе ярко обнаруживало его полнѣйшее умопомѣшательство.

Чрезъ недолгое время этотъ несчастный, еще далеко не старый

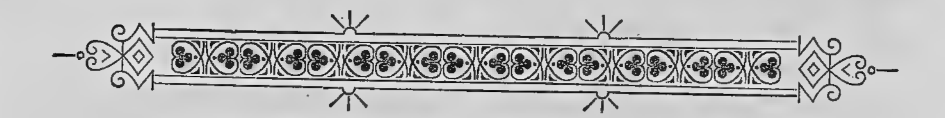
человѣкъ, сталъ впадать въ полнѣйшую апатію и скончался отъ прогрессивнаго паралича.

Часто, слишкомъ часто, лица, закономъ призванныя подавать свой голосъ въ подобнаго рода присутствіяхъ, губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянства, предсѣдатели и прокуроры окружныхъ судовъ, городскіе головы и замѣняющіе всѣхъ вышеназванныхъ и разные сословные представители являются къ исполненію своихъ обязанностей безъ достаточной подготовки, совсѣмъ не освѣдомленные насчетъ подробностей дѣла, по которому законъ требуетъ отъ нихъ вѣскаго, рѣшающаго слова. Часто лица эти довольствуются свѣдѣніями, собранными дѣлопроизводителемъ врачебнаго отдѣленія, и исключительно полагаются на высказанное врачами-экспертами мнѣніе, когда должны были бы по совѣсти тщательно изучить всѣ подробности прошлаго свидѣтельствуемаго. Вѣдь нѣтъ же у него адвоката, какъ у всякаго обвиняемаго, а онъ можетъ, по приговору присутствія, быть осужденъ на лишеніе всѣхъ правъ состоянія и на безсрочное заточеніе.

Законы справедливы и хороши, но надо ихъ исполнять полностью, а не относиться къ своимъ обязанностямъ чисто формально.

И. А.

По поводу возраженій М. А. Газенкампфа.

М. А. Газенкампфъ по поводу воспоминаній моихъ о К. В. Левицкомъ дѣлаетъ нѣкоторыя возраженія.

Прежде всего онъ утверждаетъ, что Левицкій былъ ни при чемъ въ быстрой карьерѣ Гурко, что „Великій Князь слишкомъ высоко цѣнилъ Гурко, чтобы нуждаться въ *подсказкѣ* Левицкаго",

Противъ высокаго мнѣнія Великаго Князя о Гурко я, конечно, спорить не буду. Но всякому извѣстно, какимъ образомъ составляется хорошее или дурное мнѣніе о человѣкѣ, и какую роль играетъ во-время сказанное хорошее или дурное слово, особенно хорошее. „Дурная слава по дорожкѣ бѣжитъ"—справедливо говоритъ пословица; совсѣмъ другое—слава хорошая. Она упрочивается не такъ-то легко, и вотъ я положительно утверждаю, что Левицкій, всегда, просто восторженно отзывался о Гурко. Такой отзывъ о покойномъ фельдмаршалѣ, и отзывъ, конечно, вполнѣ справедливый, я слышалъ отъ Левицкаго еще на маневрахъ подъ Таицами, когда произошло описанное мною столкновеніе Левицкаго со Скобелевымъ и когда Гурко командовалъ только полкомъ.

Великій Князь, безъ сомнѣнія, зналъ Гурка, какъ прекраснаго строевого офицера. Левицкій же всегда и вездѣ кричалъ о Гурко, какъ о выдающемся военачальникѣ. Это я свидѣтельствую отъ сердца, и не думаю, чтобы горячее мнѣніе Левицкаго, которому Великій Князь такъ довѣрялъ, особенно до военнаго совѣта 1-го сентября—было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Надо напротивъ того полагать, что оно послужило огромнымъ плюсомъ въ мнѣніи Великаго Князя о Гурко не только какъ о прекрасномъ строевомъ офицерѣ, но какъ о способномъ, рѣшительномъ боевомъ начальникѣ—генералѣ.

И это ни мало не отнимаетъ у Великаго Князя чести назначенія Гурко на отвѣтственныя роли, если бы даже назначенія эти были слѣдствіемъ совѣтовъ, или „*подсказокъ*“ Левицкаго, какъ выражается почтенный оппонентъ. Не отнимаетъ чести потому, что совѣты давать легко. Совѣтами вымощенъ весь адъ, какъ и добрыми намѣреніями. Трудно—не давать совѣты, а разобраться въ нихъ, особенно въ военное время; трудно рѣшиться принять тотъ или другой совѣтъ, возложить на себя отвѣтственность передъ родиной и исторіей. Но что Левицкій содѣйствовалъ, на сколько только могъ, возвышенію Гурко—это, на основаніи самыхъ горячихъ отзывовъ Левицкаго о будущемъ фельдмаршалѣ, не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію.

Могу только добавить, что даже убѣжденіе М. А. Газенкампфа о возвышеніи Гурко благодаря его „блистательному“, какъ онъ выражается, первому забалканскому походу—не всѣми раздѣлялось: были мнѣнія, что этотъ смѣлый набѣгъ далъ одни отрицательные результаты и имѣлъ лишь слѣдствіемъ страшную рѣзню привѣтствовавшихъ насъ забалканскихъ болгаръ. И то или другое мнѣніе объ этомъ походѣ лица компетентнаго и пользовавшагося довѣріемъ, несомнѣнно, могло оказать на впечатлительнаго Великаго Князя огромное вліяніе.

Не желая вовсе рисовать Левицкаго въ розовомъ свѣтѣ и преслѣдуя только истину, я не могу не поставить крупнымъ плюсомъ его дѣятельности надлежащую оцѣнку талантовъ Гурко и горячую, такъ сказать, проповѣдь его военныхъ дарованій.

То же преслѣдованіе истины, одной истины, не позволяетъ мнѣ согласиться со вторымъ возраженіемъ М. А. Газенкампфа—по поводу оцѣнки Левицкимъ Скобелева.

Положительно утверждаю, что на сколько вѣрно оцѣнилъ Левицкій Гурко, настолько же близоруко, до Турецкой войны, смотрѣлъ онъ на Скобелева, смотрѣлъ какъ на авантюриста, шалопая, даже фокусника съ прекрасной протекціей. По этому поводу у меня съ Левицкимъ были неоднократные споры, и мнѣ казалось всегда, что столкновеніе въ Таицахъ оставило на Левицкомъ свой слѣдъ, хотя должно сознаться, что до перехода черезъ Дунай невысокое мнѣніе о Скобелевѣ не принадлежало Левицкому единолично, а раздѣлялось многими, очень многими.

Турецкая война, естественно, сразу открыла всѣмъ глаза, и Левицкій, какъ человѣкъ умный и честный, разумѣется, измѣнилъ свое мнѣніе о Скобелевѣ вслѣдъ за самымъ открытіемъ кампаніи, когда Драгомировъ, пользовавшійся въ арміи огромнымъ авторитетомъ, такъ блистательно аттестовалъ молодого героя.

И для меня остается несомнѣннымъ, что несмотря на гнѣвъ Го-

сударя, если бы молодой генералъ свиты Его Величества, покоритель Ферганы, кавалеръ Георгія 3-го и 4-го классовъ, былъ въ арміи желаннымъ гостемъ, то, конечно, получилъ бы назначеніе болѣе почетное и отвѣтственное, чѣмъ прикомандированіе къ отцу, „начальнику казачьей бригады". Хороша роль для боевого генерала Свиты Его Величества съ Георгіемъ на шеѣ, которому пришлось, по выраженію самого же моего оппонента, „отпрашиваться у отца", чтобы поступить „въ распоряженіе начальника 14-й пѣх. дивизіи"!!!

Совершенно непонятными, наконецъ, являются слова почтеннаго оппонента, „не могущаго оставить безъ возраженія" (подлинныя слова) моего свидѣтельства о томъ, что Скобелевъ, какъ человѣкъ умный и ловкій, успѣлъ завоевать Казиміра и послѣ взятія Плевны обмѣнялся съ нимъ георгіевскими крестами; непонятнымъ „возраженіе" становится потому, что самъ же авторъ его подтверждаетъ, что послѣ Плевны они крестами обмѣнялись, и что это „было со стороны Скобелева тонкимъ знакомъ сочувствія и дорогого для Левицкаго вниманія". Почтенный оппонентъ мой *„удостовѣряетъ"*, при этомъ, что *„въ каждый свой пріѣздъ въ главную квартиру Скобелевъ всегда заходилъ къ Левицкому и подолгу сидѣлъ у него"*. Что же, эти *„удостовѣренія"* и *„возраженія"* неужели могутъ служить „опроверженіемъ" моихъ словъ, а не подтверждаютъ ихъ? И неужели Левицкій долженъ былъ принимать недружелюбно генерала, имя котораго къ тому времени гремѣло въ арміи и было у всѣхъ на устахъ, а не трогаться этими посѣщеніями, несомнѣнно льстившими его самолюбію?

„Удостовѣреній" и *„возраженій"*, которыя служили бы лучшимъ подтвержденіемъ моего свидѣтельства, кажется, и желать невозможно. Я, по крайней мѣрѣ, приношу за нихъ мою искреннюю признательность.

А. Витмеръ.

Памяти Н. Ѳ. Дубровина.

13-го іюня 1904 г., вечеромъ, мнѣ подали газету „Нов. Время“ отъ 12 іюня. У меня тогда сидѣлъ поэтъ К. М. Фофановъ, пріѣхавшій утромъ изъ Старой Руссы. Какъ во время военное, первымъ дѣломъ былъ вопросъ: Ну, что сегодня о Японіи, генералѣ Куропаткинѣ. Я развернулъ номеръ и на минуту остолбенѣлъ. Шагавшій мимо меня Фофановъ замѣтилъ мою перемѣну и спросилъ:

— Что?

— Война идетъ своимъ порядкомъ.

— Ну!

— А вотъ Дубровинъ скончался.

— Николай Ѳедоровичъ!—воскликнулъ поэтъ.

— Да, Николай Ѳедоровичъ,—подтвердилъ я, едва сдерживая подавляющія слезы.

Фофановъ перекрестился и молитвенно произнесъ: „царство ему небесное!“

Я повторилъ его слова и нервно, дрожащимъ голосомъ продолжалъ:

— Какъ жаль, какъ жаль. Рѣдѣютъ ряды славныхъ.

Тутъ мы принялись пересчитывать его заслуги по литературѣ, наукѣ, исторіи, вспоминали его, какъ человѣка истинно русскаго, горячо любившаго своихъ соотечественниковъ, какъ человѣка добрѣйшаго, простого и далеко не похожаго на академика, занимавшаго постъ секретаря Академіи Наукъ.

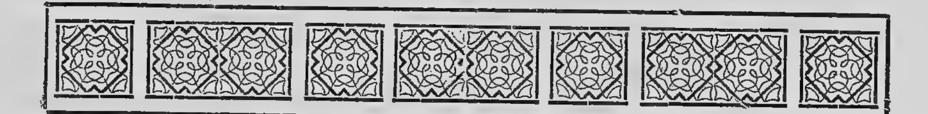
Наступило тяжелое, удручающее молчаніе. Не хотѣлось просто вѣрить, что Николай Ѳедоровичъ умеръ. Живой образъ его ясно рисовался мнѣ: бодрый, привѣтливый старикъ, съ неувядаемой энергіей и въ движеніяхъ, и въ лицѣ, съ умными глазами, рѣшимостью во взглядѣ.

Тѣмъ временемъ К. М. снова шагалъ и думалъ крѣпкую думу. Вдругъ его осѣнила какая-то счастливая идея; онъ почти вскрикнулъ: „дайте карандашъ и бумаги!“ Когда ему было подано и то и другое, поэтъ написалъ:

Памяти Н. Ѳ. Дубровина.

„Мы заблудились въ дебряхъ темныхъ,
Должно быть намъ не до дубровъ—
Когда погибнулъ изъ огромныхъ
Великолѣпнѣйшихъ дубовъ—
Дубровинъ, человѣкъ изъ скромныхъ“.

А. Слезскинскій.

О П. К. Меньковѣ.

(По поводу статьи С. П. Зыкова „Наброски изъ моей жизни“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1910 годъ).

С. П. Зыковъ столь обидно и несправедливо характеризуетъ, покойнаго нынѣ, главнаго редактора журнала „Военный Сборникъ“ и газеты „Русскій Инвалидъ“ П. К. Менькова, что тѣ, кому дорога память этого дѣятеля, не могутъ не выступить въ защиту ея.

П. К. Меньковъ болѣе 13 лѣтъ стоялъ во главѣ „Военнаго Сборника“ и какъ редакторъ-издатель этого журнала оставилъ добрую по себѣ память. Ему пришлось принять изданіе и редактированіе этого журнала при крайне трудныхъ условіяхъ. „Военный Сборникъ“ возникъ въ 1858 году (началъ выходить съ мая того года) [1]) подъ редакціею В. М. Аничкова, Н. Н. Обручева и Н. Г. Чернышевскаго; но уже черезъ 10 мѣсяцевъ изданіе и редактированіе его было передано П. К. Менькову. И это не потому, что П. К. Меньковъ будто бы интриговалъ противъ прежней редакціи, какъ можно понять изъ словъ С. П. Зыкова, а по другимъ, гораздо болѣе глубокимъ причинамъ. Выяснять ихъ въ краткой замѣткѣ трудно. Интересующихся этимъ вопросомъ отсылаемъ къ ряду статей, напечатанныхъ въ 4, 5, 6 и 11 книжкахъ „Военнаго Сборника“ за 1908 годъ подъ заглавіемъ „Къ 50-лѣтію „Военнаго Сборника“. Здѣсь же достаточно сказать лишь слѣдующее. На отчетѣ по изданію этого журнала въ 1859 году (первый годъ редакторства П. К. Менькова) имѣется слѣдующая Собственноручная резолюція Императора Александра II: „*Читалъ съ удовольствіемъ и благодарю искренно главнаго редактора за данное направленіе, совершенно соотвѣтствующее Моимъ желаніямъ*“. Изданіе журнала въ послѣдующіе годы получало неизмѣнное одобреніе военнаго

---

[1]) С. П. Зыковъ совершенно невѣрно указываетъ, будто бы журналъ этотъ народился въ 1867 году.

министра Д. А. Милютина. Такъ, по прочтеніи отчета по изданію „Военнаго Сборника" въ 1862 году, Д. А. Милютинъ написалъ П. К. Менькову: „Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность выразить Вашему Превосходительству особую благодарность за успѣшный ходъ ввѣреннаго Вамъ изданія и въ особенности за данное Вами этому журналу истинно практическое и полезное направленіе". Надлежащее веденіе П. К. Меньковымъ журнала „Военный Сборникъ" въ теченіе 10 лѣтъ (1859—1868 г.г.) было однимъ изъ основаній для передачи ему съ 1869 года и газеты „Русскій Инвалидъ" [1]). Съ 1 января 1869 года онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ названныхъ журнала и газеты, что и продолжалось до 16 апрѣля 1872 года. „Военный Сборникъ" Меньковскаго періода принесъ большую пользу арміи, а потому имя П. К. Менькова является однимъ изъ самыхъ почтенныхъ въ исторіи нашей военной журналистики. Обидно поэтому, когда память этого почтеннаго дѣятеля омрачается такими анекдотами, которые приводитъ С. П. Зыковъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ С. П. Зыковъ не только невѣрно обрисовываетъ П. К. Менькова, сообщая о немъ дурные анекдоты, но впадаетъ и въ нѣкоторыя другія историческія ошибки, изъ которыхъ на одну я уже указалъ выше („Военный Сборникъ" возникъ не въ 1867 году, какъ говоритъ С. П. Зыковъ, а въ 1858 году).

Вторая ошибка заключается въ слѣдующемъ. Онъ говоритъ, что на „Военный Сборникъ" 1858 года ополчилось три союзника: начальство гвардейскаго корпуса, П. К. Меньковъ и полковникъ Штюрмеръ. Это совершенно невѣрно. Не только никакого союза между ними не было, но не было и единомыслія. Начальство гвардейскаго корпуса само должно было защищаться отъ обвиненій Штюрмера и представлять длинныя объясненія военному министру по обвинительнымъ запискамъ Штюрмера. Эпизодъ этотъ переданъ П. Д. Паренсовымъ въ майской книжкѣ 1908 года и декабрьской книжкѣ 1909 года „Русской Старины" въ замѣткѣ, озаглавленной „Изъ прошлаго".

Что П. К. Меньковъ не былъ не только союзникомъ, но и единомышленникомъ Штюрмера, ясно изъ того, что П. К. Менькову, уже редактору „Военнаго Сборника", пришлось самому много вы-

---

[1]) Газету эту П. К. Меньковъ получилъ изъ рукъ С. П. Зыкова, который былъ главнымъ редакторомъ „Русскаго Инвалида" съ апрѣля 1865 года по 1 января 1869 года. Передача эта была вызвана нарожденіемъ „Правительственнаго Вѣстника" и какъ результатъ сего измѣненіемъ характера „Русскаго Инвалида", который изъ газеты военной, политической, ученой и литературной долженъ былъ обратиться въ спеціальную военную газету.

нести отъ цензурныхъ обвиненій того же Штюрмера (это подробно разсказано въ статьѣ „Къ 50-лѣтію Военнаго Сборника“, помѣщенной въ книжкахъ этого журнала за 1908 годъ).

С. П. Зыковъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ полковникъ Штюрмеръ попалъ въ генеральный штабъ. Очень просто: онъ въ 1836 году окончилъ курсъ Императорской военной академіи (которая впослѣдствіи была переименована въ Николаевскую академію генеральнаго штаба); при томъ окончилъ онъ этотъ курсъ первымъ (см. списки, приложенные къ труду Глиноецкаго „Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба“, изд. 1882).

Ѳ. А. Макшеевъ

(Теперешній главный редакторъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“).

Первое земское собраніе въ Самарѣ.

Изъ воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ.

Осенью 1865 года было открыто первое губернское земское собраніе въ Самарѣ, подъ предсѣдательствомъ Юрія Ѳедоровича Самарина. Новизна земскихъ учрежденій и громкое имя предсѣдателя собранія привлекли массу публики; все, что было интеллигентнаго, не только въ городѣ, но и въ губерніи, стремилось попасть на засѣданія земскаго собранія, и потому всѣ засѣданія бывали переполнены публикою. Насущнѣйшимъ вопросомъ этого перваго земскаго собранія былъ голодъ, угрожавшій крестьянамъ Самарской губерніи, такъ какъ въ этомъ году былъ полный неурожай какъ хлѣбовъ, такъ и травъ; вслѣдствіе страшной жары, стоявшей все лѣто, и хлѣбъ и травы выжгло солнцемъ такъ, что нельзя было отличить засѣяннаго поля отъ несѣяннаго. При обсужденіи вопроса, какія мѣры необходимо принять для обезпеченія нуждающагося населенія продовольствіемъ и какія на это потребуются суммы, много споровъ возбудилъ вопросъ: должно ли земство озаботиться о продовольствіи всѣхъ крестьянъ Самарской губерніи, или только крестьянъ временно-обязанныхъ, какъ тогда называли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости манифестомъ 19 февраля 1861 года. Въ виду сообщенія, сдѣланнаго собранію Предсѣдателемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ и Управляющимъ Удѣлами, что для выдачи пособія государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ уже ассигнованы значительныя суммы подлежащими вѣдомствами, большинство гласныхъ высказывалось за то, что земству слѣдуетъ принять подъ свое попеченіе лишь временно-обязанныхъ крестьянъ, а попеченіе о государственныхъ и удѣльныхъ крестьянахъ предоставить Палатѣ Государственныхъ Имуществъ и Управленію Удѣлами, тѣмъ болѣе, что такому новорожденному и неорганизованному учрежденію, какъ

земство, трудно справиться съ нелегкой задачей продовольствія хотя бы однихъ временнообязанныхъ крестьянъ. Послѣ нѣсколькихъ ораторовъ, говорившихъ по данному вопросу въ указанномъ смыслѣ, встаетъ и проситъ слова гласный отъ крестьянъ, по фамиліи Осыка. Я, разумѣется, не помню дословно этой рѣчи, но въ короткихъ словахъ суть ея заключалась въ слѣдующемъ:

— Господа гласные, позвольте мнѣ отъ имени государственныхъ крестьянъ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой принять и насъ, государственныхъ крестьянъ, подъ Ваше попеченіе. Мы слышали, что для оказанія намъ пособія, какъ и крестьянамъ удѣльнымъ, ассигнованы Правительствомъ значительныя суммы. Мы глубоко признательны Правительству за его попеченіе о насъ и желаніе явиться на помощь крестьянамъ, бѣдствующимъ отъ неурожая; но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная какъ подобныя пособія распредѣляются между крестьянами, мы боимся, что ассигнованныя на эти пособія суммы будутъ израсходованы непроизводительно и потому отъ голода насъ не избавятъ. Разсказавъ довольно подробно, какъ благодаря злоупотребленіямъ чиновниковъ и сельскихъ властей, выдаваемыя Палатой Государственныхъ Имуществъ пособія оказываются въ рукахъ не бѣдняковъ, нуждающихся въ этихъ пособіяхъ, а въ рукахъ сельскихъ кулаковъ, получающихъ чрезъ эти пособія возможность еще болѣе эксплоатировать бѣдноту, онъ закончилъ свою рѣчь повтореніемъ своей просьбы къ земству принять подъ свое попеченіе всѣхъ крестьянъ, а не однихъ только временнообязанныхъ.

Рѣчь эта была сказана очень просто, безъ всякихъ вычурныхъ фразъ, но очень толково и гладко; въ настоящее время хорошо сказанная простымъ крестьяниномъ рѣчь такого впечатлѣнія не произвела бы, какъ тогда, когда мы слушали первую рѣчь, сказанную крестьяниномъ въ публичномъ собраніи; а потому нечего и говорить, что рѣчь Осыки была покрыта громомъ рукоплесканій, какъ гласныхъ, такъ и присутствовавшей на собраніи публики.

Когда аплодисменты смолкли, вскакиваетъ со своего мѣста Предсѣдатель Палаты Государственныхъ Имуществъ, А. Я. Г—тъ и, обращаясь въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ гласный Осыка, воскликнулъ:

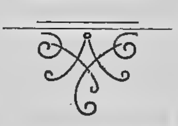
— Какого уѣзда, какой волости?

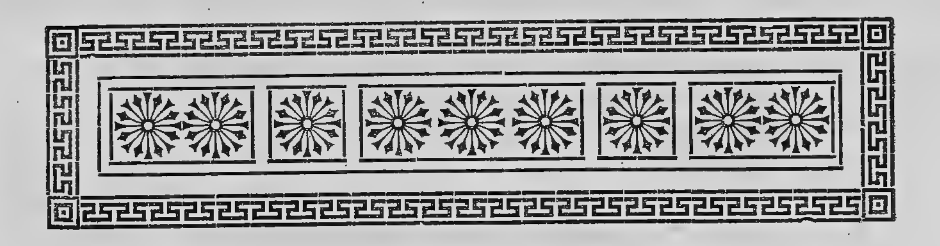
На это восклицаніе встаетъ гласный Осыка и, обращаясь къ Предсѣдателю Палаты Гос. Им., говоритъ:

— Ваше превосходительство, здѣсь уѣздовъ и волостей нѣтъ, а здѣсь равноправные гласные.

Эти слова Осыки были снова покрыты громкими аплодисментами, а А. Я. Г—тъ, подъ громъ этихъ аплодисментовъ, моментально покинулъ залъ собранія. Гласный же Осыка за свою прекрасную рѣчь и находчивый отвѣтъ Предсѣдателю Палаты Государственныхъ Имуществъ былъ избранъ земскимъ собраніемъ въ члены губернской земской управы.

А. А—ахъ.

Замѣтки на статью Д. Скалона „Забытый фельдмаршалъ“.

Въ ежемѣсячномъ историческомъ изданіи „Русская Старина“ 1907 года декабрь, стр. 534 значится:

„31-го декабря 1877 г. Вел. Князь Николай Николаевичъ переваливалъ черезъ Балканы.

Послѣ объѣзда славной 14-й дивизіи у деревни Шипки и войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіяхъ 27 и 28 декабря, Великій Князь провозгласилъ генералу Радецкому „ура“ и, продолжая путь къ Казанлыку, увидѣлъ вытянувшійся строй кавалеріи.

При этомъ [1]) Великій Князь обратился къ своему адъютанту полковнику Скалону, послалъ его спросить Өедора Өедоровича Радецкаго: это, что такое..., Скалонъ подъѣхалъ и повторилъ вопросъ Его Высочества...

Радецкій [2]) отвѣтилъ: „это знаете“, полки 1-й кавалерійской дивизіи, они очень просили послѣ труднѣйшаго перехода со Скобелевымъ представиться Его Высочеству...

Великій Князь съ мѣста приказалъ отправить одинъ полкъ въ *Ямболь*, а два подъ начальствомъ Струкова въ авангардъ Скобелева, чтобы войти въ потерянное соприкосновеніе съ отступавшими отрядами турокъ и продолжать наступленіе“.

Въ описаніи этомъ, когда Великій Князь увидѣлъ вытянувшійся строй кавалеріи, онъ не могъ быть удивленъ, такъ какъ Его Высочество самъ объявилъ генералу Радецкому, что дальнѣйшія распоряженія будутъ сдѣланы по пріѣздѣ имъ самимъ.

---

[1]) Будто бы.

[2]) Будто бы.

Генералъ Радецкій, также точно, не могъ „съ хитрецою“ отвѣтить полковнику Скалону: „это знаете“, и проч. Онъ бы просто сказалъ, что приказалъ всѣмъ ожидать пріѣзда Великаго Князя и отъ него самого получить дальнѣйшія распоряженія.

Затѣмъ въ Ямболь ни одинъ полкъ отправленъ не былъ, и никакого авангарда Скобелева въ то время не существовало.

Потери соприкосновенія съ отступающими отрядами турокъ не могло быть, такъ какъ никто не отступалъ, а всѣ сдались и взяты въ плѣнъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ, прорвавшихся во время сраженія въ интервалѣ между отрядами князя Мирскаго и генерала Скобелева и ускакавшими вразсыпную по горамъ въ обходъ Адріанополя.

Въ дѣйствительности 28 декабря 1877 года сраженіе подъ Шипкой и Шейновымъ окончилось въ 3-мъ часу дня плѣненіемъ турецкой арміи Вейсель-паши.

Затѣмъ кавалерійскія части войскъ, принимавшія участіе въ сраженіи съ самаго начала и до конца, выставили аванпосты и охраняли плѣнныхъ. Преслѣдовать же непріятеля не требовалось, такъ какъ весь турецкій отрядъ цѣликомъ взятъ въ плѣнъ, и болѣе никакихъ турецкихъ войскъ, какъ оказалось впослѣдствіи, до самаго Адріанополя не было.

29 декабря послѣ полудня генералъ Радецкій изъ Габрова спустился въ долину, гдѣ у Шейновскаго поля выстроены были для его встрѣчи войска обѣихъ обходныхъ колоннъ.

Объѣзжая всѣ части, генералъ Радецкій благодарилъ войска именемъ Великаго Князя и поздравлялъ съ побѣдою.

— Дальнѣйшее распоряженіе, прибавилъ генералъ Радецкій, будетъ сдѣлано *самимъ Великимъ Княземъ*, по прибытіи Его Высочества.

На слѣдующій день, 30 декабря, Великій Князь не прибылъ, а пожаловалъ лишь 31 декабря послѣ полудня.

Къ прибытію Великаго Князя всѣ войска вновь построены были для встрѣчи. Его Высочество благодарилъ за побѣду, проѣхалъ далѣе въ Казанлыкъ, гдѣ въ 7 час. вечера приказано было всѣмъ начальникамъ частей собраться въ квартирѣ Его Высочества въ городѣ Казанлыкѣ. Долго пришлось ожидать выхода Великаго Князя. Генерала Радецкаго при этомъ не было, какъ раньше принимавшаго у себя Великаго Князя и вѣроятно получившаго отъ него нѣкоторыя указанія.

Безъ двухъ минутъ въ полночь вышелъ усталый Великій Князь изъ своей спальной, поздравилъ всѣхъ съ Новымъ годомъ, выпили по рюмкѣ мѣстнаго, краснаго вина, закусили сыромъ и колбасой (за неимѣніемъ у Великаго Князя обоза).

„Теперь, господа, къ дѣлу“; разложили карту, началось объясненіе; съ начала на словахъ самимъ Его Высочествомъ, при чемъ Великій Князь часто спрашивалъ:

„Вы поняли меня“...

Слышны были звуки шпоръ въ знакъ согласія.

Чтобъ не забыть чего, дали клочки бумаги, карандаши каждый досталъ свои.

Было темновато, карандаши ломались. Прислужились адъютанты Его Высочества: позвольте, ваше превосходительство, Вамъ записать.

Великій Князь повторилъ объясненія.

Слѣдующая запись сдѣлана адъютантомъ Великаго Князя полковникомъ Скалономъ, которая сохраняется по настоящее время въ цѣлости.

„1) Отлукіой въ долину Марицы идетъ Гурко съ 1-ю бригадою гв. пѣхотной дивизіи въ Ихтиманъ.

2) Дохтуровъ, правый флангъ на Чирпанъ, и затѣмъ вправо въ связь; лѣвый флангъ на Ени-Загру, центръ на Ески-Загру.

3) Дмитрій Ивановичъ [1]) по долинѣ рѣки Хлеопса на Филиппополь“.

— Постойте, г.г., сказалъ Великій Князь, я лучше еще разъ повторю, чтобы не вышло ошибки.

Записано вновь:

„1) Гурко въ Ихтиманѣ, съ 1-ю бригадою гвардейской пѣхотной дивизіи, идетъ отъ Отлукіой въ долины Марицы.

2) Дохтуровъ, правый флангъ на Чирпанъ, и затѣмъ вправо въ связь со Скобелевымъ I-мъ.—Центръ Эски-Загра, лѣвый флангъ Іени-Загра.

3) Скобелевъ I-й по долинѣ рѣки Гіеб-су на Филиппополь.

9-я пѣхотная дивизія по Тунджѣ на Ханкіой и Гризаріи (или Оризаріи)“.

Затѣмъ еще разъ Великій Князь спросилъ:

„Надѣюсь теперь, что поняли...

„Прощайте, г.г., спать пора“.

При выходѣ изъ квартиры Его Высочества, ожидавшій посыльный штаба генерала Радецкаго вручилъ начальнику 1-й кавалерійской дивизіи пакетъ съ надписью „весьма нужное“.

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ I-й, отецъ Михаила Дмитріевича Скобелева.

№ 1029, Казанлыкъ.
31 декабря 1877 года.

Вашему Превосходительству

съ ввѣренной Вамъ дивизіей завтрашняго числа направиться для занятія Эски-Загры.

Къ ввѣренной Вамъ дивизіи въ Ваше распоряженіе для той же цѣли назначается 4-я стрѣлковая бригада, Орловскій полкъ и 2-я горная батарея. По занятіи Эски-Загры должны быть тотчасъ же направлены сильные разъѣзды по тремъ направленіямъ: на Іени-Загру, Тырново (узелъ жел. дорогъ) и Чирпанъ.

При этомъ необходимо стараться войти въ связь съ одной стороны на сѣверъ съ отрядомъ полковника Жиржинскаго, который завтра выступаетъ къ Ханкіою и будетъ посылать съ своей стороны разъѣзды въ Ени-Загру, съ другой стороны съ отрядомъ генерала Карцева, который отъ Карлова двигается къ Филиппополю. Добытыя свѣдѣнія присылать ко мнѣ въ Казанлыкъ.

Если гдѣ-нибудь будутъ найдены брошенные непріятелемъ запасы продовольствія, то ставить къ нимъ караулы и принять самыя энергичныя мѣры къ ихъ охраненію и бережливому расходованію.

Подписалъ: Командиръ 8-го корпуса
генералъ-отъ-инфантеріи
Радецкій.

2-го января, въ 6 час. утра, вслѣдствіе вышеозначеннаго предписанія командира 8-го корпуса, отъ 31 декабря прошлаго 1877 г., за № 1029, и личныхъ указаній Великаго Князя главнокомандующаго, были сдѣланы начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи слѣдующія распоряженія:

Для освѣщенія пространства между Эски-Загра, Ени-Загра, Тырново на р. Марицѣ и Чирпанъ, занятія ихъ, захвата желѣзнодорожныхъ станцій, порчи телеграфовъ и обезпеченія довольствіемъ войскъ, долженствовавшимъ слѣдовать за отрядомъ, въ 9 час. утра, кавалерійскіе полки были направлены:

а) С.-Петербургскій уланскій, въ вѣдѣніи командира полка полковника Балка, на Ени-Загру.

б) Лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова [1]), на Кечерли къ Тырнову на р. Марицѣ.

---

[1]) Прибывшаго наканунѣ, въ 9 час. вечера, въ Эски-Загру по распоряженію Великаго Князя главнокомандующаго, для командованія бригадою вмѣсто генералъ-маіора Лашкарева, назначеннаго комендантомъ на Шипку.

в) Пять сотенъ Донского казачьяго № 1-го полка подъ командою флигель-адъютанта полковника Кутейникова на Чирпанъ.

Полкамъ этимъ предписано было имѣть взаимную связь посредствомъ разъѣздовъ, уланскому полку войти въ сношеніе съ отрядомъ полковника Жиржинскаго, слѣдующаго къ Ханкіою, Донскому казачьему съ отрядомъ генерала Карцева, слѣдующаго отъ Карлова къ Филиппополю, для связи же колоннъ уланскаго и драгунскаго полковъ, составленъ особый отрядъ изъ взводовъ по одному изъ каждаго изъ названныхъ полковъ, направленный на Карабунаръ.

г) Второй сотнѣ Донскаго казачьяго № 1-го полка содержать разъѣзды около города и почту къ Казанлыку, для чего выставить небольшіе посты, около пяти верстъ одинъ отъ другого для передачи донесеній.

д) Командиру 4-й стрѣлковой бригады предписано занять однимъ баталіономъ выходъ изъ ущелья, остальнымъ же баталіонамъ и 36 Орловскому полку расположиться въ уцѣлѣлой части города Эски-Загры.

Назначить изъ подвѣдомственныхъ ему офицеровъ коменданта города, въ распоряженіе котораго дать команду нижнихъ чиновъ для принятія складовъ, опечатанія и храненія ихъ.

2-го января, въ 10 час. утра получено въ Эски-Загрѣ второе предписаніе командира 8-го корпуса слѣдующее:

№ 31. Отрядъ Казанлыкскій.
Штабъ 8-го корпуса, 1-го января, 6 час. вечера.
Мѣсто отправленія Г. Казанлыкъ.
Начальнику 1-й кавалерійской дивизіи.

„Завтрашняго числа изъ Казанлыка выступитъ 3-я стрѣлковая бригада со 2-ю горной батареей, которыя также назначаются въ составъ ввѣреннаго вашему превосходительству отряда и подъ ближайшее начальствованіе командира 4-й стрѣлковой бригады, полковника Крокъ“.

Подписалъ: командиръ корпуса
генералъ-отъ-инфантеріи Радецкій.

Штабъ 8-го корпуса, 3-го января 1878 г., г. Казанлыкъ, № 21.
Начальнику 1-й кавалерійской дивизіи.

Направляющихся къ Его Высочеству главнокомандующему изъ Константинополя Серверъ и Намыкъ-пашей прошу приказать встрѣтить съ почетомъ и проводить въ Казанлыкъ съ подобающимъ конвоемъ.

Объ изложенномъ прошу предупредить какъ генерала Струкова, идущаго съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ къ Тырнову (узелъ жел. дор.), такъ и уланскій полкъ, стоящій въ Ени-Загрѣ, такъ какъ неизвѣстно по какой дорогѣ они поѣдутъ.

Подписалъ: командиръ 8-го корпуса
генералъ-отъ-инфантеріи Радецкій.

Штабъ 8-го армейскаго корпуса, 3-го января 1878 года № 18, гор. Казанлыкъ.

Начальнику 1-й кавалерійской дивизіи.

Находящійся во ввѣренномъ вашему превосходительству отрядѣ, 36-й Орловскій полкъ, по приказанію главнокомандующаго, долженъ сего числа двинуться къ Ени-Загрѣ и остановиться на половинѣ пути къ этому пункту, въ видѣ репли высланной туда кавалеріи.

Начальствованіе надъ ввѣреннымъ вашему превосходительству отрядомъ съ присоединяющимися къ нему 16-ю и 30-ю пѣхотными дивизіями, съ 3-ю стрѣлковою бригадою и тремя дивизіонами артиллеріи, по повелѣнію Его Высочества главнокомандующаго, поручается начальнику 16-й дивизіи генералъ-лейтенанту Скобелеву.

Подписалъ: командиръ 8-го корпуса
генералъ-отъ-инфантеріи Радецкій.

Желательно возстановить фактъ, что послѣ плѣненія турецкой арміи 28 декабря 1877 г. подъ Шипкой дальнѣйшія распоряженія о наступленіи задержаны были по приказанію Великаго Князя главнокомандующаго до прибытія Его Высочества; а затѣмъ по спускѣ Великаго Князя съ Шипки въ долину Его Высочество созвалъ въ г. Казанлыкѣ начальникомъ частей и на словахъ отдалъ имъ приказаніе.

Главнымъ же распорядителемъ оставался командиръ 8 корпуса генералъ Радецкій, который въ тотъ же вечеръ въ г. Казанлыкѣ 31 декабря 1877 г. за № 1029 предписалъ начальнику 1-й кавалерійской дивизіи завтрашняго числа двинуться съ отрядомъ въ наступленіе.

Между тѣмъ въ „Русской Старинѣ“ въ статьѣ, подписанной Дмитріемъ Скалономъ („Забытый Фельдмаршалъ“) и въ Дневникѣ г. Газенкампфа не упоминается о распоряженіяхъ г-ла Радецкаго; а въ перечнѣ военныхъ дѣйствій для внесенія въ послужные списки значится:

1878 г. съ 1 по 8 января наступленіе передового кавалерійскаго отряда отъ Казанлыка къ Адріанополю.

Казалось бы, никто не въ правѣ искажать факты и устранять распоряженія столь почтенной личности, какъ генералъ Радецкій.

Съ 1-го по 4-е января полнымъ начальникомъ былъ онъ генералъ Радецкій, и посланный имъ отрядъ занялъ Ески-Загру, Іени-Загру, г. Чирпанъ и ж. дор. станцію Тырновъ.

Онъ же ген. Радецкій предписалъ начальнику отряда генералу Дохтурову дать знать Петербургскому уланскому полку и генералу Струкову, идущему съ лейбъ-драгунскимъ Московскимъ Его Величества полкомъ о томъ, чтобы они встрѣтили съ должнымъ почетомъ пашей Серверъ и Намыкъ, выѣхавшихъ къ Великому Князю для переговоровъ о мирѣ, такъ какъ неизвѣстно, по какой дорогѣ они поѣдутъ.

Этимъ, можно сказать, окончились военныя дѣйствія съ этой стороны.

На все это имѣются подлинные документы, которые по требованію главнаго штаба представлены въ оный; но предварительно всѣ они въ г. Твери заявлены тверскому нотаріусу Игнатію Жуковскому, въ конторѣ коего сняты копіи 1879 г. октября 20 дня, записаны по реестру за № 1182 и хранятся по нынѣ въ цѣлости.

Кромѣ того означены въ печатанномъ журналѣ военныхъ дѣйствій 1 кавалерійской дивизіи 1877 и 1878 г.г., который также своевременно всюду былъ представленъ.

Что касается генерала Скобелева, то онъ прибылъ на ст. Тырновъ 4 января 1878 г. въ 6 ч. вечера и быстро сообразилъ, что тутъ уже ничего особеннаго для него произойти не можетъ, а потому изъ Германлы собирался идти къ Хаскіою, какъ значится въ ноябрьской книжкѣ 1888 г. „Русской Старины“, стр. 456, гдѣ вѣрно описано Верещагинымъ слѣдующее.

Очевидно ему не давала покоя мысль окончательно раздавить и взять въ плѣнъ армію Сулеймана-паши, т. е. довершить то, что не окончилъ Гурко, который, разбивши Сулеймана, гналъ его передъ собою.

Скобелевъ объявилъ, что Сулейманъ подходитъ, что Панютинъ доноситъ, что уже завязалъ дѣло съ нѣсколькими таборами, и что онъ пресерьезно идетъ къ Хаскіою настрѣчу Сулейману.

Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гурко, еще то обстоятельство, что къ громадному обозу турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и родичи изъ отступающей арміи, которые хотѣли оказать защиту своимъ и при появленіи русскихъ соединились въ колонны.

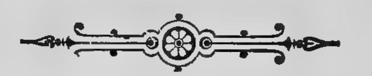
Разгорѣлось дѣло, послѣ горячей перестрѣлки пѣхота бросилась на ура и тутъ произошло дѣло, которое Скобелевъ уже засталъ совершившимся и остановить которое было поздно.

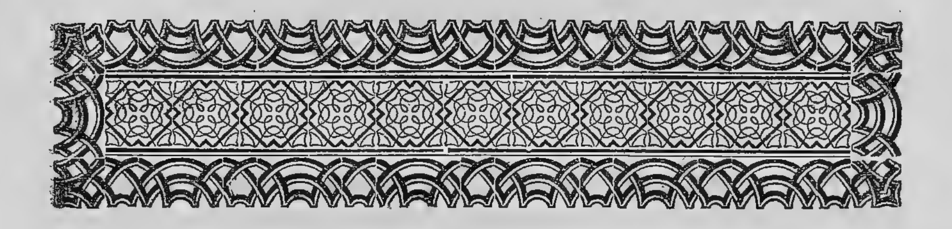
Бравый Панютинъ поднялъ на штыки весь громадный обозъ. Солдаты сбрасывали имущество, ища денегъ, и когда Скобелевъ подъѣхалъ, онъ ужаснулся сдѣланной ошибкѣ. Приказъ его по отряду послѣ этого дѣла, конечно, одинъ изъ самыхъ строгихъ изъ всѣхъ когда-либо данныхъ имъ по войскамъ.

Изъ вышеприведенныхъ предписаній генерала Радецкаго видно, что послѣ сраженія 27 и 28 декабря 1877 г. подъ Шипкою и Шейновымъ, онъ оставался начальникомъ обѣихъ обходныхъ колоннъ, и всѣ распоряженія его о дальнѣйшемъ наступленіи были приведены въ исполненіе.

Объ этомъ напечатано было въ особой книжкѣ: „Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1-й кав. дивизіи 1877 и 1878 г.г.“, которая своевременно представлена была въ штабъ главнокомандующаго арміей и въ Главный штабъ. Кромѣ того, по окончаніи войны, Главнымъ штабомъ потребовано было представить подлинные документы и всю переписку, что и было исполнено; но предварительно копіи съ оныхъ сняты были нотаріальнымъ порядкомъ и сохраняются въ цѣлости по настоящее время.

М. Н. Дохтуровъ.

Мелхиседекъ Значко-Яворскій.

(Къ столѣтію со дня его смерти).

Сто лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ перваго на второе іюня 1809 г. [1]) въ Глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ скончался девяностолѣтній старецъ—настоятель этого монастыря, архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Смерть его прошла совершенно незамѣтно для современниковъ, но это произошло вовсе не потому, что Мелхиседекъ былъ безцвѣтною личностью, не оставившею по себѣ никакого слѣда въ исторіи. Онъ только, такъ сказать, пережилъ себя, проживъ какъ-бы на покоѣ около сорока послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Но было время,—еще въ первые годы царствованія Великой Екатерины,—онъ проявлялъ удивительную энергію и обнаружилъ дѣятельность, занесенную на страницы исторіи и обвѣянную роемъ народныхъ преданій и легендъ. Его дѣятельность возбуждала страсти, волновала народныя массы, одно время служила предметомъ оживленной дипломатической переписки между Петербургскимъ и Варшавскимъ кабинетами. Теперь ко дню столѣтія со дня его кончины, когда мы такъ далеко отошли отъ той эпохи, умѣстно, думается, сдѣлать попытку безпристрастнаго сужденія о личности Мелхиседекаи его дѣлахъ.

Мелхиседекъ происходилъ изъ старинной, видной казацкой фамиліи и родился около 1720 г. въ г. Лубнахъ отъ мѣстнаго полкового есаула Карпа Значко-Яворскаго. Тогдашняя малороссійская старшина, зародышъ будущаго здѣшняго дворянства, весьма благосклонно относилась къ мѣстнымъ духовнымъ школамъ, какъ единственнымъ разсадникамъ просвѣщенія, охотно отдавая сюда въ „латинскую

*

---

[1]) Написано въ 1909 г. *Ред,*

науку" своихъ сыновей. Такимъ вполнѣ естественнымъ путемъ попалъ Мелхиседекъ, отпрыскъ дворянско-военнаго рода, для выучки въ духовную школу—Кіевскую академію. Изъ академіи многія дворянскія дѣти избирали себѣ обычную свѣтскую карьеру, но нѣкоторыя, проведши рядъ годовъ въ академическомъ Братскомъ монастырѣ, увлекались монашествомъ и оставались въ духовномъ вѣдомствѣ. Такъ случилось, напримѣръ, около этого времени съ двумя представителями родовитой малороссійской фамиліи Горленко (знаменитымъ впослѣдствіи епископомъ бѣлгородскимъ Іоасафомъ и братомъ его архимандритомъ Митрофаномъ). И изъ семьи лубенскаго есаула Карпа Значко-Яворскаго три сына пошли по полковой службѣ, а двое приняли монашество. Въ числѣ послѣднихъ былъ и старшій сынъ есаула. Не доучившись въ академіи, онъ вышелъ изъ класса философіи и отправился въ польскую Украину, гдѣ былъ рядъ монастырей, жившихъ почти независимыми, самоуправляющимися общинами, и въ одномъ изъ нихъ—Троицкомъ Мотренинскомъ въ 1745 г. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Мелхиседека.

Не особенный любитель академической науки—Мелхиседекъ оказался въ монастырѣ прекраснымъ практическимъ дѣльцомъ и быстро выдвинулся среди монастырской братіи, которую, повидимому, превосходилъ и теоретическими познаніями, какія успѣлъ вынести изъ академіи. Братія Мотренинскаго монастыря скоро предоставила ему видную роль въ монастырской жизни, избирая его послѣдовательно на отвѣтственныя должности—казначея, намѣстника и, наконецъ, въ 1753 г. игумена—настоятеля обители.

Сперва Мелхиседекъ игуменствовалъ въ безвѣстности. Но скоро на него обратилъ вниманіе одинъ изъ переяславскихъ епископовъ, которымъ, хотя они жили и за границею—въ русскомъ государствѣ, подчинялась въ церковномъ отношеніи часть православнаго населенія польской Украины. Это былъ энергичный старикъ—Гервасій Линцевскій (1757—1769 г.г.). Познакомившись хорошо съ Мелхиседекомъ, Гервасій довѣрилъ ему завѣдываніе всѣми православными церквами и монастырями зарубежной части своей епархіи. Это было въ сентябрѣ 1761 г. Съ этого момента начинается кипучая дѣятельность Мелхиседека, стяжавшая ему историческую извѣстность.

Къ тому времени пропаганда уніи имѣла большой успѣхъ среди подвластнаго Польшѣ малороссійскаго населенія правобережной Украины. Простой малороссійскій народъ плохо разбирался въ тонкостяхъ религіозныхъ различій между православіемъ и уніей, но искренно ненавидѣлъ своихъ господъ—поляковъ, отъ которыхъ испытывалъ вмѣстѣ съ религіозными стѣсненіями и тяжкій соціаль-

но-экономическій гнетъ. Пробудить въ народѣ религіозное сознаніе, возгрѣть въ немъ любовь и преданность къ вѣрѣ отцовъ—православію, „исторгнуть его изъ зубовъ уніатскихъ",—такую задачу поставилъ себѣ Мелхиседекъ. Съ энергіей принялся онъ за это дѣло и имѣлъ въ немъ несомнѣнный успѣхъ. Многіе изъ украинскаго населенія, попавшіе въ унію по одному недоразумѣнію, только теперь разобрались въ немъ, съ охотою откликнулись на зовъ Мелхиседека и поспѣшили послать депутатовъ въ Переяславъ за православными священниками и антиминсами.

Однако встрѣтилось сильное противодѣйствіе—со стороны господствовавшихъ здѣсь католиковъ и уніатовъ, энергіи Мелхиседека противопоставившихъ свою энергію. Тогда Мелхиседекъ задумалъ большое дѣло—заинтересовать здѣшнимъ религіознымъ вопросомъ императрицу Екатерину. Съ этой цѣлью лѣтомъ 1765 г. Мелхиседекъ поѣхалъ въ Петербургъ, два мѣсяца прожилъ здѣсь, заинтересовалъ своимъ дѣломъ членовъ Синода и успѣлъ добиться личнаго свиданія съ Екатериной. И раньше интересовавшаяся польскимъ вопросомъ и имѣвшая виды на Польшу, императрица Екатерина любезно приняла Мелхиседека и съ охотою обѣщала исполнить просьбу его о поддержкѣ православныхъ въ польской Украинѣ, такъ какъ въ этомъ увидѣла одно изъ средствъ—„все глубже и шире проявлять свое вліяніе на польскія дѣла". Ободренный нравственной и матеріальной поддержкой императрицы, Мелхиседекъ, возвратившись въ Украину, съ удвоенной энергіей продолжалъ свои мѣры по отвращенію мѣстнаго населенія отъ уніи и утвержденію его въ православіи. Вполнѣ естественно, что пропорціонально успѣху Мелхиседекова дѣла возрастала злоба фанатичныхъ поляковъ противъ православныхъ,—съ 1766 г. поднялось здѣсь чуть-ли не открытое гоненіе на болѣе видныхъ представителей православія, руководимое оферціаломъ мѣстной уніатской митрополіи Григоріемъ Мокрицкимъ. Не избѣжалъ рукъ фанатиковъ и самъ Мелхиседекъ, прозванный ими „царемъ схизматицкимъ". Лѣтомъ того же 1766 г. Мелхиседекъ былъ тайно схваченъ своими врагами внѣ стѣнъ Мотренинскаго монастыря, арестованъ, подвергнутъ тяжелому тюремному заключенію въ Грудкѣ и разнымъ издѣвательствамъ и, еле оставшись живымъ, только случайно спасся при помощи неизвѣстныхъ благодѣтелей, устроившихъ ему тайный побѣгъ изъ-подъ ареста.

Послѣ вынесенныхъ страданій Мелхиседекъ продолжалъ свое попеченіе о православномъ населеніи польской Украины, ѣздилъ даже хлопотать въ Варшаву объ улучшеніи его юридическаго положенія, но уже не рѣшался болѣе жить въ своемъ Мотренинскомъ

монастырѣ и разъѣзжать по окрестнымъ мѣстамъ правобережной Украины. Свою постоянную резиденцію онъ утвердилъ теперь въ мѣстѣ безопасномъ—лѣвобережномъ Переяславѣ. Между тѣмъ брошенное Мелхиседекомъ въ польской Украинѣ сѣмя принесло большіе плоды,—бо̀льшіе, чѣмъ ожидалъ того онъ самъ. Поднятое Мелхиседекомъ религіозное движеніе расшевелило украинскихъ „хлоповъ“, и они скоро отъ протеста противъ навязанной польскими панами вѣры весьма легко и просто, въ отсутствіе Мелхиседека изъ Украины, перешли къ рѣзкому выраженію недовольства всѣмъ польскимъ гнетомъ—въ совокупности разныхъ его проявленій. Вышедшее въ началѣ 1768 г. изъ среды фанатичной польской шляхты движеніе конфедератовъ еще болѣе взволновало польскую Украину, и къ концу весны того же года здѣсь вспыхнуло зарево пожара, вышедшее изъ среды мѣстныхъ „хлоповъ“. Поднялась „коліивщина“ съ ея кличемъ—„ни ляха, ни жида!“,—центральнымъ моментомъ ея была кровавая Уманская рѣзня. Взбудораженная, оставшаяся безъ руководителя, сбитая къ тому же съ толку колебаніями неустойчивой русской политики, значительная масса украинцевъ, легко довѣрившись темнымъ слухамъ, опьянилась сладкимъ ядомъ вѣковой вражды къ полякамъ и увлеклась необузданной жаждой мести.

Русскому правительству это народное волненіе въ Украинѣ было весьма непріятно, такъ какъ оно еще болѣе усложняло путаницу въ польскихъ дѣлахъ, могло набросить въ глазахъ Европы тѣнь на русскую политику, мѣшало осуществленію лелѣявшейся тогда въ Петербургѣ мечты о постепенномъ подчиненіи всей Польши. Украинское волненіе было подавлено русскими войсками, виновные и замѣшанные въ немъ были судимы.

Подозрительно относившіеся къ Мелхиседеку представители русской власти хотѣли, повидимому, привлечь и его къ отвѣтственности, но, очевидно, Мелхиседекъ оказался неуязвимымъ. Сказки о судѣ надъ Мелхиседекомъ, принимаемыя на вѣру нѣкоторыми польскими историками (Т. Корзонъ, В. Смоленскій), нынѣ при свѣтѣ новыхъ архивныхъ разысканій совершенно разсѣеваются[1]. Въ возстаніи онъ не участвовалъ, и только пылкая фантазія увлекающагося историка-романиста Д. Л. Мордовцева могла нарисовать его страстнымъ агитаторомъ, подготовившимъ и давшимъ починъ страшной Уманской рѣзнѣ (см. извѣстную монографію его „Гайдамачина“). Не былъ Мелхиседекъ и „совершеннымъ плутомъ“,

[1]) См. архивные матеріалы, опубликованные нами въ январьской, мартовской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1905 г.

способнымъ на все, какимъ характеризовалъ его современный той эпохѣ русскій посолъ въ Варшавѣ — князь Н. В. Репнинъ. Но съ другой стороны это не была также и та рѣдкая, свѣтлая героическая личность, какою, несомнѣнно идеализируя, представляетъ Мелхиседека его извѣстный, давнишній біографъ Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Непосредственнаго участія въ украинскомъ народномъ движеніи 1768 г. Мелхиседекъ не принималъ (онъ въ это время и жилъ въ Переяславѣ, а не на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ происходило возстаніе), но его миссіонерская дѣятельность — совершенно для для него самого неожиданно—сыграла видную роль въ томъ общенародномъ движеніи на Украинѣ, которое привело къ „коліивщинѣ“.

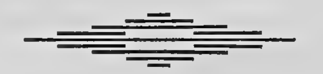
Это былъ заурядный монахъ, „къ послушаніямъ способный“, отличавшійся дѣловитостью и практическими способностями въ узкой сферѣ монастырской жизни—и только. Его попытка—можетъ быть имъ самимъ хорошо не сознанная,—стать во главѣ большого религіозно-народнаго дѣла, вмѣшаться въ жизнь народную—ему не удалась, да и не могла удаться. Къ ней онъ не былъ подготовленъ, онъ, который мало зналъ жизнь мірскую, обладалъ небольшимъ запасомъ знаній, чуждъ былъ широкихъ умственныхъ интересовъ. Не обладая проницательностью и дальновидностью, Мелхиседекъ былъ удивленъ и напуганъ тѣмъ, во что вылилось поднятое имъ же на Украинѣ народное движеніе, и тщетно пытался письменными увѣщаніями остановить его: ушедши за Днѣпръ, онъ не могъ уже имѣть прежняго вліянія на своихъ духовныхъ дѣтей, сбитыхъ съ толку „золотою грамотою“ и разными слухами.

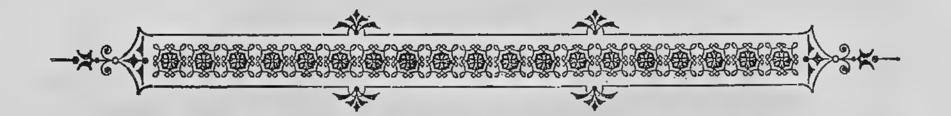
Напугавшись неожиданныхъ результатовъ своей широкой дѣятельности на Украинѣ, Мелхиседекъ послѣ этого въ дальнѣйшей своей жизни ограничилъ себя скромной ролью зауряднаго монастырскаго настоятеля и консисторскаго члена, ничѣмъ не выдѣлявшагося изъ ряда подобныхъ ему иноковъ. Когда разыгралась „коліивщина“, Мелхиседека велѣно было „пристойнымъ образомъ“ не пускать на правый берегъ Днѣпра, и онъ назначенъ былъ настоятелемъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря. Въ 1771 г. его перетянулъ къ себѣ въ Кіевъ новый здѣшній митрополитъ Гавріилъ Кременецкій (1771—1783 гг.), довѣрившій ему отвѣтственную должность каѳедральнаго намѣстника и члена консисторіи. Одновременно съ тѣмъ онъ числился игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря (1774—1781 гг.), затѣмъ архимандритомъ Лубенскаго (1781 г.) и Глуховскаго Петропавловскаго монастыря (съ 1781 г.). Въ 1783 г. онъ былъ отпущенъ изъ Кіева въ свой Глуховскій Петропавловскій

монастырь, которымъ и управлялъ до смерти, при чемъ состоялъ еще нѣкоторое время членомъ Новгородъ-Сѣверской консисторіи.

Такъ мирно въ монастыряхъ протекали послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни, и онъ, незамѣтно и исполнительно совершая настоятельское служеніе, неизмѣнно сохранялъ за собою репутацію инока „къ послушанію по качествамъ хорошаго“, „къ наблюдательству надъ братіею и къ домостроительству довольно способнаго“. Послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни ничего не прибавили къ его прежней извѣстности, и онъ умеръ забытый всѣми,—въ то время, когда многіе считали его давно уже умершимъ. Но эти-то именно годы его мирной, невидной жизни, можно думать, при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ и дадутъ намъ возможность лучше и вѣрнѣе опредѣлить духовный обликъ этого, нѣкогда, можетъ быть совершенно неожиданно для себя столь нашумѣвшаго инока...—Во всякомъ случаѣ имя Мелхиседека Значко-Яворскаго, если и отбросить легенды о немъ и оставить идеализацію его личности, останется въ исторіи въ силу несомнѣнной связи его съ религіозно-народнымъ украинскимъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка.

Владиміръ Пархоменко.

Письмо С. П. Шевырева къ Ѳ. И. Іезберѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ Іезбера, доцентъ Варшавскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій († 22 октября 1901 г.), издавалъ въ теченіе 1862—1864 г. въ Прагѣ Чешской всеславянскую газету „Словѣнинъ“, посвященную „наукѣ и занимательному чтенію“. Газета помѣщала статьи и стихотворенія на всѣхъ славянскихъ языкахъ и печатала ихъ сначала разными славянскими азбуками, но затѣмъ перешла исключительно къ русской гражданкѣ, съ нѣкоторыми дополненіями. Всего было издано Ѳ. И. Іезберой только 13 номеровъ ея: по недостатку средствъ газета прекратилась на № 5-омъ 1864 г. Изданіе это встрѣчено было весьма сочувственно въ славянскомъ мірѣ. Однимъ изъ привѣтствій доброму начинанію Ѳ. И. Іезберы является и сообщаемое нами письмо С. П. Шевырева. Замѣтимъ, что обѣщанная имъ „на зубокъ“ для „Словѣнина“ статья не была напечатана въ этой газетѣ. Подробнѣе о дѣятельности Ѳ. И. Іезберы — К. Я. Гротъ: „Подвижникъ идеи всеславянскаго братства“, „Новое Время“, 1901, № 9227, иллюстр. приложеніе; Д. П. Райскій: „Ѳ. И. Іезбера и его Всероссійскій Музей“, „Наблюдатель“, 1902, мартъ; тоже и отд. оттискъ.

Многоуважаемый Издатель Словѣнина,

Милостивый Государь,

Ольга Ѳедоровна Кошелева [1]) переслала мнѣ пять экземпляровъ программы Вашего изданія. Я немедленно передалъ четыре своимъ соотечественникамъ, которые приняли съ единодушною радостью Ваше изданіе, желаютъ подписываться, но не знаютъ, гдѣ и какъ посылать Вамъ деньги, и требуютъ еще программъ, чтобы разда-

---

[1]) О. Ѳ. Кошелева впервые посѣтила Прагу въ 1850 г. и съ тѣхъ поръ сохранила связи съ чешской столицей.

вать ихъ другимъ. Особенное участіе принялъ въ Вашемъ Славянскомъ дѣлѣ нашъ достойный протоіерей, Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, издатель L'Union Chrètienne, и князь Юрій Голицынъ, извѣстный музыкантъ. Оба желаютъ имѣть программы и распространять Ваше изданіе, и сами хотятъ быть подписчиками. А потому я прошу Васъ покорнѣйше доставить мнѣ поболѣе программъ, всего лучше подъ бандеролемъ, это будетъ дешевле, и указать, какъ и къ кому пересылать деньги. Малыхъ суммъ банкиры не берутъ. Надобно устроить вѣрнѣе полученіе журнала. Я увѣренъ, что подписчики будутъ.

Самъ я отъ всей души привѣтствую Васъ, Почтенный Издатель, и Ваше великое и славное дѣло. Я Вашъ подписчикъ и, если позволите, вѣрный сотрудникъ. Позвольте мнѣ прислать Вамъ, на зубокъ для Вашего Словѣнина, какъ у насъ говорится, одну изъ моихъ публичныхъ лекцій, здѣсь читанныхъ: О Русскихъ пословицахъ, сказкахъ и пѣсняхъ. Вашему привѣтствію *Русскихъ и Поляковъ вмѣстѣ* я много сочувствую. Да погаситъ эту нелѣпую вражду Вашъ Словѣнинъ во славу человѣчества!

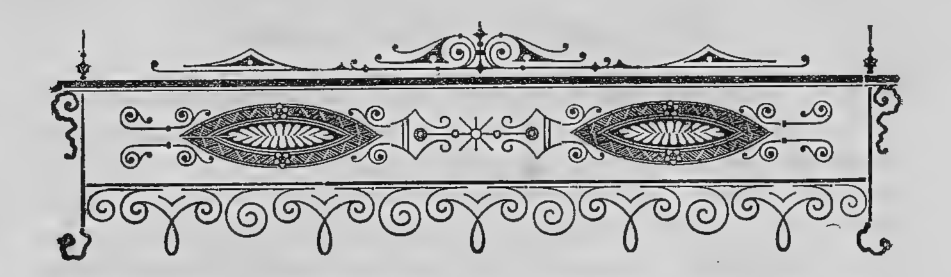
Примите чувства искренняго уваженія, пріязни и душевной преданности.

Степанъ Шевыревъ.

Прилагаю мой адресъ:
Monsieur Etienne de Chévireff
à Paris.
20. Rue de Tournon.

6 Августа 1862.
Парижъ.

Сообщилъ В. А. Францевъ.

Изъ хроники[1]) церкви Николая Чудотворца села Араповки, Алатырскаго уѣзда.

Стольникъ Семенъ Ивановичъ Пазухинъ, участникъ посольства въ Хиву, Бухару и Юргенчъ въ 1669—1773 г.г., былъ женатъ на Василисѣ Григорьевнѣ Араповой, за которой получилъ въ приданое, въ числѣ другихъ помѣстій, деревню Араповку, Алатырскаго уѣзда, давши обѣщаніе построить въ ней церковь. Семенъ Ивановичъ обращается въ 1686 году къ нижегородскому и алатырскому митрополиту Филарету со слѣдующимъ челобитьемъ: „...построена у меня въ Алатырскомъ уѣздѣ деревнишка Араповка, а отъ той церкви Божіей отъ сего Засарья[2]), та моя деревнишка удалена верстахъ восьми, и людишки и крестьянишки мои, за дальностью, помираютъ безъ покаянія"... „вели, Государь", заканчиваетъ онъ свое челобитье, „дать мнѣ свою архіерейскую благословенную грамоту лѣсъ выронить, и въ томъ лѣсу, по твоему архіерейскому благословенію построить церковь Божію, а къ той церкви Божіей священнику и церковнымъ причетникамъ пашни я дамъ своей земли двадцать четей въ полѣ, а въ дву потому жъ.

Не получивъ на свое челобитье никакого отвѣта, вслѣдствіе ухода преосвященнаго Филарета изъ Нижегородской епархіи, Семенъ Ивановичъ обращается въ 1690 году, 31 декабря, къ новому митро-

---

[1]) Настоящая хроника составлена по документамъ семейнаго архива Пазухиныхъ.

[2]) Вотчина Семена Ивановича.

политу Павлу съ почти тождественной челобитной, но только вмѣсто 20 четей въ полѣ онъ даетъ „церковникамъ“ теперь только 10 четей своей земли.

Ровно черезъ недѣлю (7 января 1690 г.) Семенъ Ивановичъ получилъ отъ преосвященнаго Павла благословенную грамоту лѣсъ ронить и строить церковь Божію на часовенномъ мѣстѣ со слѣдующими указаніями: „верхъ бы на той церкви былъ круглый, тройной, а въ церкви въ алтарныхъ стѣнахъ царскія двери были бы посреди, а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую—сѣверныя, а подлѣ царскихъ дверей по правую сторону межъ южныхъ вначалѣ поставить образъ Всемилостиваго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставить образъ настоящаго того храма, а по лѣвую сторону царскихъ дверей межъ сѣверныхъ вначалѣ поставить образъ Пресвятыя Богородицы и иные образы по чину, а о посвященіи тоя церкви и о антиминсѣ бить намъ челомъ Преосвященнѣйшему Митрополиту въ то время, какъ та церковь совсѣмъ совершится, а колокольницу построить особь статьею, а не на трапези ставить.

Заручившись архіерейскимъ разрѣшеніемъ, Семенъ Ивановичъ въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года сговаривается съ плотникомъ Васькой Кирѣевымъ, крестьяниномъ стольника Ѳедора Лаврентьевича Бахметьева, сдѣлать въ сельцѣ Араповкѣ новую церковь Божію, цѣною за 4 рубля. При подписаніи условія Васька Кирѣевъ получаетъ полполтину денегъ, да флягу вина.

Въ 1692 году церковь была освящена во имя Николая Чудотворца, и по челобитью Семена Ивановича къ ней былъ поставленъ попъ Стефанъ Петровъ, а 16 декабря 1693 года попъ Стефанъ съ причетники уже заплатилъ въ архіерейскую казну дани по окладу девятнадцать алтынъ четыре деньги, заѣзда гривна, казенныхъ и платежныхъ пошлинъ пять алтынъ двѣ деньги, за десятинничный доходъ десять алтынъ, подможныхъ двадцать два алтына, полонныхъ съ попова двора, да съ трехъ дворовъ причетниковыхъ съ двора по осьми денегъ, дому архіерейскаго пѣвчимъ и подьякамъ, славленныхъ гривну, московскихъ богодѣленъ нищимъ—гривну-жъ. Въ такомъ размѣрѣ церковная дань была слишкомъ тяжела для араповской церкви, и въ началѣ 1695 года попъ Стефанъ поѣхалъ въ Нижній Новгородъ къ митрополиту Павлу съ челобитьемъ „о збавкѣ дани с тоя церкви“, но, не получивъ „збавки“, попъ Стефанъ переводится въ Казанскую епархію, „не хотя твоей архіерейской дани платить“, по словамъ Семена Ивановича; и церковь села Араповки Никольское тожъ остается на долгое время безъ всякаго священника.

Въ 1697 г. Семенъ Ивановичъ бьетъ челомъ къ нижегородскому и алатырскому митрополиту Трифилію: „пожалуй меня, вели Государь въ селѣ моемъ Николаевскомъ у церкви Божіей быть попу Івану, а приговорилъ я попа Івана Володимірова церкви Воскресенія Христова, Костромского уѣзда, плесской десятины, а у него, попа Івана, у той церкви два попа, а у меня въ деревнишкѣ церковь безъ пѣнія стоитъ третій годъ“, но преосвященный Трифилій почему-то не назначаетъ попа Івана Володимірова въ с. Араповку, и служба совершается въ Араповской церкви случайно, такъ, напримѣръ, въ 1698 году, декабря 3, преосвященный Трифилій приказываетъ попу Павлу Барышниковской слободы „ѣхать въ село Араповку на праздникъ Николая Чудотворца въ церковь Божію вечернію и утреню и литургію служить и какія мірскія требы прилучится исполнять. Церковная дань въ этотъ безпоповскій періодъ времени, хотя богослуженіе въ Араповкѣ и было очень случайное, взыскивалась и взыскивалась строго, такъ, напримѣръ, указъ патріарха Адріана за 1697 годъ отъ 31 декабря велитъ приставу Кирюшкѣ Кузьмину ѣхать въ Алатырскій уѣздъ въ село Араповку со сторонними людьми, а при тѣхъ стороннихъ людяхъ взять ему съ собою вмѣстѣ въ городъ на Алатырь того села, стольника С. И. Пазухина, крестьянъ старосту или выборнаго за данными деньгами на нынѣшній 1697 годъ“.

Прождавъ такъ еще два года и не дождавшись для Араповской церкви настоятеля, Семенъ Ивановичъ обращается въ 1699 году снова съ челобитьемъ къ преосвященному Трифилію: „...у меня, Государь, въ деревнишкѣ церковь Божія стоитъ безъ пѣнія пятый годъ и людишки и крестьянишки помираютъ безъ покаянія и безъ причастія, а роженицы безъ молитвъ лежатъ многое время, а младенцы безъ крещенія помираютъ, а попа къ той церкви Божіей призвать не могу, никто нейдетъ, потому, Государь, что дань на тоя церковь положена большая, четыре рубля противъ прихода, а только, Государь, у тоя церкви Божіей въ приходѣ одни мои крестьянишки, дворовъ съ двадцать и истого многіе разбрелись; затѣмъ, Государь, къ той церкви попы и нейдутъ, а по твоему, Государь, архіерейскому указу съ Алатыря заказчики правятъ дань на людишкахъ и на крестьянишкахъ моихъ и съ того людишки и крестьянишки разбрелись, а нынѣ, Государь, на крестьянишковъ моихъ подати великаго Государя большія, да съ нихъ же работники на слюзное дѣло и пильныя мельницы, а хлѣбу сталъ недородъ быть. Умилостивись, Государь“, заканчиваетъ онъ свое челобитье, „пожалуй меня, вели, Государь, съ тоя церкви Николая Чудотворца дани сбавить и къ тоя церкви дать попа, а приговорилъ

я нынѣ попа Данилу Александрова изъ епархіи Святѣйшаго Патріарха".

На этотъ разъ челобитье Семена Ивановича увѣнчалось успѣхомъ: церковную дань преосвященный Трифилій сбавилъ до 3-хъ рублей шести алтынъ (росписка поповскаго старосты попа Тимоѳея въ полученіи церковной дани за 1700 г.) и далъ араповской церкви попа, но не Данилу Александрова, а попа Моисея Дементьева изъ епархіи казанскаго митрополита изъ вновь построеннаго села Воздвиженскаго, „изъ того села", пишетъ Моисей Дементьевъ въ своемъ челобитьѣ къ казанскому митрополиту, „которой были крестьяне и бобыли высланы, а послѣдніе разбрелись въ міръ для хлѣбной скудости и мнѣ богомольцу твоему у той церкви жить стало не съ чего и не съ кѣмъ, а нынѣ я богомолецъ твой бродя скитаюсь въ мірѣ договорился въ село Араповку въ вотчину стольника Семена Ивановича Пазухина служить въ церкви Николая Чудотворца".

Но служилъ попъ Моисей въ араповской церкви недолго—меньше чѣмъ черезъ годъ онъ обращается со слѣдующимъ челобитьемъ къ нижегородскому митрополиту Исаѣ: „...въ нынѣшнемъ 1700 году стольникъ Семенъ Ивановичъ сынъ Пазухинъ принялъ у меня церковь Божію со всею церковною утварью, а расписки мнѣ, богомольцу твоему, не далъ, да онъ же Семенъ ночною порою взялъ у меня сынишку моего Тимошку и держитъ у себя безвинно, а животишки мои въ томъ же числѣ по приказу ево Семенову іво человѣкъ Епиѳанъ Сергѣевъ съ крестьяны побралъ, а что животишекъ моихъ и въ томъ подъ сею челобитною роспись: двѣ короби деревянныхъ водной коробке 10 рубашекъ мускихъ льняныхъ, двои портки тонкихъ, десять платковъ шапошныхъ, новина тонкая 30 аршинъ, два сарафана крашенинныя, два кокошника, камка красная золотомъ шитая, два кокошника мишурныхъ, одинъ камка зеленая, другой кумашный, крашенина синяя, восемь аршинъ, скатерть столовая, десять рублевыхъ денегъ, четыре сороки бѣлые, серги, рясы серебряные, два креста серебряныхъ, три перстня; вдругой коробке сарафанъ синей крашенинный, шапка муская красная, треухъ кумашный пухомъ боровой; довлубеной коробке пряжи льняной 13 мотковъ, да сковрода, топоръ двуручный новой, три блюда, красныхъ четыре рубашки мускихъ, двои портки, трои сапоги; давклети семени конопленово решета здва, льянова сѣмени сполпудовки, льну 2 кирби, 7 иконъ по две окладъ серебреной начетырехъ окладъ мѣдной, да хлѣба 12 четвертей овса, пшеницы 2 четверти, ржи три четверти, полбы полтрети четверти, муки 4 осмины, две лошади, корову, сѣна стогъ 30 копенъ, 2 косы, 2 серпажъ".

Что заставило Семена Ивановича прибѣгнуть „ночною порою"

къ такимъ крутымъ мѣрамъ, намъ неизвѣстно, вѣроятнѣе всего, что попъ Моисей не исполнилъ какихъ-либо обязанностей, оговоренныхъ въ договорѣ. Такъ въ мировой отъ 23 февраля 1700 года (дѣло до суда не дошло), попъ Моисей обѣщаетъ: „а которую церковную землю я роздалъ въ наемъ крестьянамъ стольника Ѳеодора Ѳеодоровича Плещеева, и мнѣ попу Моисею съ тѣми крестьяны раздѣлку чинить въ той землѣ самому“.

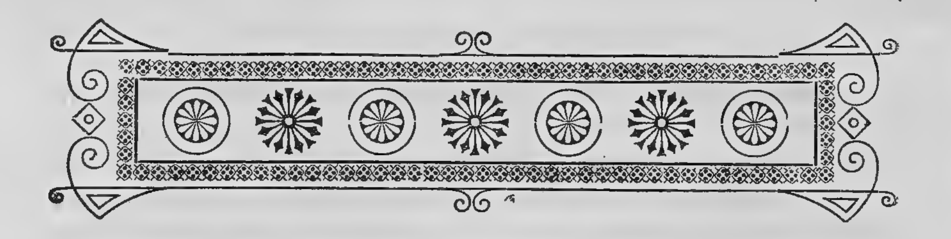
По этой же мировой записи попъ Моисей получилъ обратно и своего сынишку Тимошку и свои животишки.

Слѣдующій священникъ послѣ Моисея Дементьева былъ попъ Трофимъ,—сколько онъ оставался въ селѣ Араповкѣ, точно неизвѣстно, но въ 1707 году его тамъ уже не было и араповская церковь осталась опять безъ попа.

Простояла эта церковь около 60 лѣтъ, а въ 1757 году внукъ Семена Ивановича—Петръ Петровичъ Пазухинъ выстроилъ новую деревянную церковь. Церковь эта съ большими передѣлками существуетъ и до настоящаго времени. Село Араповка принадлежитъ теперь князю Алексѣю Александровичу Тенишеву, мать котораго, Надежда Димитріевна, была урожденная Пазухина, родная правнучка Петра Петровича.

Алексѣй Пазухинъ.

Изъ давно прошедшаго[1].

(1876—1879).

Туркъ-Эсмиль 28 мая 1878 г.

Сегодня мы въ большомъ благоустроенномъ турецкомъ селѣ Туркъ-Эсмиль.

Мнѣ была отведена квартира вмѣстѣ съ Хоменко въ очень чистомъ дворѣ, обнесенномъ высокимъ вымазаннымъ глиной плетнемъ; насъ встрѣтилъ хозяинъ —красивый турокъ, лѣтъ за 40, Мехеметъ, съ окладистой черной бородой съ неизмѣнной трубкой во рту и плавными медленными движеніями, исполненными чувства сознанія собственнаго достоинства.

— Селямъ-алейкюмъ! привѣтствовалъ онъ насъ и медленно пошелъ указать намъ квартиру. Изъ коридорчика мы взошли въ комнату съ большимъ очагомъ, а оттуда въ отведенное для насъ помѣщеніе. Здѣсь около одной изъ стѣнъ шла длинная скамья, около печки въ углу было отгорожено помѣщеніе для омовенія; весь полъ былъ покрытъ чистыми циновками; въ комнатѣ стоялъ сильный запахъ отъ пучковъ розъ, украшавшихъ потолокъ и стѣны. Эти цвѣты и пяльцы съ начатой работой показывали, что намъ турокъ отдалъ женское помѣщеніе, свою же семью онъ перевелъ въ небольшую лѣтнюю пристройку во дворѣ.

Явился Мехеметъ съ нѣсколькими продолговатыми подушками и мягкими подстилками въ родѣ одѣялъ; все это онъ разостлалъ на циновкахъ и жестомъ пригласилъ насъ располагаться, самъ же усѣлся на скамьѣ. Онъ сидѣлъ, молчалъ и курилъ, мы же усталые

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

лежали, молчали и ждали вещей. Принесли вещи, и денщики стали приготовлять постели. Мехеметъ чрезвычайно удивился, увидя, какъ, повидимому, изъ простой доски вышла кровать, инструментъ, который онъ, вѣроятно, въ жизни своей ни разу не видалъ, улыбнулся, медленно поднялся, медленно собралъ подушки и медленно ихъ вынесъ.

Въ теченіе дня Мехеметъ—очень симпатичный человѣкъ—поминутно приходилъ къ намъ и каждый разъ пытался завести разговоръ. Мы вооружались безтолковымъ „переводчикомъ" (словаремъ), турокъ—терпѣніемъ, и начиналась головоломная работа: разыщешь съ трудомъ что-нибудь, измучишь турка и, наконецъ, заставишь его понять, но, увы, начинается часть работы гораздо болѣе трудная нужно же и его понять, но въ концѣ концовъ, какъ это ни странно, мы какъ-то столковались, правда, нужно сознаться, что о глубокихъ матеріяхъ мы съ нимъ не толковали. Пили чай и его угощали, навалили сахару больше, чѣмъ чаю, пришлось ему очень по вкусу, видимъ, что половину стакана выпилъ, а остатокъ куда-то несетъ.

— Нердэ? (куда).

Показываетъ рукой на пристройку, гдѣ ютится семья.

— Бурда аврэтъ кызъ (здѣсь жена и маленькая дочь). Мы его заставили выпить свой стаканъ и налили для жены и дочери, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Вечеромъ онъ принесъ намъ двѣ маленькихъ тарелочки съ кушаньемъ и хлѣбъ; въ одной изъ тарелокъ была яичница (кайгана), а въ другой что-то непонятное, темное и жидкое. Когда отъ яичницы слѣдовъ не осталось, то мы ему объяснили, что не знаемъ, какъ ѣсть второе блюдо, тогда онъ отломилъ маленькій кусокъ хлѣба и, обмакнувъ его въ жидкость, съ любовью понесъ ко рту; видно было, что это лакомое блюдо; оказалось, что это медъ, приготовленный съ виноградным соком, который ему сообщалъ кисленькій вкусъ, для насъ это была вещь нестерпимая, но изъ приличія мы ѣли и поблагодарили.

— Леззети, эффенди, шюкурлеръ, т. е. вкусно, хозяинъ, благодаримъ!

Вечеромъ мы отправились къ сосѣдямъ по квартирѣ—здѣсь при свѣтѣ фонарей, весело ужинали въ хорошенькомъ садикѣ, окружавшемъ домъ турка. Здѣсь же сидѣли хозяева дома: одинъ старикъ, другой помоложе.

Старика я назвалъ ак-сакалъ (бѣлая борода), что видимо было ему пріятно.

Застали тенденціозный разговоръ: наши все выспрашивали турокъ объ ихъ отношеніяхъ къ болгарамъ, начинали издалека.

— Хорошъ татаръ?

— Хорошъ, отвѣчаетъ турокъ.

— Хорошъ черкесъ?

— Э, чокъ (очень) не хорошъ.

Черкесъ, вообще, никто не любитъ.

— А болгаръ хорошъ?

— Не знаемъ, отвѣчаетъ политично ак-сакалъ, но продолжаютъ приставать, турокъ помоложе не выдерживаетъ и говоритъ: не хорошъ твой болгаръ!

Афлаторъ, 4 іюня 78 г.

1 іюня, послѣ 7 дней похода, мы вмѣстѣ съ другими частями нашей дивизіи остановились на бивуакѣ около Силистріи.

Здѣсь была получена телеграмма расположить дивизію подлѣ Силистріи и насъ вмѣстѣ съ Стародубовскимъ драгунскимъ и Бѣлгородскимъ уланскимъ полками перевели въ большое болгарское село Афлаторъ, верстахъ въ 20 къ югу отъ Силистріи.

Наша остановка имѣетъ, вѣроятно, связь съ собравшимся въ Берлинѣ конгрессомъ—вѣроятно, выжидаютъ, какой оборотъ примутъ дѣла, и, въ случаѣ удачнаго хода переговоровъ, можетъ быть насъ отсюда же двинутъ въ Россію.

Кале-Петрово, 24 іюня 78 г.

Переходъ нашъ въ Кале-Петрово совершился замѣчательно неожиданно: 22 іюня въ 5 часовъ утра получено приказаніе сосредоточить въ тотъ же день всю дивизію у Силистріи. Въ тотъ же день послѣ обѣда вышли и стали бивуакомъ у села Кале-Петрово, верстахъ въ 4 отъ Силистріи. Говорятъ, будто бы что-то вышло между румынами и 11 корпусомъ, стоящимъ въ Румыніи; командующій войсками телеграфировалъ генералу Тотлебену и въ то же время генералу Ванновскому (командиру нашего корпуса); генералъ же Ванновскій на всякій случай распорядился сосредоточить дивизію у Силистріи, но, кажется, черезъ-чуръ погорячились и, вѣроятно, насъ въ Румынію не поведутъ, и теперь уже гусаръ и казаковъ послали на старыя мѣста; насъ же съ драгунами и уланами поставили въ селѣ Кале-Петрово.

Силистрія, 26 іюня 78.

Цѣлой компаніей верхами мы отправились въ Силистрію. Трудно себѣ даже представить, что такое теперь Силистрія въ нравственномъ отношеніи! Это уже не Бухарестъ съ его легкой, веселой, но пустой жизнію, а это сплошная непролазная грязь. То, что мы застали, можно объяснить себѣ только тѣмъ, что здѣсь непрерывно

проходятъ новыя толпы людей, людей физически здоровыхъ, но усталыхъ нравственно, оторванныхъ отъ обычныхъ условій жизни, лишенныхъ всякихъ умственныхъ, здоровыхъ развлеченій и истомленныхъ неопредѣленностью положенія.

Мы остановились у „Сашки“—это добродушное и взбалмошное существо—давнишняя подруга К—ва, офицера нашей дивизіи, она открыла здѣсь, въ Силистріи, недалеко отъ крѣпостныхъ воротъ гостиницу, гдѣ обыкновенно и останавливаются многіе офицеры нашей дивизіи.

Изъ общей залы открываются двери въ номера; они всѣ были заняты, и Сашка уступила мнѣ съ товарищемъ собственную комнату, гдѣ стояла широкая кровать, масса бутылокъ съ пивомъ и цѣлая бочка съ „Пиперомъ“ (шампанское). Въ залѣ много народу, крики „пиво, вино, бифштексы“ раздавались со всѣхъ концовъ, а въ углу 4 бродячихъ музыканта напиливаютъ румынскую пѣсню „ма юбешти, спуни да“. Сашка не въ духѣ, одѣта она въ юбку и ночную кофту, поднимается съ мѣста, какъ вихрь, летитъ, поворачиваетъ за плечи первую скрипку и выталкиваетъ всѣхъ музыкантовъ; на ихъ смуглыхъ, потертыхъ униженныхъ лицахъ написана просьба: „дай же собрать галаганы (су)“, но она ихъ гонитъ, и скоро они уже на улицѣ, идутъ дальше. А на улицѣ у дверей стоитъ большой инструментъ, темная личность играетъ на клавикордахъ, толстая дѣвушка въ большой шляпѣ собираетъ галаганы у собравшейся толпы, а толпа смотритъ на кувырканія мальчика на разостланномъ на улицѣ красномъ платкѣ.

Въ залѣ жуютъ, пьютъ и смотрятъ, какъ, войдя сюда, мальчикъ раскладываетъ среди столовъ на полу свой неизмѣнный красный платокъ и, ставъ на руки, показываетъ худенькія жалкенькія ноги, обтянутыя изъ экономіи какой-то холстинкой.

— Бифштексъ,—кричатъ,—сколько разъ говорить!

— Сейчасъ! слышится въ отвѣтъ, и лысый кельнеръ съ блюдомъ ловко проскальзываетъ между столомъ и акробатомъ, но, о ужасъ! мальчикъ дѣлаетъ сальто-мортале и блюдо летитъ въ сторону, мальчикъ сконфуженъ, публика смѣется, смѣется и Сашка, и первая же бросаетъ ему подачку. А тутъ изъ одного изъ номеровъ несутся крики: „Ah, mon Dieu! Mes trois louis!

Изъ дверей въ растерзанномъ видѣ выходитъ румынка и увѣряетъ, что у ней украли три полуимперіала и тутъ же разсказываетъ, какъ у ней составилась эта сумма, и что пропажу она обнаружила, когда захотѣла спрятать въ сакъ стопку свѣженькихъ серебряныхъ рублей.

Сашка грозитъ послать за полиціей.

---

*

Вечеромъ мы пошли бродить по городу.

По Дунаю быстро идетъ ярко освѣщенный пароходъ, съ него доносятся звуки музыки. Тяжелыя крѣпостныя ворота заперты. Часовые ходятъ по валу, перекликаясь время отъ времени, на улицахъ темно, единственное освѣщеніе—это свѣтъ изъ различныхъ отелей, ресторановъ, по-просту кабаковъ, въ которые превратились небольшіе некрасивые дома главной улицы. Попадаются кучки военныхъ, вечеромъ больше никого не видно. Нѣсколько арабаджи (извозчиковъ), подремывая, сидятъ на козлахъ своихъ старыхъ, уродливыхъ фаэтоновъ, запряженныхъ какими-то клячами въ оборванной упряжи. Со всѣхъ концовъ несутся звуки музыки; вездѣ играютъ. Играетъ и полковой оркестръ, по-солдатски отбивая тактъ, играютъ проѣзжіе музыканты изъ Рущука. Доносится тоже „Ма юбешти, спуни да". Играютъ нѣмецкіе женскіе оркестры со своимъ неизмѣннымъ „Kleine Postillon". Гдѣ-то вопятъ „Не брани, моя родная".

Вдругъ среди всего этого гама вы слышите какіе-то звуки, не то органа, не то фортепіано. Звуки все ближе и ближе, вотъ они равняются съ вами, и вы видите, какъ идетъ какой-то человѣкъ въ шляпѣ, весь согнувшись, на его спинѣ родъ органа, а сзади идетъ другой и играетъ на этомъ движущемся инструментѣ, онъ не останавливается и идетъ дальше до конца улицы, а тамъ вѣроятно свернетъ въ другую, и все будутъ раздаваться тѣ же звуки.

Говорятъ, что нужно посмотрѣть „Московскій Казино". Входимъ черезъ билліардную; въ углу сидитъ толстая, пожилая, добродушная нѣмка, съ нею двѣ полныхъ, молодыхъ нѣмки. На лицахъ у всѣхъ у нихъ написано: „намъ ни скучно, ни весело, мы сыты и навѣрно будемъ сегодня ужинать". Это музыкальная семья—арфянки, пріѣхавшія изъ Журжева. Съ ними какой-то зелено-желтый молодой человѣкъ, не то онъ хромой, не то косой, что-то неладно, это неудачникъ въ музыкѣ, зарабатывающій теперь кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ. Изъ дверей—маленькій садикъ, тамъ гремитъ полковой оркестръ, всѣ столики заняты, нигдѣ не найти мѣста, вездѣ пѣхотные офицеры, военные чиновники, и все это перемѣшалось почти въ равной пропорціи съ женщинами, даже не двусмысленными. За столикомъ ужинали пять знакомыхъ улановъ, съ ними хорошенькая, совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ ужасно глупымъ лицомъ, она не понимаетъ, что говорятъ кругомъ нея, ею мало интересуются и если обращаются къ ней, то на такомъ странномъ „діалектѣ", что она, несмотря на привычку, невольно протягиваетъ руку къ ущип-

ленному мѣсту. У столика сидятъ отдѣльно 4—5 дѣвушекъ, около нихъ прохаживаются нѣсколько очень скромнаго вида офицеровъ, одинъ изъ нихъ покупаетъ у разносчика (они всегда и вездѣ) пару чулокъ, дѣлаетъ подарокъ, и общее знакомство устанавливается. За другимъ столикомъ разсматриваютъ карточки нецензурнаго содержанія, тутъ перемѣшаны фотографіи: турецкаго султана, императоровъ, голыхъ женщинъ, эротическихъ позъ и т. п.

Вездѣ пиво и вино, вездѣ тотъ же „діалектъ“, вездѣ кепи и фуражки и только нѣсколько серьезныхъ фесокъ.

Одному изъ нашей компаніи нужно было позаботиться достать себѣ комнату, что не совсѣмъ было легко. Въ нѣсколькихъ гостиницахъ, куда мы ни заходили, въ номерахъ было поставлено по нѣсколько кроватей, и всѣ онѣ были заняты. Насъ направили въ меблированныя комнаты вблизи „Сашки“; мы вошли со двора черезъ корридорчикъ и очутились въ большой комнатѣ съ тремя постелями, съ грязнымъ бѣльемъ, здѣсь же стоялъ непокрытый столъ съ закуской, сидѣли двѣ женщины въ однѣхъ юбкахъ и хозяинъ меблированныхъ комнатъ—болгаринъ. Пока мы объяснили цѣль прихода, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ—отворяли дверь, и кто-то уходилъ, черезъ секунду на порогѣ показалась дебелая женщина съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, она прошла къ столу, поставила подсвѣчникъ, положила въ мѣшечекъ кучку серебра, которую держала въ рукѣ, протянула 2 фр. хозяину и сказала: „за номеръ“, затѣмъ взяла съ тарелки большой кусокъ рыбы и, очищая ее пальцами, стала ѣсть и посматривать на всѣхъ исподлобья.

Мы отправились искать дальше.

Рано утромъ я проснулся, вышелъ въ залу посмотрѣть, что дѣлаетъ Л—скій. Вчера ему не удалось найти номера, и онъ улегся въ столовой, на скамьѣ. Здѣсь же въ залѣ на скамьѣ устроилась и „Сашка“.

Въ залѣ я засталъ Ш—да и С—ва; оба приставили столикъ къ двери номера, занятаго Л—вымъ; смотрѣли въ стекло, въ верху двери, и хохотали. Л—каго нигдѣ не было; въ одномъ изъ номеровъ дверь была пріотворена. Ш—дъ ее толкнулъ, и я черезъ открывшуюся дверь увидѣлъ удивительную сцену: на кровати, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, черной бородой къ верху, лежалъ Л—скій и рядомъ съ нимъ какой-то штатскій. Вѣроятно, шумъ отворенной двери разбудилъ ихъ, оба открыли глаза и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Честь имѣю рекомендоваться—ротмистръ Л—скій, говоритъ Л—скій, обращаясь къ сосѣду. Оказалось, что ночью ему стало нестерпимо тяжело спать на деревянной скамьѣ и онъ вошелъ въ первый попавшійся номеръ, и улегся на кровать рядомъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Л—овъ, такой чистоплотный и ригористъ въ личной жизни, когда узналъ о продѣлкѣ Ш—дъ и С—ва, былъ очень сконфуженъ: „да помилуйте, господа“, оправдывался онъ: „что же было дѣлать, когда нельзя было найти свободнаго номера!“...

Кале-Петро, 1 іюля 1878 г.

Познакомился съ моими хозяевами: отецъ высокій красивый мужчина, жена худенькая, вѣчно молчаливая, вѣчно за работой, два сына: одинъ еще совсѣмъ маленькій, другой симпатичный парень Великъ, девяти лѣтняя скромненькая, тихенькая дочь Николина.

Хозяинъ попался очень разговорчивый: какъ только узналъ, что я не только не держу себя съ нимъ свысока, но даже ищу случая поговорить съ нимъ, самъ сталъ заходить ко мнѣ.

Сядемъ, закуритъ трубку и начинаетъ разговоры о хозяйствѣ, о сходствѣ болгарскаго языка съ русскимъ, вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, когда „Царь Николай“ привелъ сюда своихъ „уланъ“, и какъ ему нравились ихъ „уборы“, тогда русскіе стояли по одну сторону села, а турки по другую.

Въ прошломъ году онъ собралъ съ „Нивки“ 60 „крищицъ“ (копна); изъ нихъ 6 пошли туркамъ, изъ остальныхъ же онъ вымолотилъ около 9 „килъ“ (примѣрно 36 четвертей). Я его спросилъ, у всѣхъ ли такъ по многу?

— Нѣтъ, есть много, кои имутъ по-малку! А вотъ, когда былъ живъ его отецъ—тотъ былъ „много богатъ“: собиралось по 400 „крищицъ“; одинъ годъ былъ даже выбранъ „джорбаджіемъ“.

Теперь же семь братьевъ раздѣлились и живутъ по-близости въ отдѣльныхъ домахъ. Во время нашей войны приходятъ въ село изъ Силистріи 4 заптія (жандармы) и 1 чаушъ (урядникъ) и говорятъ, что приказано взять съ села 120 лошадей съ повозками:— хочешь дать или не хочешь? спрашиваетъ джорбаджія.

Но какъ сказать, что не хочешь?

Джорбаджій и отвѣчаетъ:

„Мы—булгаре! Мы не знаемъ русскаго Царя. Мы тутъ родились—мы знаемъ только Султана!“

Взяли, увели лошадей. Черезъ нѣсколько дней приходятъ за баранами—взяли 2.000 штукъ и говорятъ:

„Вотъ молите Бога, чтобы русскихъ прогнать—три года тогда ничего съ васъ не будемъ брать!“

Очень расхваливаетъ уже умершаго Ибрагима-пашу — отецъ Махмудъ-бея (въ Афлаторѣ). Самъ паша жилъ въ Силистріи, а въ имѣніи его близъ Кале-Петро работали, конечно, безплатно болгаре изъ Кале-Петро.

Онъ объяснилъ, что, именно, благодаря Ибрагиму-пашѣ, они въ 1854 г. спокойно остались на мѣстѣ послѣ ухода русскихъ.

— Отчего же вотъ изъ Афлатора ушли?—Афлаторъ далеко—тамъ и боялись турокъ—оттого и ушли.

Когда Махмудъ-бей захватилъ землю въ Афлаторѣ, то паша „гонялъ“ туда болгаръ изъ Кале-Петро для обработки полей, пока не возвратились болгаре изъ Россіи.

— Чѣмъ же онъ тебѣ особенно нравится? спросилъ я.

— Много хорошъ Ибрагимъ-паша!

— Что же онъ сдѣлалъ хорошаго?

Болгаринъ снялъ со стѣны мою нагайку и, взмахнувъ ею нѣсколько разъ, сказалъ:

— Много плетокъ побилъ на болгаръ и на турокъ: не губово (не хорошо) правятъ, и біетъ!“

Теперь у меня иногда собирается большое болгарское общество: приходитъ хозяинъ, писарь—Добрій-Киріакъ и учитель Нейку Великовъ. Учитель и писарь, оба изъ Шумлянской школы, славные здоровые парни лѣтъ по 25. Толкуемъ о школахъ, о бывшемъ въ Филиппопольскомъ округѣ возстаніи, закончившемся такой страшной рѣзней, о народныхъ герояхъ. Приносили мнѣ стихи о подвигахъ „Тоти“,—извѣстный гайдамакъ Хитовъ Панайотъ, дѣйствовавшій въ 66—67 г. Эти стихи конечно были строго запрещены турецкимъ правительствомъ; но, говорятъ, несмотря на это, врядъ ли есть село, гдѣ бы не было хотя одного списка; говорили, что въ этомъ районѣ было немыслимо никакое возстаніе: такъ, здѣсь, изъ 365 селъ только 65 чисто болгарскихъ; тогда какъ тамъ, гдѣ возникали возстанія, напримѣръ въ Габровѣ—на одно турецкое село приходилось 15 болгарскихъ.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ:

Балканская пѣсня.

Смѣйся надъ нами ты, гордый балканъ,
Залейся, листва;
Болгаринъ какъ зарѣзанный
Не говоритъ ни слова,

Онъ забылъ, чѣмъ онъ былъ
Сколько времени онъ гордился
Своимъ Царемъ—Крумомъ.
Не довольно ли, столько времени терпѣть:
Пойдемъ поскорѣе
Съ нашими родичами,
Они бьются и проливаютъ кровь,
А нашъ левъ глубоко заснулъ въ долинахъ;
Говорятъ, что есть воздухъ за Балканами,
Но къ сожалѣнію не слыхалъ,
Чтобы была свобода.
Онъ какъ-будто привыкъ,
Чтобы мы шумнымъ крикомъ гнались за свободой.
Болгаринъ, что ты спишь!
Нѣтъ ли у тебя остраго ножа?
Вчера государя имѣлъ, а сегодня его потерялъ;
Твоя слава—острый мечъ,
А твоя жизнь лютая борьба:
Довольно тебѣ спать.

Хаджи[1]) Димитрій[2]).

Живъ еще, живъ тамъ на Балканахъ,
Облитъ кровью, лежитъ и вздыхаетъ
Молодецъ молодой въ силѣ юношеской.
На одну сторону бросилъ ружье,
На другую саблю, пополамъ сломанную.
Въ глазахъ темнѣетъ, голова кружится
И проклинаетъ всю вселенную.
Лежитъ молодецъ, а на небѣ
Солнце остановилось, сильно печетъ.
Кузнечикъ поетъ гдѣ-то въ полѣ,
А кровь все сильнѣе течетъ.
Жатва теперь, пойте, рабыни,
Эти грустныя пѣсни, грѣй и ты, солнце,
На этой рабской землѣ погибнетъ
Этотъ молодецъ и ты, сердце, не бейся.
Тотъ, кто упадетъ въ бою за свободу,

---

[1]) Хаджи—Паломникъ.

[2]) Предводитель четы, въ 60-тыхъ годахъ палъ при сраженіи около с. Казани Сливненскаго округа.

Тотъ не умираетъ: его жалѣютъ
Земля и небо, звѣрь и природа,
И пѣвчіе пѣсни для него поютъ.
Днемъ тѣнь ему наводитъ орлица,
А волкъ лижетъ тяжелую его рану,
Надъ нимъ соколъ, молодецкая птица,
И она за брата за молодца тужитъ.
Настала ночь, мѣсяцъ появился,
Звѣзды обсыпаютъ небесный сводъ.
Лѣсъ зашумитъ, вѣтеръ подуетъ,
Балканъ запоетъ повстанческую пѣснь,
И русалки въ бѣломъ одѣяніи
Чудныя, прекрасныя пѣсни запоютъ;
Легко ступаютъ по зеленой травѣ
И къ молодцу придутъ, присядутъ.
Одна ему травою рану перевязываетъ,
Другая поливаетъ холодной водой,
Третья въ уста быстро поцѣлуетъ,
А онъ на нее смотритъ, улыбаясь.
Скажи мнѣ, сестра моя, гдѣ Караджа[1]),
Гдѣ моя преданная дружина?
Скажи мнѣ, а потомъ возьми душу.
Я хочу, сестра моя, здѣсь умереть.

Не легко было мнѣ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о налогахъ и о способахъ ихъ взиманія. Было три рода налоговъ:

1) *„ошуръ“*—десятая часть собраннаго съ полей хлѣба, напр. въ прошломъ году въ Гаргалѣ было взято 220 килъ пшеницы
70 „ ячменя и
50 „ кукурузы.

2) *„за колпакъ“*—денежный налогъ, замѣнявшій собой воинскую повинность. Такъ, съ Кале Петрово назначено было платить въ годъ „за колпакъ“ 20.000 грошей. Въ Гаргалѣ платили „за колпакъ“ 12.500 грошей (т. е. 625 р.)

и 3) *имлякъ*—тоже денежный налогъ, о которомъ потомъ.

Наибольшія затрудненія представлялъ сборъ „ошура“.

Къ 15 іюля въ Кале Петрово пріѣзжалъ изъ города сборщикъ—„меймуръ“, въ сопровожденіи 4—5 помощниковъ.

---

[1]) Степанъ Караджа—другой предводитель повстанческой четы.

Меймуръ долженъ былъ собрать съ четырехъ селъ; самъ онъ оставался въ главномъ селѣ Кале Петровѣ, а помощниковъ посылалъ въ меньшія села.

Все время меймуръ жилъ у одного болгарина, кормили же его всѣ по очереди; жилъ такъ онъ до августа—пока всѣ не окончатъ жать.

„Хотя бы только одинъ еще не окончилъ жать — нельзя считать!"

Начинается счетъ „крыщицъ" — въ каждой изъ нихъ должно быть совершенно опредѣленное число сноповъ; считаетъ недѣлю — если же дождь, то и 10 дней.

„Пока считаетъ „крыщицы", то ничего не кушаетъ, кромѣ цыплятъ; если десятникъ принесетъ одинъ хлѣбъ, то онъ ему въ голову броситъ!"

Окончивъ счетъ въ главномъ селѣ, идетъ въ другія деревни, гдѣ его помощники—тамъ уже дѣло идетъ быстрѣе.

Пока онъ всего не пересчиталъ—хлѣба свозить нельзя; бывало такъ, что необходимо хлѣбъ свозить, приходятъ и просятъ его—„молятъ наго"—нельзя, говоритъ!

Бывало и такъ: прійдетъ болгаринъ, дастъ барана, а то и курицу, онъ и пошлетъ своего человѣка пересчитать и позволитъ свезти.

Отсчитанная десятая часть крыщицъ свозится каждой деревней въ одно мѣсто, гдѣ и остается подъ надзоромъ помощника меймура; въ случаѣ пропажи отвѣчаетъ джорбаджій (староста); каждый хозяинъ долженъ вымолотить свою долю. Опять меймуръ обходитъ, промѣриваетъ весь хлѣбъ и говоритъ — куда его свозить, сами же болгаре его и свозятъ либо въ ближайшій большой городъ, либо къ порту.

— Что же такое „имлякъ"?

— Платилось за домъ, за нивку, за скотъ, „за всички" платилось!

Въ мартѣ (новый годъ) пріѣзжалъ турецкій „писарь" и, обходя всѣ дома съ джорбаджіемъ, опредѣлялъ размѣръ налога съ каждаго двора: за домъ, смотря по размѣру, налогъ былъ отъ 2 до 5 франковъ; при опредѣленіи налога съ земли происходилъ разговоръ: спрашивается—сколько нивки?

— Можетъ будетъ 60 дэлюмовъ [1]).

— А можетъ и еще есть?

— Нѣтъ!

---

[1]) Дэлюмъ—40 шаговъ въ длину и столько же въ ширину.

За дэлюмъ платилось по 1 грошу (5 к.) и къ этому прибавлялось еще столько франковъ—въ сколькихъ участкахъ была земля.

За 1 дэлюмъ виноградника считалось 12 галагановъ, сверхъ того считалось по 2 галагана за каждую мѣрку вина и по 1 гал. за мѣрку водки, выгнанной изъ виноградныхъ остатковъ.

Здѣсь же джорбаджій указывалъ — сколько приходится съ каждаго двора по раскладкѣ „за колпакъ".

Всѣ собранныя свѣдѣнія „писарь" передавалъ въ полицію, а она отъ себя посылала въ село три раза въ годъ заптія, который обходилъ со старостой дворы и дня въ 3—4 взыскивалъ причитающійся за треть года налогъ.

За прошлый годъ Кале-Петрово заплатило 18.000 грошей имляку, такъ что разныхъ другихъ поборовъ, сверхъ десятой части сбора хлѣба, село уплатило деньгами (за „колпакъ" и имлякъ) около 3.000 р.

Въ Гаргалѣ, напримѣръ, было уплачено имляка: 6.500 грошей.

Афлаторъ. Іюль 1878 г.

Въ началѣ іюня насъ перевели обратно въ Афлаторъ.

Вчера устроили пикникъ въ дели-армандскомъ лѣсу, а туда, далеко въ глубь лѣса, ходили два эскадрона и привели сегодня оттуда партію баши-бузуковъ; уланы, узнавъ, что баши-бузуки перешли чрезъ демаркаціонную линію, охотились за ними цѣлую недѣлю. Шумла уже очищена, не знаю относительно Варны.

Мы все еще въ Афлаторѣ.

Афлаторъ верстахъ въ 20 къ югу отъ Силистріи, нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе на Шумлу; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села начинается уже опушка громаднаго делиармандскаго [1]) лѣса, тянущагося до самой Шумлы. Дальше въ лѣсу все турецкія и черкесскія села. Афлаторъ—послѣднее болгарское село по пути отъ Силистріи къ Шумлѣ. Село широко раскинуто по мелкой долинѣ съ очень отлогими скатами и побочными развѣтвленіями.

Какъ и всѣ болгарскія деревни, Афлаторъ имѣетъ очень зажиточный и благоустроенный видъ: почти во всѣхъ его 250 дворахъ тѣ же помѣстительные, крытые черепицей дома; во дворахъ различнаго рода службы, отдѣльныя конюшни, если въ домѣ нѣтъ „зимниковъ", помѣщенія для овецъ, амбары съ закромами для

[1]) Названіе лѣса составное: арманда, по-турецки лѣсъ, а дели—кажется, разбойникъ.

хлѣба. Мы застали—и это въ іюлѣ мѣсяцѣ—большіе запасы всякаго фуража, несмотря на то, что въ этомъ году селу, сверхъ уплаты податей, пришлось цѣлую зиму кормить жителей, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ селъ Конаны и Карапелена.

Эти деревни, вѣроятно, постигла участь Пиргоса, Чифлина, Косова и др. селъ, очутившихся между двухъ огней.

У моего хозяина Пенько, еще теперь, много прошлогодняго ячменя и овса.

Среди села большая площадь; на ней паровая мельница, принадлежавшая бею Махмуду; его большой домъ, обнесенный садомъ, нѣсколько въ сторонѣ на скатѣ долины; самъ Махмудъ бѣжалъ и въ его домѣ теперь поселились начальники дивизіи и бригады. Въ селѣ имѣется церковь и большая школа. Воду доставляютъ два водоема (чесме) и 8 колодцевъ. Въ началѣ села 7 вѣтреныхъ мельницъ.

Къ вечеру, когда скотъ возвращается, невольно удивляешься этимъ большимъ стадамъ барановъ, овецъ, козъ, рогатаго скота и лошадей.

И это послѣ года войны и послѣ того, какъ турки взяли реквизиціоннымъ путемъ, безъ уплаты денегъ, 120 лошадей и около 2.000 овецъ!

И при томъ Афлаторъ не исключеніе; вотъ, напримѣръ, собранныя мною свѣдѣнія въ бытность мою въ Гаргалѣ, Кале-Петрово и Афлаторѣ:

	Гаргалъ.	Кале-Петрово.	Афлаторъ.
число дворовъ . . .	148	284	250
„ жит.	1098 {м. 558, ж. 540}	2.063 {м. 1062, ж. 1001}	1.841 {м. 896, ж. 945}
буйволовъ	154	338	410
воловъ	297	987	640
мелкій скотъ	185	?	186
лошадей	187	246	315
овецъ	1.504	5.374	7.525
козъ	1.066	1.296	3.233
свиней	124	255	140
вѣтр. мельн.	—	18	7
вод. мельн.	3	5	—
водоемовъ	?	12	2
колодцевъ	?	6	8

Скотъ распредѣленъ далеко неравномѣрно: напримѣръ, въ Гаргалѣ изъ 148 дворовъ въ 20—вовсе не было скота, а въ Афлаторѣ на 284 дворовъ не было скота въ 40.

Въ Гаргалѣ овцеводствомъ занималось 46 дворовъ, а козъ держали въ 26 домахъ. Тоже и съ землей: напримѣръ, въ Кале-Петрово видѣлъ дворъ, гдѣ на 22 души приходилось 40 дэлюмовъ, а въ другомъ на 5 душъ—60 дэлюмовъ.

Поразительно, какъ много работаютъ женщины: смотрятъ за домомъ, готовятъ пищу, пекутъ хлѣбъ, носятъ воду, рубятъ дрова, чешутъ, прядутъ и красятъ шерсть, ткутъ ткани, шьютъ платье, занимаются вышивками; работаютъ въ огородѣ, виноградникахъ.

Болгарка занята весь день, вечеромъ приходитъ скотъ, нужно имъ заняться, кончились работы—вся семья усаживается на полу на циновкахъ вокругъ низенькаго столика, и болгарка подаетъ ужинъ.

Меня поражала всегда та правильность, однообразіе, съ которымъ исполняются работы въ селѣ: въ одинъ и тотъ же день всѣ идутъ въ виноградники, въ одинъ и тотъ же день во всѣхъ дворахъ выставляются стойки для приготовленія нитокъ, въ одинъ и тотъ же день всѣ начинаютъ ткать—точно все это выполняется по какому-то утвержденному для всѣхъ порядку.

Въ нѣкоторые дни, по праздникамъ, вы увидите цѣлую армію дѣвочекъ, разносящихъ по селу въ маленькихъ мисочкахъ хлѣбъ, угощеніе, иногда и восковыя желтыя свѣчи:—это разсылаются угощенія къ роднымъ и знакомымъ или справляются поминки.

Пришелъ ко мнѣ Иванъ Дёминъ. Я разговорился съ нимъ по поводу полученныхъ отъ него раньше нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, говорили о перевѣсѣ числа женщинъ въ Афлаторѣ надъ числомъ мужчинъ.

— Да, у насъ въ селѣ много женъ. А все же дорого стоитъ мамичка! Дорого! повторилъ онъ. Я воспользовался случаемъ и попросилъ его разсказать подробности о свадьбѣ. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть отдѣльные моменты, но у меня не было цѣльной картины.

— Когда хлопецъ (ёргенъ), началъ онъ, намѣтитъ себѣ мамичку и пожелаетъ на ней жениться, то начинаетъ вести дѣло черезъ сватовъ. Сватъ обыкновенно пожилой болгаринъ, приходящійся сродни жениху.

Сватъ идетъ въ домъ невѣсты и начинаетъ переговоры съ отцомъ (башта); часто эти переговоры оканчиваются неудачею, если

женихъ изъ бѣдныхъ, а отецъ желаетъ выдать дочь за богатаго. Если же башта сказалъ, что дѣло можетъ устроиться, то сватъ приходитъ въ другой разъ, беретъ съ собой водку, хлѣбъ, сваритъ еще что-нибудь, ну, хоть курицу и у башты ѣдятъ. Сватъ принимается съ большимъ почетомъ. Недѣлю спустя сватъ съ другими „стариками“ опять идетъ въ домъ невѣсты; но на этотъ разъ идутъ ночью и берутъ съ собой музыкантовъ, человѣкъ 3—4, играютъ на волынкѣ, на свирѣляхъ и на инструментѣ вродѣ балалайки. Женихъ при этомъ посылаетъ черезъ свата мамичкѣ деньги-желтицы, браслетъ, и еще какіе-нибудь подарки, напримѣръ, мѣдныя или серебряныя бляхи для пояса.

Потомъ эти монеты служатъ украшеніемъ и передаются отъ матери къ дочери. Приходилось иногда на праздникахъ видѣть дѣвушекъ, чуть не сплошь обвѣшанныхъ этими монетами.

— Сколько же обыкновенно даютъ?

— Разно: даютъ иногда и много!

— Но сколько ты давалъ при свадьбѣ?

— Я послалъ 50 „желтицъ“ маленькихъ (по 1 р.), 3 желтицы большихъ (вѣроятно по 5 р.) да браслеты!

— Если отецъ доволенъ подарками, продолжалъ онъ, то кричитъ: давайте водки, винца! Собираются родные (мужчины и женщины), играетъ музыка, пьютъ „винцо“, кушаютъ до свѣта. Потомъ расходятся.

Женихъ же долженъ сдѣлать невѣстѣ одежду, стоимость которой доходитъ иногда до 10 полуимперіаловъ.

За все это время женихъ въ домъ невѣсты не ходитъ и видится съ ней только у водоема (чесме), когда вечеромъ она идетъ по воду.

Но вотъ сваты переговорили, подарки отнесены, вечеринка у отца была; теперь начинается то, что у болгаръ называется „годѣшъ“—„зачатіе“ свадьбы. Начинается это со среды.

Въ среду къ жениху собираются парубки и дѣвушки; на дворѣ играетъ музыка, вокругъ устраивается „хора“—хороводъ. Вотъ трое, четверо взялись за руки и двигаются то влѣво, то вправо; но вотъ вступаютъ еще и еще новыя лица, вотъ уже образовался и большой кругъ: мамички на одной сторонѣ, а ёргени на другой, кругъ все движется то вправо, то влѣво; музыканты выдѣлываютъ свой монотонный, неуловимый мотивъ: кажется, точно побѣжали маленькія волны, но вотъ на нихъ другія, третьи и т. д., и все маленькія и не разобрать ихъ и не уловить ихъ взглядомъ. Въ домѣ приготовленъ большой, чуть не въ аршинъ въ діаметрѣ, хлѣбъ, намазанный медомъ. Старуха рѣжетъ его на тонкіе и длинные куски изъ

центра; какая-нибудь женщина (булка) беретъ отъ старухи куски и раздаетъ имъ всѣмъ, а другая въ это время разноситъ и наливаетъ всѣмъ „винца“. Веселѣе пошелъ хороводъ: ишь какъ ловкій парень въ красномъ кушакѣ, въ бараньей шапочкѣ на бекрень пришлепнулъ и крикнетъ и—га!

Женщины (замужнія—булки) тоже стали въ кругъ; онѣ—всѣ въ рядъ—какъ притопнутъ вмѣстѣ, только земля загудитъ! И куда же вамъ хлопцы и дѣвушки такъ пристукнутъ? И движется кругъ то вправо, то влѣво, а внутри его ходятъ по кругу же музыканты, и маленькими волнами льется ихъ унылая пѣсня.

Въ четвергъ устраивается то же самое у невѣсты.

Въ пятницу утромъ съ 6 часовъ въ домѣ невѣсты собираются дѣвушки и „сѣютъ муку“.

На полу ставится корыто и надъ нимъ держатъ три сита, одно надъ другимъ, каждое сито держатъ по двѣ дѣвушки, въ верхнее сито сыпятъ муку, а стоящія вокругъ дѣвушки поютъ разныя пѣсни.

Закачались три сита,
Три сита шелковыя:
Они просѣяли горы и воды,
Одно лишь дерево осталось;
Подъ тѣмъ деревомъ дѣвушка и парень.
Деверь и молодуха черезъ мостъ идутъ;
Мостъ трясется отъ молодухинаго покрывала (була),
Отъ краснаго флага деверя.

———

Гдѣ его видѣла Гана (имя невѣсты)?
Видѣла его возлѣ водоема—
Я платье мыла, онъ коня поилъ!
Онъ мнѣ понравился, и я его полюбила.

———

Во время пѣнія невѣсту обсыпаютъ мукою.

Въ полдень расходятся по домамъ.

У жениха тоже собираются съ утра и дѣвушки и парни, пьютъ вино, обсыпаютъ жениха мукой, поютъ пѣсни:

Мнѣ сонъ снился; я во снѣ взволновался:
Въ субботу вечеромъ передъ воскресеньемъ;
Въ нашемъ садикѣ цвѣтутъ розы,
А на розахъ птичка поетъ,
Птичка поетъ и розу качаетъ,
Розу качаетъ и мнѣ, мамо, вѣсть подаетъ.

Мнѣ вѣсть подаетъ отъ любимой,
Отъ любимой, мамо, отъ обрученой,
Что обручилась, мамо, въ другой деревни.
Въ другой деревнѣ, мамо, за сына дяди.
А мнѣ предлагаетъ, мамо, деверемъ быть!
Какими ногами, мамо, пойду туда?
Какими руками, мамо, флагъ понесу?
Какими устами, мамо, невѣстой назову?

У жениха приготовляютъ изъ красной и бѣлой матеріи флагъ (байракъ), украшаютъ его цвѣтами, сухими гроздями винограда и зернами кукурузы, нанизанными на нитку, выходятъ во дворъ, устраиваютъ „хоро“ и поютъ пѣсни:

Антону мама говоритъ:
„Антонъ, сынъ мой, Антонъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ ты женихъ,
Гдѣ ты, сыночекъ, ложишься и гдѣ ты встаешь?“
Антонъ мамѣ отвѣчаетъ:
„Мама, старая мама,
Я ложусь, мама, я ложусь
Во второмъ садикѣ Станы
Возлѣ бѣлой и красной розы,
Возлѣ фіолетовой сирени!“
Мама говоритъ Антону:
„Антонъ, сыночекъ, Антонъ,
Я слыхала, люди говорятъ,
Что Стана тебѣ измѣнитъ!“
Антонъ мамѣ отвѣчаетъ:
„Мама, старая мама,
Не можетъ Стана мнѣ измѣнить:
Платокъ Станы у меня!“

Затѣмъ прикрѣпляютъ флагъ на крышу дома, „чтобы знали, что здѣсь свадьба“, и расходятся. Къ вечеру опять сходятся: родные и знакомые жениха у него, а родные невѣсты въ домѣ ея отца.

Каждый приноситъ съ собой, что можетъ: одинъ мѣрку пшеницы, другой что-нибудь жареное и т. д. Если отецъ богатый, то уже непремѣнно зарѣжетъ барана, если побѣднѣе, то дѣло обойдется и курицами, но бѣдный или богатый, а вина долженъ дать: безъ вина свадьба немыслима: вѣкъ будутъ смѣяться.

— И много же вина нужно на свадьбу!

— Но сколько же, напримѣръ, спрашиваю?

— Да мѣрокъ сорокъ, а если богатый, то и 60!

Отецъ невѣсты можетъ ограничиться мѣрками 15, но отецъ жениха меньше 40 мѣрокъ не можетъ обойтись. И женихъ и невѣста этотъ вечеръ проводятъ по домамъ въ средѣ своихъ родныхъ.

Въ субботу поздно вечеромъ женихъ идетъ къ крестному отцу, играющему, вообще, важную роль во время свадьбы. Тамъ же собираются и родные.

Все это время отъ среды до воскресенья невѣста никуда изъ дома не выходитъ; даже по воду не ходитъ; въ ея жизни это единственные три дня, когда не ходитъ по воду. Начинаютъ ходить уже съ 7, 8 лѣтъ и для дѣвочекъ имѣются особыя маленькія ведра. Съ водоемами (оксме) у дѣвушки связаны лучшія воспоминанія молодости: здѣсь происходятъ разговоры, здѣсь и начинается любовь.

Въ воскресенье женихъ въ первый разъ идетъ въ качествѣ жениха въ домъ невѣсты; его сопровождаетъ толпа народа, ѣдутъ фуры (каруцы): одна его, другая крестнаго отца, а третья родныхъ; на одну изъ фуръ накладываютъ вино, хлѣбъ, жареное, тутъ же и сапоги—подарокъ братьямъ невѣсты.

Въѣхали во дворъ. Женихъ останавливается и молчитъ. Крестный отецъ беретъ его за рукавъ и ведетъ ко двери дома; тутъ онъ останавливается; отецъ невѣсты даетъ позволеніе войти и крестный вводитъ жениха. А невѣста стоитъ молча среди комнаты, закрытая темнымъ платкомъ (було), сверхъ него на голову надѣвается ободокъ изъ монетъ. Сестра беретъ ее за руку, обводитъ вокругъ жениха, который стоитъ все время молча, и они берутся мизинцами, онъ—правой, а невѣста—лѣвой руки.

Крестный отецъ, держась за руку жениха, выводитъ ихъ во дворъ. Въ это время во дворѣ родные жениха стоятъ съ одной стороны, родные невѣсты—съ другой; музыка играетъ и всѣ пьютъ вино. Наконецъ, отецъ невѣсты кричитъ:

— Идемъ въ церковь, хайда!

Женихъ и невѣста, держась за руки, идутъ къ фурѣ и садятся, съ ними первые дружки съ его и ея стороны, здѣсь же везутъ и флагъ; музыка играетъ, всѣ пляшутъ; подтанцовываютъ и въ большой фурѣ и свадебный поѣздъ двигается къ церкви.

Пока идетъ вѣнчаніе, на улицѣ около церкви устраиваютъ хоро.

Въ церкви передъ вѣнчающимися столикъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ, стаканъ съ медомъ, вино и сахаръ.

По окончаніи обряда священникъ раздаетъ все это присутствующимъ.

Послѣ вѣнчанія ѣдутъ къ новобрачному.

Молодыхъ отводятъ въ особое помѣщеніе, а во дворѣ „хоро играютъ“. Тутъ уже и начинается настоящій праздникъ: пьютъ, ѣдятъ, пѣсни поютъ, кричатъ! Время проходитъ. Молодой выходитъ одинъ; въ комнату къ молодой идетъ старуха...

Послѣ возвращенія старухи пиръ принимаетъ еще болѣе шумный характеръ; пьютъ водку, прибавляютъ къ водкѣ медъ, гуляютъ далеко за полночь; стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ.

Свадьба окончена. Отца невѣсты поздравили [1]). Но теперь начинается рядъ любезностей и визитовъ. Молодой, чуть свѣтъ утромъ, посылаетъ водку крестному и роднымъ.

Родные и знакомые, съ своей стороны, съ хлѣбомъ и водкой приходятъ къ молодымъ, отцу невѣсты и крестному отцу.

Во вторникъ мужъ посылаетъ крестному отцу борщъ (чорба), вино, водку...

Является музыка и этимъ оканчивается празднество. Молодая носитъ було до среды и потому называется „булкой“, т. е. накрытой.

— Такъ-то,—закончилъ болгаринъ.

— Да вѣрно и у васъ такъ,—и, не дождавшись отвѣта, продолжаетъ:

— И у насъ, такъ и у васъ, да и у турокъ есть много похожаго.

Сегодня я отправился въ школу. Училище помѣщается рядомъ съ церковью въ прекрасномъ каменномъ домѣ. Надъ входомъ надпись:

„Народно Болгарско взаимно Училище. Основано 1864 г.“

Изъ сѣней одна дверь налѣво вела въ классную, а другая — въ комнату учителя Ивана.

Была рекреація, и Ивана я засталъ въ его комнаткѣ со священникомъ, сидящими за мисочкой борща съ курицей. Передъ ними лежали куски бѣлаго хлѣба (другого въ Болгаріи нѣтъ), они отламывали кусочки, мокали въ борщъ и отправляли въ ротъ. Встрѣтили меня очень радушно, приглашали принять участіе въ обѣдѣ; священникъ вытащилъ рукой ножку курицы и предлагалъ мнѣ „сію закуску“. Я поблагодарилъ и попросилъ воды; мнѣ подали кувшинъ чудной ключевой воды.

Съ Иваномъ я уже давно былъ знакомъ. Со священникомъ же встрѣтился въ первый разъ, и онъ въ разговорѣ жаловался на свое

---

[1]) Обычай мазать ворота дегтемъ въ извѣстныхъ случаяхъ и здѣсь существуетъ.

положеніе: онъ получалъ съ каждаго двора по 1 мѣркѣ пшеницы и по 1 мѣркѣ ячменя — всего, слѣдовательно, 560 мѣрокъ, „но, говорилъ онъ: у меня старикъ отецъ, всего насъ 10 человѣкъ, а нивки (земли) нема! Когда ходили въ Россію послѣ 1854 года, землю захватилъ Махмудъ бей“.

Учитель тоже, какъ и вообще вездѣ въ Болгаріи, получаетъ натурой: квартиру и по одной мѣркѣ пшеницы со двора.

Мы съ Иваномъ отправились въ классъ — это была большая, высокая, свѣтлая комната, большія окна съ двухъ сторонъ, по 3 въ рядъ. По стѣнамъ надписи: „онаго коего ты мразишь, другому даю не правишь!“, далѣе: „Въ началѣ бѣ премудрость и страхъ Божій“, „Бойся Бога, царя чти“ и т. п.

На одной изъ стѣнъ висѣла карта Европы (Вѣнское изданіе). Поперекъ комнаты тянулись длинныя узенькія скамьи, съ такими же узенькими столиками. Въ классѣ сидѣло около 20 мальчиковъ, одѣтыхъ совершенно такъ же, какъ одѣваются и взрослые болгаре.

Въ школу начинаютъ ходить съ 7—8 лѣтъ и ходятъ—сколько вздумается: ходятъ до 12—15 лѣтняго возраста; Иванъ учился въ этой же школѣ и учился лѣтъ 8.

Когда нѣтъ полевыхъ работъ, то ходитъ человѣкъ 70, теперь же не болѣе 20—30. На передней скамейкѣ сидѣли самые маленькіе ученики; у нихъ столики были съ маленькими бортами, здѣсь былъ насыпанъ мелкій песокъ и мальчуганы выводили буквы и слова пальцами.

— Пишите „истокъ“—говоритъ учитель.

Старое быстро стирается, и мальчуганъ старательно выдѣлываетъ на пескѣ печатными буквами „истокъ“.

— Западъ!—командуетъ учитель. Все вновь стирается и выводится новое слово. Я увидѣлъ знакомаго мальчика Стояна: передъ нимъ лежала краткая болгарская грамматика, и онъ усердно списывалъ заданное мѣсто въ разлинованной тетрадкѣ; другіе мальчики тоже списывали съ книгъ—кто въ тетрадки, кто на аспидной доскѣ.

Учатъ св. исторію, катехизисъ, болгарскую грамматику, болгарскую исторію, землеописаніе и ариѳметику. Учебники ниже всякой критики: преобладаетъ катехизическая форма, такъ, напримѣръ, изложена и „Исторія“; что же касается землеописанія, то это почти одинъ перечень названій.

За время пребыванія въ Болгаріи мнѣ пришлось познакомиться со многими учителями и видѣть много школъ. Учителями, по большей части, являются молодые люди изъ учительскихъ семинарій, ко-

торыя находятся въ Габровѣ, Рущукѣ, Тырновѣ и Лясковцѣ, или же, какъ Иванъ, воспитанники такихъ же народныхъ школъ, въ какихъ они потомъ сами являются преподавателями. Ни одеждой, ни образомъ жизни они не отличаются отъ народа; мнѣ только въ Бѣлѣ пришлось встрѣтиться съ учителемъ иного типа: онъ учился гдѣ-то за границей, хорошо говорилъ по-французски и ходилъ въ европейскомъ костюмѣ.

Школы стали устраиваться лѣтъ 25—30 тому назадъ, турецкое правительство никакихъ препятствій къ открытію школъ не ставитъ, и теперь вся Болгарія покрыта школами.

За время нашего пребыванія около Силистріи, я ознакомился со всѣми болгарскими деревнями, лежащими отъ Силистріи до половины дороги на Туртукай и до Дэли-Арманскаго лѣса (дальше въ лѣсу и вплоть до Шумлы — болгарскихъ селъ нѣтъ) и не нашелъ ни одного села, въ которомъ бы не было школы и церкви, а между тѣмъ здѣсь встрѣчались села и съ небольшимъ числомъ дворовъ; вотъ ихъ списокъ:

	Число дворовъ.
Афлаторъ	250
Кале Петрово	284
Кара Орманъ	100
Бабукъ	250
Гирлица	150
Канонія	90
Гергенджинъ	80
Айдеміръ	360 [1])
Среберна	120
Попкей	400
Бурчма	70
Альмали	320
Галица	60
Кучукъ Кайнарджи	90
Алифакъ	40
Караомуръ	90
Цѣтрена	70
Кадикей	40

Замѣтимъ, что первая церковь въ этой „окружіи" была деревянная, построенная русскими въ селѣ Альмали въ 1829 году.

Современное болгарское населеніе въ массѣ неграмотное и весьма

[1]) 80 двор. молдовъ.

мало религіозно, образчикомъ чего можетъ служить Панасъ изъ Карахаджали. Но, вѣроятно, не далеко то время, когда все молодое поколѣніе болгаръ будетъ грамотно.

На одной изъ стѣнъ я замѣтилъ какіе-то большіе листы, прибитые гвоздиками — это были воззванія высшаго болгарскаго духовенства. Содержаніе ихъ было такъ интересно, что я попросилъ позволеніе взять ихъ себѣ и въ рукахъ у меня очутились слѣдующіе два документа [1]:

1) Отъ 14 апрѣля 1877 года (т. е. на другой день объявленія войны) отъ имени епископовъ: Филиппопольскаго—Панарета, Доростольскаго—Григорія и Самоковскаго—Доситея, о томъ, что собранный въ Константинополѣ совѣтъ болгарскихъ духовныхъ лицъ свергъ своего экзарха „Негова Блаженства г-на Антима I" съ экзархата.

Благоговѣйные священники (пастыри), почтенные первенцы и прочіе благословенные христіане, чада наши о Господѣ возлюблены, да будетъ божественная благодать со всѣми Вами.

Общеизвѣстно, что несмотря на всѣ приложенныя усилія дать Экзархіи направленіе болѣе соотвѣтствующее духовнымъ и нравственнымъ нуждамъ благочестиваго населенія, труды Экзархіи не только не улучшались, но изо дня въ день начали приходить въ большій безпорядокъ. Это, не по нашей волѣ, положеніе вещей переполняло горечью наши души, тѣмъ больше и больше, чѣмъ яснѣе становилось, что чрезвычайныя обстоятельства такъ вредно дѣйствовали на положеніе Экзархіи, что всякое желаніе исправить его будетъ постигнуто неудачей, если не будутъ отстранены главныя причины зла. Это убѣжденіе и полное сознаніе отвѣтственности, которыя какъ члены Святѣйшаго Сунода, имѣемъ передъ Святой Нашей Церковью и передъ народомъ, принудило насъ подъ конецъ обратить все свое вниманіе на положеніе Экзархіи и обдумать тѣ мѣры, кои бы понадобилось предпринять, чтобы положить конецъ этому невыносимому положенію.

Съ этой цѣлью, такъ какъ Экзархія лишилась Экзархійскаго Совѣта, то нашли необходимымъ почтительно созвать Совѣтъ въ Экзархійскій домъ болгарскихъ представителей Камеры, представителей (Хіети-Мебусанъ) и болѣе вліятельныхъ здѣсь пребывающихъ нашихъ единородцевъ, для необходимаго совѣта, который и состоялся, и въ которомъ, принявъ во вниманіе условія, при которыхъ находилась Экзархія и положеніе самаго Его Блаженства Экзарха, рѣ-

---

[1]) Привожу здѣсь въ переводѣ.

шено было при обсужденіи обстоятельствъ, что въ пользу Экзархіи и народа, является необходимымъ оставленіе должности Болгарскаго Экзарха Его Блаженствомъ Г-омъ Антимомъ I-ымъ.

Относительно результатовъ этого рѣшенія, мы сообщили Высокой Портѣ объ оставленіи должности Его Блаженствомъ Г-омъ Антимомъ I-ымъ и исходатайствовали разрѣшеніе для выбора новаго Экзарха, что намъ и дано въ Высочайшемъ ирадэ, коимъ совѣтовалось направить свои силы на то, чтобы это избраніе совершилось какъ можно скорѣе, дабы новоизбранный Экзархъ согласно правиламъ Св. Нашей Православной Церкви могъ взять въ свои руки управленіе Экзархіи.

Вы видите, чада наши о Господѣ возлюблены, что смѣна Экзарха далека отъ всякихъ частныхъ интересовъ во вредъ Экзархіи и народа, а являлась необходимой, вслѣдствіе единственнаго желанія оставить въ дѣйствіи и силѣ неоцѣнимыя наши церковныя права и поставить Экзархійское начальство въ положеніе, отвѣчающее его обязанностямъ къ народу, и наградить его хорошимъ церковнымъ управленіемъ, что и есть необходимое условіе для нравственнаго его возрожденія. Всѣ, слѣдовательно, обязаны быть признательными В. Правительству Его И. Величества Султана, за Его расположеніе и благожеланіе дать намъ могущественную свою поддержку, привести свои церковныя дѣла въ порядокъ, отъ которыхъ такъ много зависитъ благоденствіе и благосостояніе вѣрноподданнаго нашего народа.

Мы считаемъ своею священною обязанностью посовѣтовать пастырски и отечески, чада наши о Господѣ возлюблены, не придавать значенія какимъ бы то ни было словамъ, кои бы были распространяемы, съ цѣлью породить смущеніе и безпокойство, а относясь съ полнымъ довѣріемъ къ Святѣйшему Нашему Сvноду, къ его стараніямъ защитить Православную вѣру и наши церковныя права, признанныя В. Ц. Фирманомъ, которымъ и основана Экзархія и укрѣпивъ себя духомъ единомыслія Христіанской братской любви и согласія, возносить вмѣстѣ съ нами теплыя молитвы къ подателю Міра и всякаго добра Всевышнему Богу, о благосостояніи Святой Болгарской Божей Церкви, о здоровьи и долгоденствіи Его И. В. Султанѣ Гамидѣ II, милостивѣйшемъ Нашемъ Государѣ по водвореніи мира и спокойствіи въ богохранимой Царской державѣ, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность прожить спокойно и благополучно. Аминь.

Въ Царьградѣ. Ортаквой. 14 дня Апрѣля мѣсяца 1877 г.

Филиппопольскій Панаретъ.
Доростольскій Григорій.
Самоковскій Доситей.

2) Прокламація отъ 1 мая 1877 г. отъ имени тѣхъ же лицъ; здѣсь указывается на благополучіе находиться подъ скипетромъ османовъ и содержится горячій призывъ къ болгарамъ молиться о дарованіи побѣдъ султану Гамиду II.

Масса текстовъ изъ священнаго писанія и все выходитъ очень убѣдительно!..

Благоговѣйные священники, почтенные первенцы и прочіе благословенные христіане по Христолюбивому постановленію Болгарской Экзархіи, чада наши о Господѣ возлюбленны, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа Спаса нашего, да будетъ со всѣми Вами.

Всевышній Богъ, Который все на свѣтѣ совершенно устраиваетъ и Который всемудро управляетъ судьбами человѣчества, по непостижимому Своему Промыслу, соизволилъ поставить уже столько вѣковъ тому назадъ Своего Израиля—благочестивый нашъ народъ подъ могущественную власть Отоманскихъ Государей. Въ сознаніи этого Небеснаго Опредѣленія наши предки и отцы, всегда послушные Богодухновенному ученію Святой нашей Православной вѣры, всегда словомъ и дѣломъ были вѣрны и искренно преданны свѣтлому Османскому Скипетру, согласно заповѣди Божественнаго Апостола: „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется" и т. д. (къ Римл. гл. 13, ст. 1—2).

Это чувство вѣрности и преданности къ законно-установленнымъ властямъ, которое справедливо намъ снискало наименованіе истинно мирнаго и вѣрноподданнаго народа, не могло остаться безъ возмездія; вслѣдствіе чего и помимо другихъ вещественныхъ и духовныхъ благъ, которыя съ давнихъ поръ мы унаслѣдовали и сохранили подъ могущественнымъ покровительствомъ Османскихъ Государей, мы удостоились честью видѣть исполненнымъ горячее наше желаніе — возстановленіе нашего церковнаго самоуправленія, основаніемъ согласно В. Ц. Фирмана Болгарской Экзархіи.

Нашъ священный долгъ, слѣдовательно, помня Апостольскую заповѣдь: „Повинитеся всякому человѣчу созданію, Господа ради" и т. д. (А. Петр. гл. 2, ст. 13—14), стараться всѣми силами—сохранить и въ себѣ священное преданіе нашихъ предковъ и отцовъ, заключающееся въ отысканіи условій хорошей и мирной жизни — въ вѣрности къ Османскому Престолу и въ повиновеніи къ установленнымъ властямъ, чтобы такимъ образомъ показать себя еще болѣе достойными многоцѣннаго благоволенія милостивѣйшаго Царскаго Правительства.

Отечески и пастырски увѣщаемъ и умоляемъ Васъ всѣхъ, чада

наши о Господѣ превозлюблены, внимайте непрестанно и будьте точными исполнителями дѣломъ и словомъ Апостольскихъ заповѣдей, которыя намъ предписываютъ имѣть всегда и при всякомъ случаѣ, а въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ — повиновеніе къ установленнымъ властямъ и берегитесь, какъ огня, злонамѣренныхъ и зломыслящихъ людей, кои могутъ появиться среди Васъ, стараясь посѣять смуты и раздоры. Ваше благо и ваша безопасность требуютъ, чтобы Вы соединились какъ дѣти одного отца, одного отечества съ согражданами, какой бы вѣры и народности они ни были и, соединенные духомъ братскаго союза и братскаго согласія имѣйте миръ между собою и всѣ единымъ сердцемъ и устами молитесь непрестанно Всеблагому и Всемилостивѣйшему Богу, да смилуется надъ нашей страной и избавитъ насъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей, которыя могутъ постичь, вслѣдствіе нападенія непріятеля, поднявшаго буйную брань противъ Богохранимой Царской Державы.

Съ той же цѣлью мы должны добровольно, ревностно и самоотверженно помогать Царскому Правительству, въ чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя оно считаетъ необходимыми принять для защиты Державы, ибо это наша обязанность какъ дѣтей общаго отечества, такъ какъ и въ то же время такъ угодно Богу, согласно съ Божественнымъ Апостоломъ:

„Сего ради и дани даете... Воздадите убо всѣмъ должная: ему же урокъ, урокъ; и ему же дань, дань; и ему же страхъ, страхъ; и ему же честь, честь“ (къ Римл. 13, ст. 6—7).

Особенно и болѣе всего мы всѣ должны молиться денноноще Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ Всеблагому Богу, да дастъ Онъ здравіе и благоденствіе Августѣйшему Государю нашему Султану Гамиду II, оружію же его побѣду надъ всякимъ врагомъ и супостатомъ, да сохранитъ Его Державу и да даруетъ миръ Міру (и людямъ своимъ) и такимъ образомъ да будетъ возможность прожить намъ тихо и спокойно при всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Всемогущій Богъ неизреченной своей благостію и безконечной своей милостью да избавитъ Васъ, дома Ваши и дѣтей Вашихъ отъ всякаго лукаваго дѣла. Аминь.

Въ Царьградѣ. Ортаквой. 1-ый день Мая мѣсяца, лѣта (отъ Р. Х.) 1877.

Филиппопольскій Панаретъ.
Доростольскій и Червенскій Григорій.
Самоковскій Доситей.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, при приходѣ въ Афлаторъ,—большое различіе въ одеждѣ здѣшнихъ болгаръ и тѣхъ болгаръ, которыхъ мы до сихъ поръ видѣли отъ Систова до Силистріи.

Конечно, и раньше наблюдалось нѣкоторое различіе въ одеждѣ разныхъ деревень, но это различіе касалось преимущественно излюбленныхъ цвѣтовъ одежды; здѣсь же не то: здѣсь, какъ дѣвушки, такъ и замужнія носятъ волосы, заплетенные въ нѣсколько косичекъ, какъ у татарокъ; нѣтъ плахтъ, вышивокъ на рубахахъ, такъ приближавшихъ костюмъ болгарки къ костюму малороссіянки: здѣсь носятъ родъ сарафана, подпоясаннаго тоненькимъ кушакомъ съ кистями. Разница тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что въ сосѣднихъ же селахъ костюмъ опять былъ тотъ же, что и около Рущука. Только еще въ двухъ деревняхъ—Казимірѣ и Бабукѣ попадались тѣ же костюмы, что и въ Афлаторѣ.

Скоро, однако, изъ разговора съ Пенко и его старухой матерью мнѣ выяснилось, что это различіе находится въ прямой связи съ интересной исторіей села Афлатора.

Лѣтъ 50 тому назадъ, т. е. въ двадцатыхъ годахъ XIX ст., на мѣстѣ нынѣшняго Афлатора не было никакого села—ширь да гладь, да Божья благодать: долина, какихъ много здѣсь, кругомъ поля, до которыхъ еще не дотрогивался плугъ, луга да лѣса. Началась война 28—29 г. Извѣстія объ успѣхахъ русскихъ распространились по всей славянской землѣ, русскіе доходили до Адріанополя, вездѣ болгаре встрѣчали ихъ радушно, по мѣрѣ силъ помогали и думали, что уже покончень старый порядокъ вещей, думали, что уже наступило новое время...

Но Адріанопольскій миръ подписанъ — русскіе стали уходить, и задумались болгаре — не отомстятъ ли имъ турки за свое пораженіе и за ихъ явное къ русскимъ сочувствіе. И вотъ, какъ разсказывала мнѣ старуха-мать Пенко, многіе изъ деревень, расположенныхъ около Сливны и Ямполя (это по ту сторону Балканъ), снялись и пошли вслѣдъ за русскими войсками...

Часть изъ нихъ осталась въ Румыніи, часть же дошла до Россіи, гдѣ и поселились, преимущественно, въ Бессарабіи. Человѣкъ двѣсти изъ ихъ деревни „въ 6 часахъ отъ Сливно" поселилось именно въ Бессарабіи. Года черезъ 4 (въ 1833 г.) они снова вернулись въ Турцію, и турецкое правительство отвело имъ для поселенія мѣсто, гдѣ теперь Афлаторъ.

Кто сколько имѣлъ скота и зерна для посѣва, тотъ столько и бралъ земли: земли было въ волю; устроились, прожили спокойно 21 годъ, выстроили даже церковь; но наступаетъ крымская кампанія,

опять русскіе около Силистріи, и опять они вслѣдъ за русскими въ 1854 г. переселяются въ Бессарабію, захвативъ съ собой все, что только можно было взять, и зарывъ остальное. Наступилъ 1856 годъ—Парижскій трактатъ подписанъ, и болгарамъ объявляютъ, что теперь они могутъ спокойно возвратиться въ Турцію—никто ихъ не тронетъ.

Вернувшись обратно, они застали въ наполовину разрушенномъ, наполовину сожженномъ селѣ—гостя—турецкаго бея; Махмудъ-бей за ихъ отсутствіе переселился въ Афлаторъ, захватилъ большой кусокъ земли, принадлежавшій церкви, и привелъ съ собой нѣсколько турецкихъ семействъ, которыя и поселилъ въ нѣкоторыхъ изъ брошенныхъ болгарскихъ домовъ; изъ нихъ и теперь еще здѣсь осталось 18 турецкихъ дворовъ; вернувшимся пришлось теперь работать на „помѣщика"...

Тѣ же болгаре, дома которыхъ были заняты турками, должны были искать другихъ мѣстъ для поселенія, они и поселились въ Казимірѣ, до тѣхъ поръ бывшемъ исключительно турецкимъ селомъ.

И замѣчательно, несмотря на всѣ эти переходы, они сохранили до послѣдней черточки костюмъ той мѣстности изъ-за Балканъ, откуда они вышли.

Не знаешь, право, чему больше удивляться—необыкновенному ли богатству природы или необыкновенному трудолюбію болгаръ?

Или тутъ пришло на помощь одно къ другому, чтобы дать возможность создать такое цвѣтущее село въ такое сравнительно короткое время и несмотря на всѣ внѣшнія неблагопріятныя условія!

Теперь вновь началась и окончилась кампанія; предварительныя условія мира блестящія, небывалыя: создается цѣлое новое государство. Призывается къ политической жизни народъ, совмѣщающій, какъ въ своемъ нравственномъ характерѣ, такъ и въ странѣ, условія будущаго процвѣтанія.

5 вѣковъ тому назадъ у этого народа была отнята родина, и онъ въ теченіе этихъ 5 вѣковъ, лишенный всякаго участія, всякаго голоса въ рѣшеніи вопросовъ, прямо касавшихся его интересовъ, его самобытности, разсѣянный по многочисленнымъ долинамъ Болгаріи, трудился, копалъ землю, сѣялъ, собиралъ, обращалъ эти

долины въ цвѣтущія села и, хотя и многое отъ него отбиралось, достигъ незауряднаго благосостоянія!

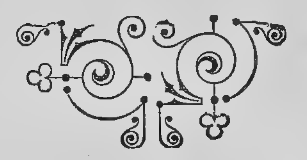
И теперь, когда этому народу даются права, каждому народу присущія, когда онъ призывается къ политической жизни—какъ не сказать, что этотъ народъ ждетъ будущность!

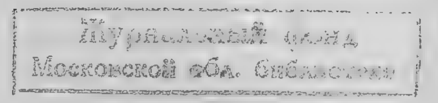
Говорилъ съ здѣшними болгарами о близкомъ будущемъ, но они настроены весьма пессимистически: въ ихъ памяти свѣжи воспоминанія о прошлыхъ кампаніяхъ, когда русскіе приходили, уходили, а все оставалось по-прежнему; и теперь они, кажется, ожидаютъ того же: „Турокъ говорилъ, что по уходѣ русскихъ, чтобы имъ больше незачѣмъ было сюда приходить, мы всѣхъ болгаръ перерѣжемъ!“

Замѣчательно, что многіе болгаре совершенно не понимаютъ, что война предпринята для ихъ освобожденія. Особенно поразилъ меня одинъ изъ нихъ, когда, во время разговора, на мой вопросъ о цѣли войны—онъ совершенно спокойно отвѣтилъ: „не знамъ — вѣрно царь Вашъ захотѣлъ воевать!“

Не бойтесь—теперь не уйдемъ такъ, не бросимъ Васъ: теперь будетъ у Васъ вашъ собственный князь, ваше управленіе, свое войско!

Л. Богаевскій.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВТОРОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Портреты.

Приложенія:

Библіографическій листокъ.

1. Побѣдоносцевъ. Доблесть русскаго воина (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ 1889—1909 гг. (тамъ же).

3. 1-й армейскій корпусъ въ войну съ Японіей 1904—1905 г. Первый выпускъ (тамъ же).

4. В. Яковлевъ. Оборона современныхъ долговременныхъ фортовъ въ періодъ ближней атаки. Спб. 1910 г. (тамъ же).

5. Книги по исторіи и исторіи литературы, вышедшія съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г. (тамъ же).

6. Я. П. Новицкій. Запорожскіе и гайдамацкіе клады. Малорусскія народныя преданія, повѣрія, разсказы, собранные въ Екатеринославщинѣ. 1873—1906 г. Александровскъ. 1908 г. (на оберткѣ майской книги).

7. Мѣстническій справочникъ XVII вѣка. Изданъ Ю. В. Татищевымъ. Вильна. 1910 г. (тамъ же).

8. Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Книга II. Вильна. 1907 г. (тамъ же).

9. Григ. Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. По неизданнымъ архивнымъ документамъ (Записки Московскаго Археологическаго института. т. V) М. 1909 г. (тамъ же).

10. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 г.г.). Подъ редакціей А. Л. Волынскаго, при сотрудничествѣ Н. Г. Молоствова и П. А. Сергѣенко и при завѣдываніи художественной частью Е. П. Самокишъ-Судковской и М. В. Добужинскаго. Изданіе книгоизд—ва П. П. Сойкина. Спб. Выпуски I и II (на оберткѣ іюньской книги).

11. М. Х. Рейтернъ. Біографическій очеркъ. Составленъ А. Н. Куломзинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ — бар. Нолькенъ. Съ приложеніями посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна, 1910 (тамъ же).

12. А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. М. 1910 (тамъ же).

13. Изъ записной книжки артиста Василія Васильевича Безикерскаго. 1850—1910 (тамъ же).

14. П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова. Т. V. Спб. 1910 (тамъ же).

15. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3-го по 10 декабря 1909 г. (тамъ же).

Къ почитателямъ памяти отца Іоанна Ильича Сергіева

(Кронштадтскаго протоіерея).

Едва-ли не самымъ яркимъ проявленіемъ чуда Божія по молитвѣ чтимаго всею Россіею въ Бозѣ усопшаго пастыря отца Іоанна Кронштадскаго было исцѣленіе по ученію св. церкви бѣсноватой, а по объясненію ученыхъ страдавшей тяжкою формою эпилепсіи крестьянки Кончанской волости, Сопинскаго прихода, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Евдокіи Афанасьевой, изъ деревни Румянцевы Горки.

Болѣзнь этой несчастной представляла собою, по объясненію ученыхъ, ту чрезвычайно рѣдко наблюдаемую форму, такъ называемой, классической истеро-эпилепсіи, которая не поддается, по авторитетному мнѣнію такихъ профессоровъ, какъ покойный Шарко, никакому леченію внушеніемъ.

И тѣмъ не менѣе почившій отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ нѣсколько мгновеній молитвы совершенно излѣчилъ страдалицу въ присутствіи многихъ десятковъ почетныхъ лицъ, приглашенныхъ 30 августа 1901 года на завтракъ въ Кончанской школѣ, состоявшійся по случаю освященія въ этотъ день постояннаго каменнаго храма въ селѣ Кончанскомъ, въ вотчинѣ генералиссимуса Суворова взамѣнъ ветхой деревянной церкви, сооруженной самимъ непобѣдимымъ витяземъ и перенесенной въ Петербургъ.

30 августа 1911 года исполняется десятилѣтіе со дня этого чудеснаго непостижимаго исцѣленія по молитвѣ пастыря Божія.

Въ благоговѣйную память о почившемъ великомъ молитвенникѣ земли русской, въ Сопинахъ Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, образованъ и утвержденъ подлежащими свѣтскими и духовными властями комитетъ по сбору пожертвованій на устройство тамъ же больницы и общины сестеръ милосердія для обслуживанія всѣхъ тѣлесныхъ недужныхъ даннаго района, не имѣющихъ вблизи ни больницъ, ни врачей.

Всѣ тѣ, кому дорога память о почившемъ подвижникѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ, всѣ тѣ, кому онъ принесъ пользу своею молитвою, своимъ предстательствомъ предъ престоломъ Всевышняго, — откликнитесь и дайте то, кто что можетъ, на это маленькое, но святое дѣло практической христіанской любви и христіанскаго милосердія.

Всѣ тѣ, кого утѣшилъ, приласкалъ, обнадежилъ, душевно поднялъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, торопитесь пріобщиться къ дѣланію добра во имя почившаго добродѣлателя.

Не одну слезу утретъ эта больница и эта община. Не одного работника вернетъ она для поддержки семьи.

И не разъ, осѣняя себя крестомъ, помолится получившій тамъ врачебную помощь страдалецъ.

Помолится и за Васъ, благодѣющихъ во имя отца Іоанна Кронштадтскаго и за того, ради кого Вы благодѣете.

Торопитесь же. Съ міра по ниткѣ—и будетъ создано прекрасное дѣло, посвященное имени прекраснѣйшаго изъ русскихъ пастырей.

Пожертвованіе можно направлять или Предсѣдателю Комитета Земскому Начальнику Евгенію Александровичу Шаверновскому, или Священнику отцу Льву Матвѣеву, въ Сопины, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова. Т. V. Исторія Западной Европы въ новѣйшее время. Изданіе В. Березовскаго. СПБ. 1910.

Извѣстный курсъ покойнаго профессора Петрова былъ доведенъ только до послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка. Такъ какъ этотъ курсъ принятъ въ качествѣ пособія при изученіи исторіи въ высшей школѣ, то необходимо было его закончить, и проф. П. Н. Ардашевъ взялъ на себя это дѣло. Пятый томъ, написанный проф. Ардашевымъ, и по научному типу, и по манерѣ изложенія вполнѣ соотвѣтствуетъ первымъ четыремъ. Онъ такъ же сжатъ и такъ же богатъ и содержателенъ, такъ же даетъ довольно обильную библіографію и вмѣстѣ съ четырьмя первыми заслуживаетъ права полнаго гражданства и въ программахъ широкаго самообразованія, и въ университетскомъ преподаваніи. Образцомъ педагогической талантливости г. Ардашева можетъ служить хотя бы заключительная глава, о соціализмѣ новѣйшаго времени, гдѣ на двадцати страничкахъ ясно изложена теорія и исторія соціализма нашей эпохи.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 по 10 декабря 1909 г.

А. Л. Донесеніе голландца фонъ-деръ-Хэльста о Полтавской битвѣ. Изъ неизданныхъ матеріаловъ нидерландскихъ архивовъ. Спб. 1909. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 16⁰ (11×16). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXIV. Акты, относящіеся ко вр. войны за Малороссію (1654—1667). Вильна. 1909. Тип. Русскій Починъ (Сиротская, 20). 4⁰ (23×31). 611+2 неп.+588 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 21 л. 400 экз.

Дмитріевъ, П. Д. Московскій первоклассный Новоспасскій Ставропигіальный монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. (Историко-археологическій очеркъ). М. 1909. Тип. Русская Печатня (Садовая-Тріумф., 170). 8⁰ (18×26). 122+12+II стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Статьи. Кіевъ. 1910. Изд. Ив. Ив. Самоненко. 2-е доп. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (16×23). 333 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 1.200 экз.

Заозерскій, Н. А., проф. Село Благовѣщенское близъ Троице-Сергіевой лавры. М. 1909. Тип. Русская Печатня (Садовая-Тріумфальн., 170). 8⁰ (18×26). 28 стр. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Кольцовъ, А. В. Полное собраніе сочиненій. Академическая библіотека русскихъ писателей. Вып. I. Изд. 2-е. Подъ ред. А. I. Лященко. Спб. 1909. Тип. Академіи Наукъ и Мин. Вн. Дѣлъ. 8⁰ (16×22). XXXIV+448 стр. Съ 9 портр. и снимками. Ц. 60 к. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 20.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. М. 1909. Изд. книгоизд. Образованіе (Долгоруковская, 87). Тип. „Русскаго Товарищества" (Мыльниковъ пер., св. д.). 4⁰ (25×34). 120 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 5.000 экз.

Николай Михайловичъ, Вел. Кн. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. Т. 3-й. Спб. 1909. Тип. Экспедиціи Заготовленія Госуд. Бумагъ. 8⁰ (20×29). 778 стр. Съ 30 таб. и портр. Вѣсъ 6 ф. 20 л. 800 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ. Спб. 1909. Изд. и тип. „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (17×24). 214 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 4.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Психологія мысли и чувства. Художественное творчество. Основы веданизма. Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×23). 231 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 4.000 экз.

Перетцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи. Критико-библіографическій обзоръ. Вторая серія. I—X. Кіевъ. 1909. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8⁰ (17×25). 39 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Рождественскій, С. В. Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Составлено при участіи В. Г. Соломина и В. В. Тодарскаго. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Обществ. Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×25). XV+396 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 600 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Т. 86. Спб. 1909. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8⁰ (17×25). I+53+VIII+236+XI+231+1+247 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 3 ф. 5 л. 613 экз.

Содержаніе: 1) Кондаковъ, Н. П. Отчетъ о дѣятельности Отдѣл. Русскаго яз. и словесности. 2) Фасмеръ, М. Р. Греко-славян. этюды. 3) Ровинскій, П. А. Черногорія. 4) Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей.

Флугъ, К. К. Викинги и Русь. Спб. 1909. Тип. Голике (Звенигородская, 11). 8⁰ (14×20). 45 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

